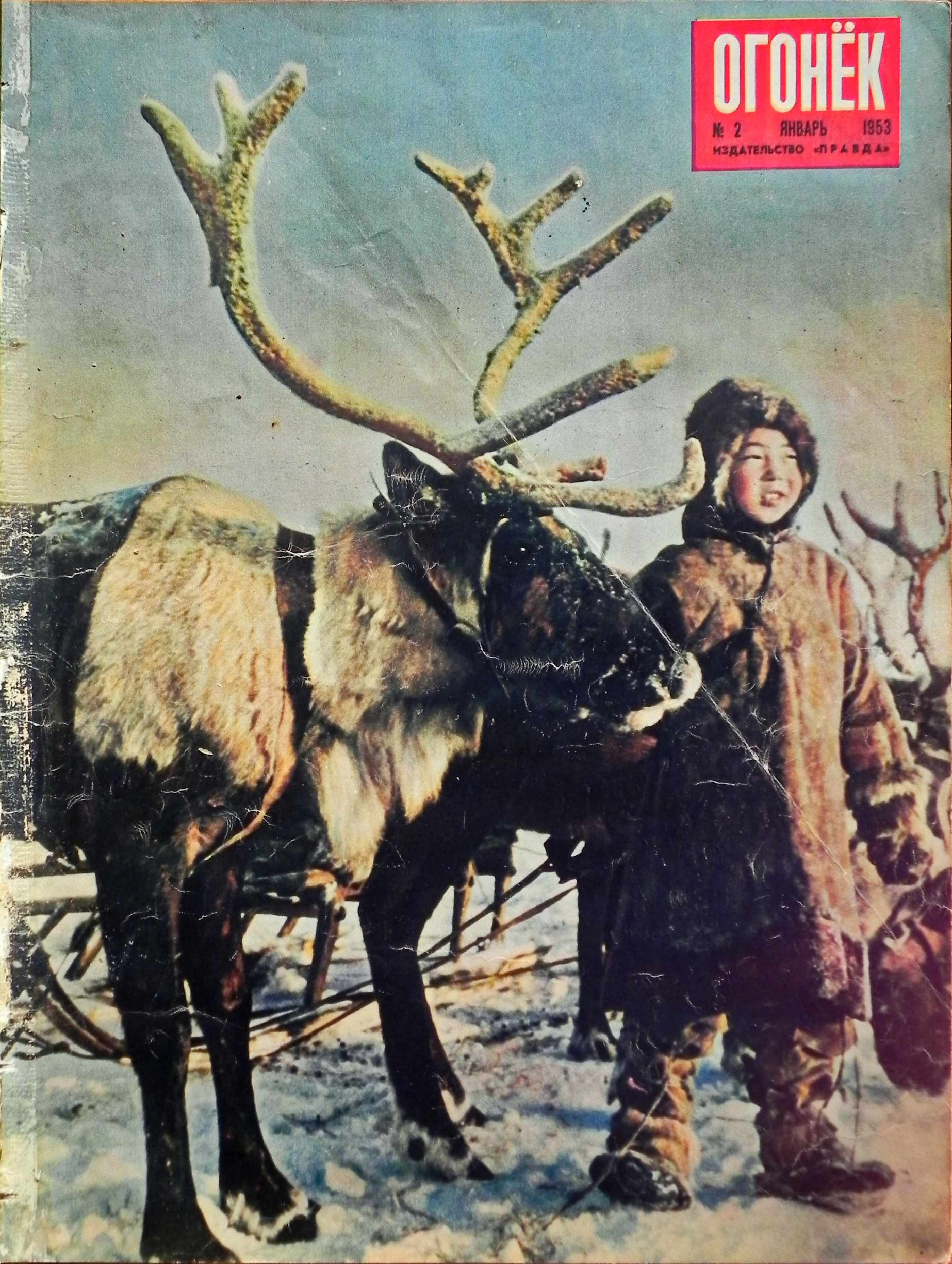

ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Из снимков, присланных на фотоконкурс «Огонька». 1952 год.

Надежда Крутько — лучшая газорезчица строительства компрессорной станции на газовой магистрали Дашава — Киев.

Фото Г. Любинского, Киев

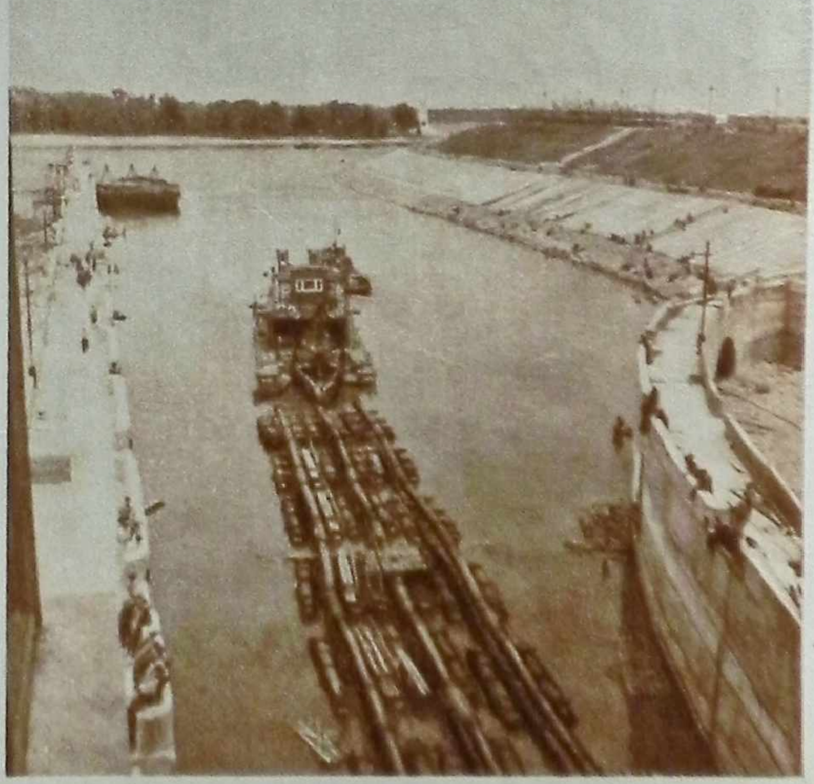
Пионеры Узун-Агачской школы, Джамбулского района, Алма-Атинской области, на привале в горах.

Фото В. Марунина, Алма-Ата

Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина. Земснаряд выходит из канала в Волгу.

Фото Ю. Каценбергас, Вильнюс

На первой странице обложки: Юный оленевод.

На четвертой странице обложки: Попался!

Фото Галины Санько

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 2 (1335) 11 ЯНВАРЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Год 1953 наступил

Накануне нового года товарищ Сталин, отвечая на вопросы корреспондента «Нью-Йорк Таймс», с исчерпывающей ясностью вновь подтвердил, что войну нельзя считать неизбежной, что Советский Союз и Соединенные Штаты Америки «могут и впредь жить в мире». В ответах товарища Сталина вновь подчеркивается готовность СССР сотрудничать в интересах прекращения войны в Корее.

Эти сталинские слова придают сотням миллионов людей новые силы в их борьбе за мир, за прекращение политики насилия и агрессии. Люди доброй воли на всем земном шаре вступают в 1953 год, полные твердой уверенности, что лагерь мира, возглавляемый Советским Союзом, становится все сплоченней, что есть все возможности сорвать человеконенавистнические планы поджигателей войны.

Минувший год долго будет памятен в истории как год, ознаменованный выходом в свет гениального произведения товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», которое является выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма.

Классический труд товарища Сталина вооружил Коммунистическую партию и весь наш народ научно обоснованной программой строительства коммунизма. В политшколах и кружках, в вечерних партийных школах, на семинарах и лекциях коммунисты и все трудящиеся познают преобразующие сталинские идеи. Изучение гениального произведения товарища Сталина идейно закаляет наши кадры, помогает в решении задач коммунистического строительства.

Пафосом мирного труда охвачен советский народ, вступивший в новый год осуществления грандиозных строительных планов.

Волнующие, радостные вести в канун нового года и с первых же его дней поступали со всех концов нашей необъятной Родины. Досрочно выполнили годовой план шахтеры, железнодорожники, нефтяники, металлурги и энергетики СССР. Досрочно завершили план второго года пятой сталинской пятилетки тысячи предприятий. Динамовцы и краснопролетарцы, коллективы передовых ленинградских заводов имени Куйбышева, «Электрик» и многих других, доменщики Магнитогорска и работники Днепрогэса рапортовали о сверхплановых вкладах в социалистическое хозяйство.

Советские люди успешно решают задачи, поставленные XIX съездом партии. В ходе соревнования выдвигаются замечательные новаторы производства, изыскивающие новые приемы труда, совершенствующие технологию. Каждый день страна узнает новые и новые имена стахановцев, талантливых передовиков из гущи народных масс.

Всенародным подъемом отмечена подготовка к крупнейшей политической кампании — выборам в местные Советы депутатов.

Под знаком мирного труда встретил советский народ новый год. Первая в мире страна победившего социализма стоит на страже международной безопасности. Мир нужен нам, мир нужен нашему юному поколению. У счастливой советской детворы накануне нового года начались веселые каникулы. Пусть же и впредь беспечальной будет жизнь наших детей, идущих навстречу своему светлому будущему.

НА СНИМКАХ СПРАВА (сверху вниз):

1. Консультация для слушателей политшколы на московском заводе «Тизприбор». Слева направо: сборщик П. С. Романов, работница Л. К. Зайцева, пропагандист — главный механик завода К. Н. Манин и мастер И. Д. Беляков.

2. Московский инструментальный завод. Кузнец И. В. Крыгин внес несколько рационализаторских предложений. В реализации этих предложений ему помогала Н. В. Букашкина, конструктор, студентка Московского вечернего института машиностроения. На снимке: Крыгин и Букашкина работают над чертежом нового усовершенствования.

3. В дни школьных каникул. На катке в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького.

Город Чкалов. Избиратели на агитпункте № 13.

Фото С. Осипова, О. Кнорринга и Г. Санько

ВДОХНОВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО МАСС

В истории нашей социалистической Родины немало было крупнейших событий, глубокий смысл которых не сразу укладывался в сознании людей, как бы ошеломляя своими темпами и масштабами.

Вспомним январь 1933 года. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). С докладом об итогах первой пятилетки выступает товарищ Сталин. Весь мир как бы замер, прислушиваясь к голосу вождя советского народа. Друзья — с чувством восхищения изумительными плодами творческого труда. Враги — с нескрываемой злобой и животным страхом перед победами свободного народа.

Казалось невероятным, неслыханным разработать грандиозный пятилетний план, который враги называли несбыточной фантазией большевиков, и выполнить этот план... в четыре года!

Выполнение первой пятилетки в четыре года явилось выдающимся фактом в современной истории. Эта победа, говорил товарищ Сталин, имеет поистине всемирно-историческое значение. Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы международного пролетариата.

В течение четырех лет были решены сложнейшие задачи, выполнены огромного объема работы. За короткий срок Коммунистическая партия, сплотив народ, сумела перевести страну с ее отсталой техникой на рельсы новой, современной техники; превратить СССР из страны аграрной и немощной в могучую индустриальную страну; создать экономическую базу для построения социализма; перевести мелкое и раздробленное сельское хозяйство на рельсы крупного коллективного хозяйства и, наконец, создать все необходимые условия в целях умножения оборонной мощи страны. Такие победы стали возможны потому, что советская власть, познав законы экономического развития, постоянно опиралась на них, использовала их в интересах общества.

Как слова победного гимна, слова героической поэмы, прозвучали 20 лет назад сталинские слова:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь...

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь...

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь...»

В стране появилась автомобильная, химическая промышленность, промышленность по производству сельскохозяйственных машин.

Капиталистические элементы были вытеснены из промышленности окончательно и бесповоротно. Страна превратилась в могучую державу, способную снабдить свою армию всем необходимым для обороны Родины. В стране было создано более 200 тысяч колхозов и около 5 тысяч совхозов. Ликвидирована безработица — этот извечный бич трудящихся во всех капиталистических странах; уничтожена нищета в деревне. С каждым днем росло и крепло благосостояние народа. Крепла его культура.

В историю человечества первая пятилетка вписала Магнитострой, Днепрострой, Кузнецкстрой, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автомобильные заводы.

С тех пор прошло двадцать лет. В стране свершилось немало других важнейших событий. Родина победившего социализма успешно осуществляла сталинские пятилетки; советский народ сокрушительным ударом ответил на наглое вторжение немецкого фашизма, наголову разбив врага; вооруженные силы Советского Союза помогли ряду стран Европы и Азии избавиться от империалистического ига и стать на путь строительства социализма; страна успешно претворяет в жизнь сталинский план построения коммунизма. Велики победы нашего народа за последнее двадцатилетие. Но и теперь нельзя забыть особых успехов советского народа в годы первой пятилетки. Эти успехи именно особые. Особы их роль и значение.

Нельзя без волнения и гордости вспомнить годы первой пятилетки, удивительные по своему напряжению, народному энтузиазму и какой-то жажде людей к героическому труду. Ударники и ударницы первой пятилетки покрыли себя неувядаемой славой мужественных легендарных героев труда. Поднятые партией огромные народные массы, словно сказочная, волшебная сила, с чудодейственной быстротой стали преображать лицо советской земли.

Коммунистическая партия поставила трудную задачу — за кратчайший срок пересесть с обнищалой мужицкой лошади на лошадь крупной индустрии. «Смелая задача? — говорил товарищ Сталин. — Трудный путь? Но наша партия потому и называется ленинской партией, что она не имеет права бояться трудностей».

Твердая уверенность партии в реальности принятого плана, вера в свой народ, великая цель, во имя которой партия принимает планы, вдохновили миллионы и миллионы советских людей на великое творчество. В стране свободного труда, где труженики являются творцами новой жизни, в самом народе родился призыв: «Пятилетка в четыре года!» Развернулось невиданно широкое, мощное социалистическое соревнование. Партия Ленина — Сталина вызвала к жизни бурный расцвет творческих способностей народа, навсегда избавленного от гнета и эксплуатации.

Объясняя причины побед пятилетки, товарищ Сталин указывал:

«Это, прежде всего, активность и самоотверженность, энтузиазм и инициатива миллионных масс рабочих и колхозников, развивших вместе с инженерно-техническими силами колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества».

Творческая инициатива народных масс в нашей стране является могучим родником неиссякаемых сил социалистической державы. Этот родник бил и в годы первой пятилетки, и в грозные годы напряженного труда на нужды фронта, и в послевоенное время восстановления хозяйства страны. В наши дни — дни великих строек коммунизма — этот родник бьет все с новой и новой силой.

Ленин говорил, что живое творчество масс — основной фактор нашей новой общественности, что социализм есть создание самих народных масс.

С победой социализма в нашей стране титаническая энергия, вызванная Октябрьской революцией, получила широкий простор для своего развития. Социалистический строй, коренным образом изменивший положение трудящихся в обществе, явился источником полного раскрытия таланта народа, его созидательного труда во всех областях хозяйства и культуры.

Все знают, как в годы первой пятилетки нашей партии, товарищу Сталину приходилось бороться с врагами Родины — троцкистами, бухаринцами и их подголосками, подкупленными американскими и другими империалистами. Но народ верил партии, верил ее вождю — товарищу Сталину — и полной мерой отдавал свои силы для победы социализма. И социализм победил!

Победа социализма открыла всем народам, населяющим нашу страну, безграничный простор для выявления их скрытых сил, подавляемых до революции угнетателями, дала простор для расцвета их дарований, инициативы, осуществления смелых дерзаний.

Первые коммунистические субботники, которые В. И. Ленин назвал великим почином, были той искрой, которую заронила наша партия в сердце народа и разожгла в неугасимое пламя, рождающее прекрасное новое и сжигающее всю нечисть отживающего, уходящего, старого.

Отчет Центрального Комитета нашей партии на XIX съезде ярко продемонстрировал плодотворные итоги творческой активности советского народа. Всемирно-исторические победы нашего народа в строительстве коммунистического общества явились результатом сознательной деятельности, героического труда миллионов советских людей, ведомых партией Ленина — Сталина.

Товарищ Сталин 20 лет назад говорил, что в мире нет и не было такой могучей и авторитетной партии, как наша Коммунистическая партия. Твердое руководство партии и правительства, зовущих массы вперед и преодолевающих все и всякие трудности на пути к цели,— великая сила наших побед. Коммунистическая партия Советского Союза потому и непобедима, что она знает, куда вести дело, и не боится трудностей.

Если промышленное производство в капиталистических странах за последние десятилетия топчется на месте или, как в Америке, только в результате развертывания войны против корейского народа и перехода к усиленной гонке вооружений выросло в 1951 году вдвое по сравнению с 1929 годом, то в Советском Союзе за 1929—1951 годы объем промышленного производства увеличился почти в 13 раз. В 13 раз! Это знаменательный и весьма убедительный итог. Это итог мирного созидательного труда. Это победа мирного народа, строящего коммунизм. Так развивается все хозяйство советского народа, его промышленность, земледелие, культура, наука.

Вскоре после победоносного окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году, товарищ Сталин указал нашему народу программу ближайших пятилеток, подготавливающих условия для перехода к коммунистическому обществу. Накануне XIX съезда партии в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин дал ясную программу перехода от социализма к коммунизму.

Товарищ Сталин вооружил народ ясностью перспективы, он приумножил волю советского народа, вдохновил его на подвиги творческого труда. Каждый день приносит новые имена новаторов, показывающих высокие образцы труда на общество, во имя коммунизма. Коммунизм возникает как результат сознательного творчества миллионных масс трудящихся.

Великий, несокрушимый, благородный народ поступью великана уверенно идет к намеченной цели. С ним, во главе его — его партия, его власть — власть советская, народная.

В эти дни народ наш, преисполненный законной гордости за свою державу, большим трудовым и политическим подъемом отмечает подготовку к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Советские люди еще и еще раз с искренней, горячей любовью повторяют слова товарища Сталина: «В мире нет и не бывало такой могучей и авторитетной власти, как наша, Советская власть».

Советский государственный и общественный строй навсегда раскрепостил человека в нашей стране, снял с него оковы и вывел на светлый, радостный путь творчества; твори, дерзай — ты сам создаешь свое счастье. И ты его создал!

Б. БУРКОВ

ВЕРНОЕ ОРУЖИЕ

З. ХИРЕН

Фото М. Савина

1

С того момента, когда Иван Михайлович впервые робко постучался в двери незнакомой квартиры и на вопрос: «Кто там?» — ответил: «Агитатор»,— прошло немало времени. Тогда, признаться, он смутно представлял себе, с чего начнет, как будет отвечать на вопросы. Коммунистом был он молодым, в партию вступил на фронте, и прежде подобных поручений ему не случалось выполнять.

Он хорошо понимал, что не так-то просто сразу расположить к себе людей, заинтересовать их беседой, вникнуть в их жизнь. Прямо с работы шел он на участок.

Встретив впервые Ивана Михайловича, не скажешь, что это кузнец. Он не похож на тех кузнецов, которых часто изображают на картинах и описывают в книгах. Не назовешь его ни рослым, да и плечи у него не «косая сажень». Между тем с металлом Ворошилов разделывается так свободно, словно то вовсе и не металл, а глина, а сам он не кузнец, а скульптор. Кстати, так его на заводе часто и называют.

Раз посмотришь на него в кузне и навсегда запомнишь освещенное пламенем лицо его, великое множество тоненьких морщинок, собравшихся около глаз. Тыльной стороной ладони сдвигает он черный берет на голове, и от этого высокий лоб выглядит еще крупнее, красивее. Но вот Иван Михайлович заметил, что его молодой напарник чего-то замешкался.

— Бывало, в походе,— улыбается ему Иван Михайлович,— устанешь, но вот грянет оркестр — и сразу все изменяется. Усталость как рукой снимет. Шаг становится бодрым, а мы, солдаты, словно помолодели. Видно, и у нас в кузнечном деле надо тоже обзавестись музыкой. А то как же, работа горячая, без накала и шагу не сделаешь. Нет, дружище, шалишь, кузнец до самых седых волос остается молодым и веселым!

Ясно, что вспомнил Иван Михайлович о музыке лишь для того, чтобы подбодрить молодого помощника. А ведь, по правде сказать, самому не очень-то приходилось маршировать под музыку. Всю войну Иван Михайлович провоевал, имея в руках противотанковое ружье. Солдаты называли это ружье любовно золотым. Золотое-то золотое, но весу в нем все же было шестнадцать килограммов. Бывало и так: танк пронесется над твоей головой, а ты затем встаешь со дна окопа, выплюнешь землю, набившуюся в рот, и опять ведешь огонь.

Парнишка сразу догадался, в кого метит кузнец, и начал работать с той особенной жадностью и ненасытностью, которая и постороннему в глаза бросается. Конечно же, Ивану Михайловичу было лестно, что помощник так быстро откликнулся на замечание. Но мы-то все знали, что стоило юноше пропустить мимо ушей слова кузнеца, все вышло бы иначе, тут уж кузнец прямо, без всяких обиняков, сказал бы, что так, с холодочком, в кузне работать нельзя.

Вспомнился тут другой наш разговор с Ворошиловым. Тогда он сказал:

— Рабочий человек должен быть откровенен, ничего не приукрашивать и критиковать «в полной мере». Был у нас на заводе один начальник. Так вот он вслух никого не критиковал, но и не любил, чтобы его критиковали. Услышит, что критикуют, молчит. «Молчит-то молчит,— говорили про него рабочие,— а человека, поднявшего против него голос, уже «ест» и долго будет «есть», а удастся, так и с завода сживет». Как же с таким поступать,— усмехнулся мой собеседник,— такого ласковым словом не возьмешь. Ему следует при всем народе сказать, что о нем думают, и, может быть, не один раз.

Доверенные лица еще и сейчас вспоминают, как во время выборов в местные Советы им часто доводилось выслушивать от избирателей много таких историй об агитаторе Ворошилове, о которых на заводе никто не догадывался. Их товарища знали во всех семьях. Он принимал горячее участие в жизни многих людей, был свидетелем человеческих радостей, неудач, видел, как одни росли, учились, преуспевали, поднимались вверх, но были и такие, кто в силу ли собственного легкомыслия, или лени, или под влиянием других причин опускались, как он выражался, падали духом, не проявляли инициативы в жизни. Он был не просто наблюдателем. Именно такие семьи его больше всего интересовали, и хотя там-то его и не всегда, может быть, встречали приветливо, он все же старался проникнуть в жизнь таких людей, помочь им.

— Получилось так,— сказал мне один рабочий, который в те дни был доверенным лицом,— что не мы рассказывали о Ворошилове как о кандидате в депутаты, а нам о нем говорили, причем всегда одно хорошее. Вот народ и пожелал избрать такого человека в Совет.

Избрали его депутатом районного Совета по тому же округу, где он был агитатором. Он вновь стал частым гостем в тех же домах, в тех же семьях, где бывал прежде по поручению заводской партийной организации.

Все-то оно было так. Но когда Иван Михайлович после избрания вновь направился к своим старым знакомым, его охватили новые тревоги и волнения. Теперь все должно было быть иначе. Он всех знал, и все знали его. Но нелегко было свыкнуться с тем, что теперь ты депутат и народ ждет от тебя чего-то большого, значительного.

2

Закончив работу на заводе, Иван Михайлович отправлялся в тот уголок Измайлова, где жили его избиратели. Вокруг шла гигантская стройка. Один за другим вырастали новые жилые дома. Ввысь поднимались стрелы подъемных кранов, и это говорило о том, что строительство развертывается все шире, для многих сотен людей скоро будут готовы удобные и просторные квартиры. Но дело в том, что многие из тех, кто избрал Ворошилова в Совет, все еще продолжали жить в старых домах, нуждавшихся в ремонте. Кузнец ходил по асфальтированным дорожкам, проложенным возле новых зданий, и думал о том, что в квартале, где живут его избиратели, пока таких дорожек нет. Посматривал на окна новоселов и думал о том, что в квартирах его избирателей и света меньше и нет такого уюта. Конечно, со временем все улучшится, но людям нужно помочь сейчас. И это должен сделать он, их депутат.

Если прежде для Ивана Михайловича главным было слово агитатора, то теперь он должен был принимать практическое участие в решении множества будничных, но важных житейских дел.

Сразу же обратил он внимание на два дома, нуждавшихся более других в ремонте. Дома принадлежали конторе Метростроя. Ворошилову представлялось, что для ремонта понадобится не так уж много времени. Он тщательно все осмотрел, посоветовался с техниками, штукатурами, плотниками, малярами,— словом, подошел к делу по-рабочему, так, как если бы речь шла о поковках у него в кузне.

Не учел Иван Михайлович только того, что в конторе этой он столкнется с такими людьми, которым ничего не стоит пообещать и не выполнить своего обещания. Ворошилов не раз наведывался в эту контору, и все зря. Посетовал он на свою судьбу в райисполкоме. Один из работников поставил ему в пример управдома, который без всяких смет и планов где-то раздобыл жесть, краски, лес и отремонтировал квартиры.

— А, по-моему, вы зря такого хвалите,— возразил Ворошилов,— он все достает окольными путями,— значит, не чист наруку.

Резко выразил свое мнение новый депутат, но справедливо. На одной из ближайших сессий райсовета он также резко раскритиковал контору Метростроя.

— Они все только обещают,— сказал он,— а сами ничего не делают. Кое-кто и в райсовете свыкся с тем, что люди не выполняют своих обещаний. Я узнал, что такие же точно обещания давались и моему предшественнику. Видно, эти руководители дожидаются следующих выборов, чтобы затем таким же образом вводить в заблуждение нового депутата.

— Я полностью согласен с Ворошиловым,— заявил присутствовавший там начальник конторы, которого критиковал Иван Михайлович,— и даю слово устранить все недостатки.

Но тут кто-то из депутатов не стерпел и крикнул с места:

— Вы много раз обещали, а что толку?!

Чем больше на пути нового депутата возникало препятствий, тем настойчивее «воевал» он с теми, кто считал заботу о жилищных условиях трудящихся второстепенным делом.

Приятели ему иногда говорили:

— Что ты, Иван Михайлович, один сделаешь. Ведь нужны стройматериалы, деньги, мастера, сметы, а у тебя всего этого нет.

Иван Михайлович вначале и сам иногда так думал. Но потом убедился, что все же депутат может сделать многое. Он встречал на своем пути немало отрицательных явлений и не желал с ними мириться. Правда, иногда всердцах жаловался он секретарю парторганизации:

— Не буду больше выступать. На меня злятся.

У себя в кузнице.

— А ты не обращай внимания,— отвечал ему тот.— Злятся,— значит, твоя критика доходит.

Впрочем, кто же не знал, что Иван Михайлович лишь только грозится, что выступать не будет, а на самом-то деле он уже так «устроен», что без критики жить не может.

Вскоре Ворошилов вновь выступил в райсовете по поводу ремонта домов.

— Вам уже, наверное, надоело слушать о «моих домах»,— начал он.— Все вы помните, как тут одна из депутаток сказала, что даже в новых квартирах есть недостатки. Депутатка обнаружила там комнаты, в которых всего лишь одно окно, да и то одновременно служит дверью на балкон, и справедливо заметила, что это неудобно для жильцов, что даже цветка не поставишь, все время занавеску приходится отдергивать. Я говорю это к тому, что вот выступил тут другой оратор — уже новый начальник стройконторы,— так тот совсем иначе на дело смотрит: ему, оказывается, некогда вникать в мелочи. Он доложил, что у него все дома в удовлетворительном состоянии, в том числе и те два, о которых я вам уже не раз говорил. Какое же это удовлетворительное состояние, когда фасады целых десять лет не штукатурились, не красились, да и в квартирах ремонт нужен! Кого вздумал обманывать этот человек? Надо прямо сказать, плохо заботится он о жилье рабочих, а ведь эти же самые рабочие все отдают для выполнения и перевыполнения производственных планов. Таких руководителей надо клеймить позором,— вот как я думаю.

Никто из нас прежде ни разу не видел Ивана Михайловича в таком возбужденном состоянии.

Наконец оба дома были включены в список зданий, подлежащих капитальному ремонту, и туда прислали мастеров, которые не медля взялись за работу. Иван Михайлович все свободное время проводил здесь.

Когда Иван Михайлович спорил о лесе, о красках, о кровле,— все это могло показаться слишком будничным. Но вот дома отремонтированы. Депутат заходит в светлые квартиры своих избирателей. За столом сидят дети, готовят уроки. Всюду чистота. Все с удовольствием рассказывают о том, как стало хорошо после ремонта.

Ему было радостно, что люди в нем нуждаются, доверяют ему все самое сокровенное, обращаются к нему и по таким делам, которые прямого отношения к его депутатской деятельности не имеют.

3

Многие говорят, что Ворошилов уж слишком копается в мелочах, но на это Иван Михайлович обыкновенно отвечает:

— Когда нас избирали, народ не давал нам наказа от мелочей отворачиваться.

Как-то ему и еще нескольким депутатам райсовет поручил обследовать поликлинику. Всех их предупредили, что поликлиника на хорошем счету, что в ее работе много интересного. Внешне там все было благополучно, но Ворошилов первым долгом попросил жалобную книгу.

— Нужно прислушиваться к критике,— сказал он,— иначе наше обследование ничего не даст.

— Как же это так,— удивился Иван Михайлович, перелистывая книгу,— поликлиника на хорошем счету, а жалоб столько, что их уже записывать негде?

Это депутатское обследование помогло устранить много недостатков в работе поликлиники. Иван Михайлович поближе познакомился с врачами, изучил особенности их большой и трудной деятельности. Теперь он работает в секции здравоохранения, бывает в больницах, поликлиниках, посещает больных на дому.

Приходит к нему на прием избирательница и жалуется на то, что сын ее стал плохо учиться. Иван Михайлович записывает адрес школы и отправляется туда. Там вскрывает много недостатков: нет пионерской комнаты, плохо работает буфет, много ребят слишком увлекается голубями. Заодно узнал, что и тот мальчуган, на которого пришла жаловаться мать, тоже целыми днями гоняет голубей. Иван Михайлович обо всем доложил райсовету. И что же, через некоторое время на улице его останавливает женщина и горячо благодарит. Это мать того мальчугана. Сын ее стал хорошо учиться, да и вообще, по ее мнению, в школе все переменилось к лучшему.

Конечно, всего этого один только Иван Михайлович добиться не мог. В улучшении работы этой школы приняли участие партийные работники, учителя, другие депутаты райсовета. Но Ворошилов в данном случае дал сигнал, и сигнал своевременный. А помогло ему в этом то, что он разглядел в жалобе матери мальчика вопрос государственной важности.

Вот вам и «мелочи».

Таким знают его и на заводе. Заметит, что молодой рабочий, которому понадобилась планка, разбивает целый ящик, подойдет и скажет:

— Что ж ты делаешь? Ведь ящик-то стоит заводу двенадцать рублей.

Я слышал, как перед заводским собранием несколько девчат, усевшись в первый ряд, о чем-то пошушукались и затем ушли в самый конец зала. Мне захотелось узнать, почему они так поступили. И одна из них созналась:

— Иван Михайлович на прошлом собрании постыдил нас за то, что мы не учимся, заметит нас теперь, и опять взбучка будет.

И девушки не ошиблись. Ворошилов о них вспомнил, хотя они и притаились в последнем ряду. И вспоминал после этого еще несколько раз. Ведь сам-то он тоже учится, а ему куда труднее.

Между прочим, среди тех девчат, как уж потом выяснилось, была и его дочка Лида, работающая на заводе лаборанткой.

Как-то, вернувшись домой, Ворошилов сказал жене:

— Мать, а дочку-то нашу в стенгазете протянули.

— За что же это? — всполошилась та.

— А ты лучше у нее спроси,— посоветовал Иван Михайлович.

И что же оказалось? Ворошилов, убедившись в том, что его увещевания на дочь не действуют, решил повлиять на нее через заводскую печать. Он написал заметку о тех девушках, которые, избегая учебы, спрятались от него, а заодно упомянул и о дочери. Правда, на этот раз Ворошилов поступил не совсем «откровенно», прибегнул к псевдониму, но на заводе все, в том числе и Лида, догадались, кто автор заметки. А самое главное: девушки пошли учиться, и вместе с ними — его дочь.

4

Иван Михайлович собирался в очередной отпуск и решил, что хорошо будет перед отъездом еще раз повстречаться со своими избирателями.

— Гулять,— сказал он дома,— так с легкой душой.

Просматривая вечером маленькую книжечку, в которой описывалась деятельность районного Совета за истекший год, Иван Михайлович как бы вновь подытожил, что сделано в районе. Он прочитал о росте продукции заводов и фабрик, о строительстве новых школ, детских садов, жилых домов, о прокладке новых газовых и водопроводных сетей, о работе больниц, магазинов, театров.

— Да, здо́рово наши люди поработали,— сказал он жене и подумал о том, что же он сам сообщит завтра избирателям. И хотя во всем том, о чем писалось в маленькой книжечке, была и доля его труда, Ивану Михайловичу показалось, что все-таки сам он еще очень мало сделал.

Дни стояли теплые, и отчетное собрание товарищи посоветовали провести у тех самых домов, которые удалось отремонтировать. «Теперь они настолько изменились,— говорили все,— что стоит их показать людям, и это уже будет половина твоего отчета депутата». Словом, все как будто обстояло хорошо, хвалить Ивана Михайловича было за что. Но вот он отчитался. И что же, избиратели оказались куда придирчивей, чем он предполагал. Они интересовались многим, и на все надо было тут же отвечать. Под конец выступил пожилой рабочий и стал критиковать депутата.

— Все же мы на вас больше надеялись,— сказал он,— мало вы сделали. Вот взять хотя бы асфальтированные дорожки... Сколько у нас о них было разговоров, а где они, эти дорожки?

— Я оправдываться не буду,— ответил Иван Михайлович,— критику вашу принимаю с большим уважением.

Когда собрание окончилось, инструктор райисполкома, молодой человек, сказал Ворошилову:

— Просто обидно, Иван Михайлович, вы столько работаете, и все же нашлись люди, которые стали вас упрекать. Не обижайтесь, скажу вам: сами вы в том виноваты. Надо было побольше сказать о своей работе в секции, на сессиях.

— Нет, об этом незачем было говорить,— прервал своего собеседника Ворошилов,— народ требует, чтобы я сказал о работе на их участке.

— Просто жалко, как подумаешь: работает, работает человек, пусть бы другие так поработали,— продолжал спутник, но Иван Михайлович опять не дал ему договорить:

— Мне до других дела нет. Мне поручили, и я должен отвечать. А пожалеете вы меня, если на следующих выборах избиратели меня забаллотируют? Сейчас жалеть меня не из-за чего. Критиковал меня товарищ правильно. Что там говорить, проморгал я асфальтированные дорожки, а то бы под ногами у нас не хлюпала сейчас грязь. Думаю, когда в другой раз будем с вами возвращаться с отчетного собрания, дорожки уже проложат, и не вредно будет нам с вами тогда вспомнить старика, который во-время покритиковал наши недостатки.

В поликлинике.

ЧЕТЫРЕСТА ТЫСЯЧ ВОЛЬТ

Опытный участок линии электропередачи напряжением в 400 тысяч вольт.

Н. П. АСТАХОВ

Фото А. Шайхета

Раннее зимнее утро. Еще не рассвело, а на обширном пустыре в Подмосковье уже кипит работа. Высятся деревянные и металлические опоры. Некоторые из них только установлены, на других подвешены провода.

На четыре километра вытянулись укрепленные на мачтах провода опытного участка. Здесь проводятся исследования, связанные с сооружением высоковольтной линии электропередачи Куйбышевская ГЭС — Москва.

Верхолазы устанавливают на вершинах мачт контрольную аппаратуру. Внизу, на земле, проверяют точность установки опоры и измеряют усилия, возникающие в различных ее частях.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану требуют: «Осуществить строительство и ввести в действие линию электропередачи Куйбышев — Москва». Этой задаче и подчинены все работы нашего коллектива.

Куйбышевская ГЭС, когда она вступит в строй, ежегодно будет давать столице 6 миллиардов 100 миллионов киловатт-часов. Электрическая энергия пойдет в Москву по высоковольтной линии. Ее напряжение — 400 тысяч вольт, а протяженность — 925 километров.

Мировая практика еще не знала передачи такого огромного потока электроэнергии на столь дальнее расстояние. Высоковольтная линия от американской гидроэлектростанции Боулдер Дамм протяженностью в 430 километров имеет напряжение 287 тысяч вольт. В нашей стране наибольшее напряжение при передаче электроэнергии на дальнее расстояние составляет 220 тысяч вольт. Для будущей линии Куйбышев — Москва такое напряжение недостаточно.

Чем вызвано применение более высокого напряжения?

Подсчитано, что если применить напряжение в 220 тысяч вольт, то, во-первых, пришлось бы построить несколько линий, идущих рядом, и, во-вторых, неизбежные годовые потери достигли бы 30—40 процентов всей передаваемой энергии,— это равно примерно общей выработке всех электростанций России в 1913 году. Переход к напряжению в 400 тысяч вольт, при котором будет работать линия электропередачи Куйбышев — Москва, дает возможность свести потери до 8,5 процента.

Русские ученые были зачинателями в исследовании теоретических основ и в практическом применении передачи электрической энергии на дальние расстояния.

Еще в 70-х годах прошлого столетия Ф. А. Пироцкий и Д. А. Лачинов проводили опыты и разработали теорию передачи электрической энергии на большие расстояния. В конце 80-х годов выдающийся русский инженер М. О. Доливо-Добровольский первый в мире осуществил промышленную передачу переменного трехфазного тока на расстояние 175 километров при напряжении 8 500 вольт. Имена русских электриков известны всему человечеству. Но дореволюционная Россия не смогла использовать достижений передовой техники. По производству электрической энергии она в 1913 году занимала пятнадцатое место в мире.

Электрификация страны началась лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Наша страна, осуществив ленинский план ГОЭЛРО и гигантское энергетическое строительство в годы сталинских пятилеток, вышла по производству электроэнергии на первое место в Европе и второе — в мире.

Строительство гигантских волжских ГЭС поставило перед наукой новую, очень трудную задачу — найти рациональный способ передачи мощных потоков электроэнергии на расстояние в тысячу и более километров.

Наш коллектив на опытном участке решает ряд технических вопросов, связанных с сооружением высоковольтной линии электропередачи Куйбышев — Москва.

В монтажных условиях проверяются предва-

Установка дистанционных распорок на проводах.

Промежуточная опора линии электропередачи устанавливается на набивном фундаменте.

рительные расчеты элементов линии, уточняются приемы ее сооружения.

Тяжелые, монолитные фундаменты под опоры потребовали бы больших земляных работ и огромной затраты бетона. Инженерами Н. П. Астаховым, И. А. Рихтером и В. Н. Сергеевым разработаны новые типы железобетонных фундаментов. Эти фундаменты позволят значительно сократить земляные и бетонные работы и дадут на стройке будущей линии Куйбышев — Москва экономию в 20 миллионов рублей.

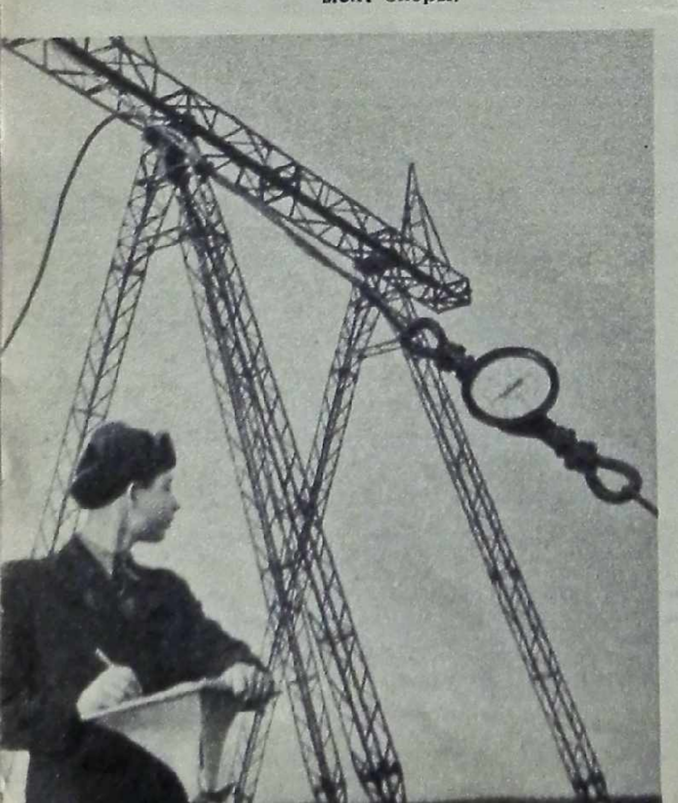
На опытном участке решается также вопрос об арматуре для подвески проводов. Техническими расчетами было установлено, что провод высоковольтной линии должен иметь сечение в 1 500 квадратных миллиметров. Это втрое толще всех применявшихся ранее проводов. После ряда исследований было решено каждую фазу линии электропередачи Куйбышев — Москва выполнять не одним проводом, а тремя, сечением в 480 квадратных миллиметров каждый. Провода располагаются по вершинам равностороннего треугольника на расстоянии 400 миллиметров друг от друга. Для того, чтобы это расстояние было постоянным, сконструированы специальные приспособления — так называемые дистанционные распорки.

Мы должны решить много других вопросов, волнующих строителей линии электропередачи Куйбышев — Москва. Коллектив опытного участка ОРГРЭС Министерства электростанций сделает все для того, чтобы эта линия была бы наиболее надежной и сооружена с наименьшими затратами.

Блок набивного железобетонного фундамента новой конструкции.

Техник В. Ивлев замеряет нагрузку на фундамент опоры.

Интервью «Огонька»

ГОД ВЕЛИКИХ РАБОТ

Академик Н. И. МУСХЕЛИШВИЛИ,

президент Академии наук Грузинской ССР

Когда говорят о нашей республике, обычно добавляют: «солнечная». Солнечная Грузия. Край величественных горных вершин, покрытых вечным снегом и льдом, густых лесов, цветущих долин и альпийских лугов.

Когда говорят о Грузии, прежде всего имеют в виду ее субтропическое хозяйство, виноградарство и виноделие, марганцевую и нефтеперерабатывающую промышленность, курорты, обладающие мировой славой. Ученые Грузии открывают новые залежи полезных ископаемых и минеральные источники, выводят новые сорта цитрусовых, повышают урожайность зерновых культур, винограда, чайных плантаций.

В многообразной деятельности наших ученых, как в зеркале, отражаются рост духовных и материальных сил грузинского народа, великие преобразования, происшедшие в республике за годы советской власти.

Значительное число наших исследовательских учреждений располагает первоклассным оборудованием; подготовлены свои национальные кадры, способные решать крупные научные проблемы. Широкую известность приобрели, например, прикладные и отчасти теоретические труды наших математиков. Серьезные успехи достигнуты в астрономии, хотя исследования в этой области начаты сравнительно недавно. В Абастуманской обсерватории точность фотоэлектрических наблюдений намного превосходит точность аналогичных работ лучших американских обсерваторий. Благодаря трудам металлургов удалось получить марганец высокой чистоты.

Ученые Грузии поставили перед собой задачу: достигнуть первоклассных результатов во всех ведущих областях, чтобы вместе с русскими и другими учеными Советской страны занять первое место в мировой науке.

Сейчас, в новом году, мне хочется не столько подвести итог сделанному — хотя оно и огромно,— сколько рассказать о ближайших задачах, поставленных перед нами директивами XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза по пятому пятилетнему плану.

Грузия занимает в Советском Союзе одно из первых мест по насыщенности гидроэнергией. Подсчитано, что наши горные реки обладают потенциальной мощностью в 12 миллионов киловатт. У нас большие, еще непочатые гидроэнергетические ресурсы.

Это выдвигает перед учеными крупные проблемы. Для того, чтобы использовать силу падающей воды в намеченных масштабах, требуется от научных учреждений, в первую очередь от Энергетического института Академии, обоснованный перспективный план развития энергетики Грузии. В этом году институт займется изучением рациональных путей комплексного использования рек Арагви, Куры, Алазани, Иори, Кодори, Чорохи, Ингури.

Многое надо сделать и в изучении проблемы автоматизации и телемеханизации гидроэлектростанций и промышленных предприятий, использования местных топливных ресурсов. Наших ученых ожидает большая и почетная работа: мощность наших гидроэлектростанций значительно возрастает, и это позволит, в частности, еще больше развить металлургическую и тяжелую промышленность.

Тот, кто приезжает в Тбилиси или Цхалтубо, в Батуми или Кутаиси даже после короткого перерыва, всегда находит какие-нибудь перемены: города все время благоустраиваются, строятся, расширяются. Наши научные учреждения, в первую очередь Институт строительного дела, должны внести немалый вклад в реконструкцию городов, особенно столицы республики — Тбилиси. Намечен обширный план работ: механизация строительства, изыскание новых строительных материалов, разработка новых экономичных конструкций.

Специалисты горного дела заняты вопросами газификации Тбилиси, используя сланцы Ткибульского месторождения.

Наши ученые разведали ряд нефтеносных районов — в некоторых из них нефть уже добывается,— помогли расширить Чиатурские марганцевые залежи, увеличить добычу коксующихся углей в Ткварчельском и Ткибульском, бурых углей в Ахалцихском месторождениях. Сейчас Институт геологии и минералогии Академии занят исследованиями геологического строения и петрографии районов распространения каменного угля и других полезных ископаемых.

В области сельского хозяйства республика должна обеспечить себя зерном собственного производства; необходимо еще больше расширить площади садов, создать новые плантации, виноградники, заливные луга.

Намечено провести огромные осушительные работы, прежде всего в благодатной Западной Грузии, славящейся мягким, влажным климатом и своими лесами. Вдоль Черноморского побережья раскинулась Колхидская низменность. Осушив эту огромную, в недавнем прошлом заболоченную местность, постепенно осваиваемую, мы создадим условия для выращивания ценнейших технических и субтропических культур: лимонов, мандаринов, тунга, чая, эвкалиптов, бамбука.

Преображенная Западная Грузия станет краем изобилия. Здесь на обширной территории предстоит заложить 11 государственных эвкалиптовых лесных полос. Они пересекут всю Рионскую низменность — от Аджаро-Имеретинского до Главного Кавказского хребта. Уже засажена площадь в 1 500 гектаров, столько же будет освоено в нынешнем году. Активное участие в этом деле принимает Институт леса.

Большой интерес представляет самгорская проблема. Сорок тысяч гектаров степной неполивной площади ранее служили зимними пастбищами. Но здесь вполне можно разбить сады, культивировать сельскохозяйственные растения. Было решено создать Самгорскую оросительную систему имени И. В. Сталина. В 1951 году закончено сооружение основной ее магистрали и «Тбилисского моря».

В нынешнем году начнется освоение первых орошаемых полутора тысяч гектаров полей. На этой площади раскинутся лесосады с миндалем, абрикосами, сливами, гранатами, виноградниками... По соседству появятся такие древесные породы, как эльдарская и черная сосна, дикая фисташка, грузинский клен.

Благодаря Самгорской оросительной системе скудные пастбища превратятся в цветущую равнину. Она изменит климат Тбилиси и его окрестностей, население получит много дополнительной продукции сельского хозяйства, еще больше повысится материальное благосостояние грузинских крестьян.

Однако наши работы не ограничиваются пределами Грузии: мы стремимся всемерно помочь великим стройкам коммунизма. Ученые Грузии изучают вопросы борьбы с заилением верхнего бьефа головных сооружений Главного Туркменского канала. Нашим ученым уже удалось решить практически важный вопрос об использовании мелкозернистых песков в гидротехническом строительстве на Украине и в Туркмении. В этом новом году мы еще больше усилим свою помощь великим стройкам коммунизма.

СЛАВНЫЙ СЫН ИНДИИ

Редакция журнала «Огонек» попросила нескольких видных деятелей движения сторонников мира Индии высказать свое мнение в связи с присуждением международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» д-ру С. Китчлу.

Ниже мы публикуем их ответы.

РАМЕШ ЧАНДР,

генеральный секретарь Всеиндийского совета мира

Я бы хотел сначала рассказать вам об одном эпизоде из жизни доктора Сайфуддина Китчлу. В мае прошлого года на Конгрессе сторонников мира Индии д-р Китчлу был избран президентом Всеиндийского совета мира. В то время он был очень болен. Его мучили острые боли в позвоночнике. Он плохо видел. Но движение сторонников мира испытывало в те дни в южных провинциях большие трудности. Совет мира решил послать в эти места одного из своих видных представителей. Мы долго думали над тем, кому лучше туда поехать. Ведь предстояла ответственная и тяжелая поездка. Д-р Китчлу объявил нам, что у него есть подходящая кандидатура. Затем он добавил, что этот человек, можно надеяться, справится с тяжелой задачей. И он назвал нам имя этого человека:

— Доктор Сайфуддин Китчлу.

Было условлено, что в связи с болезнью д-р Китчлу проведет в южных провинциях не больше двух недель.

Он провел там шесть недель, выступал по 6—8 раз в день. Он обращался к людям с проникновенным словом, он защищал идею сохранения мира от врагов мира, он отвечал на вопросы, которые сыпались со всех сторон...

В 1919 году, когда д-р Китчлу был приговорен к пожизненному тюремному заключению за участие в национально-освободительном движении, его имя было примером для молодежи Индии, примером мужества и отваги.

Сегодня его имя — снова яркий пример для миллионов индийцев, борющихся за дружбу между народами, против войны.

Д-р Китчлу — горячий сторонник индо-советской дружбы. Он говорил мне, что, по его мнению, лучший путь для укрепления отношений между нашими странами — это обмен делегациями и, главное, всемерное расширение торговых связей.

Мне тоже это представляется чрезвычайно важным.

Международная Сталинская премия, как сказал д-р Китчлу,— это награда и нам, миллионам индийцев, борющихся за мир. Это — признание высокой роли нашего народа в борьбе за мир.

РАВИШАНКАР РАВАЛЬ,

художник, делегат Конгресса народов

Имя доктора Сайфуддина Китчлу овеяно в нашей стране большой и доброй славой. Это имя пользуется особой популярностью у молодежи Индии, которая чтит в нем одного из лучших представителей нашего великого народа, борца за свободу Индии.

Он не раз подвергался преследованиям, сидел в тюрьмах, но воля его к борьбе не ослабевала. Видный деятель партии Индийский национальный конгресс, он стал в первые ряды индийских сторонников мира. С этого момента его слава неизмеримо растет, ибо простые люди моей страны связывают с сохранением мира свои лучшие надежды.

Мне известно, что, когда в Пенджабе шла братоубийственная война, индусы и мусульмане мирились друг с другом после того, как услышали умное и доброе слово д-ра Китчлу. Он посеял в Пенджабе мир и дружбу.

Большая честь, которая оказана доктору Китчлу,— это честь не только Всеиндийскому совету мира, это высокая честь для всех миролюбивых сил нашей страны.

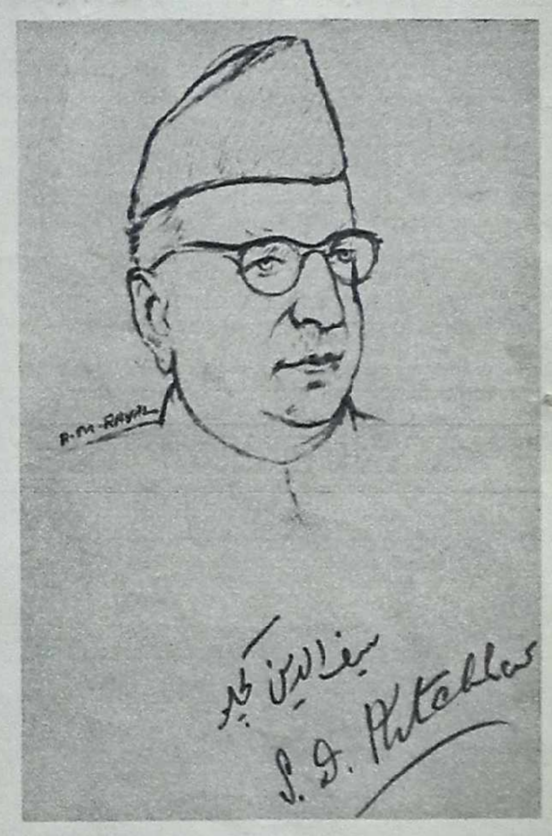
Я не ошибусь, если скажу: Сталинская премия поможет нам в нашей борьбе за мир. Да, мы многое сможем сделать благодаря этой награде.

«Я верю, что присуждение этой премии индийцу откроет широкий путь к укреплению дружественных отношений между Индией и Советским Союзом. Я хочу заявить сейчас здесь, с этой исторической трибуны, ЧТО НИКАКАЯ СИЛА НА ЗЕМЛЕ НЕ СМОЖЕТ ЗАСТАВИТЬ ИНДИЙСКИЙ НАРОД УЧАСТВОВАТЬ ПРЯМО ИЛИ КОСВЕННО В ЛЮБОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Мы с вами имеем старые традиции дружбы и взаимного уважения.

Давайте отстоим и укрепим их, чтобы Индия и Советский Союз вместе с другими миролюбивыми странами могли навязать мир поджигателям войны!»

Из речи доктора Сайфуддина Китчлу по случаю вручения ему международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Этот портрет доктора Сайфуддина Китчлу сделан для журнала «Огонек» одним из старейших художников Индии Равишанкаром Равалем.

С. БАНЕРДЖИ,

депутат Индийского парламента, делегат Конгресса народов

— Вы спрашиваете, как я оцениваю присуждение д-ру Китчлу Сталинской премии? Прежде всего следует отметить, что эта премия — свидетельство искреннего стремления Советского Союза к миру. Присуждение международной Сталинской премии нашему лидеру д-ру С. Китчлу тем более значительно, что движение сторонников мира в нашей стране сделало еще далеко не все, что можно и нужно было бы сделать. И все-таки оно удостоено такого высокого признания.

Миллионы граждан Индии благодарят Комитет по международным Сталинским премиям, благодарят советский народ.

В постановлении Комитета говорится, что международная Сталинская премия присуждена д-ру Китчлу за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира. Мы надеемся, что эти заслуги д-ра Китчлу будут еще больше.

Так же, как и художник Раваль, г-н Банерджи считает, что присуждение премии имени Сталина д-ру Китчлу усилит движение за мир в Индии.

— Наши усилия будут более дружными,— говорит в заключение г-н Банерджи,— наши успехи будут более значительны.

5 января сего года в Кремле в присутствии многочисленных представителей советской общественности состоялось торжественное вручение Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся борцу за мир доктору Сайфуддину Китчлу. При вручении присутствовали лауреаты международной Сталинской премии г-жа Сун Цзин-лин, профессор Го Мо-жо, писатель Илья Эренбург. Представители советской общественности горячо поздравили доктора С. Китчлу с высокой наградой, пожелав ему здоровья и новых сил в благородном деле защиты мира.

На снимке: лауреаты международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» г-жа Сун Цзин-лин, доктор С. Китчлу и профессор Го Мо-жо.

Фото Дм. Бальтерманца

У САМОГО КАРСКОГО МОРЯ

В. СОЛОУХИН

Фото Галины САНЬКО

1

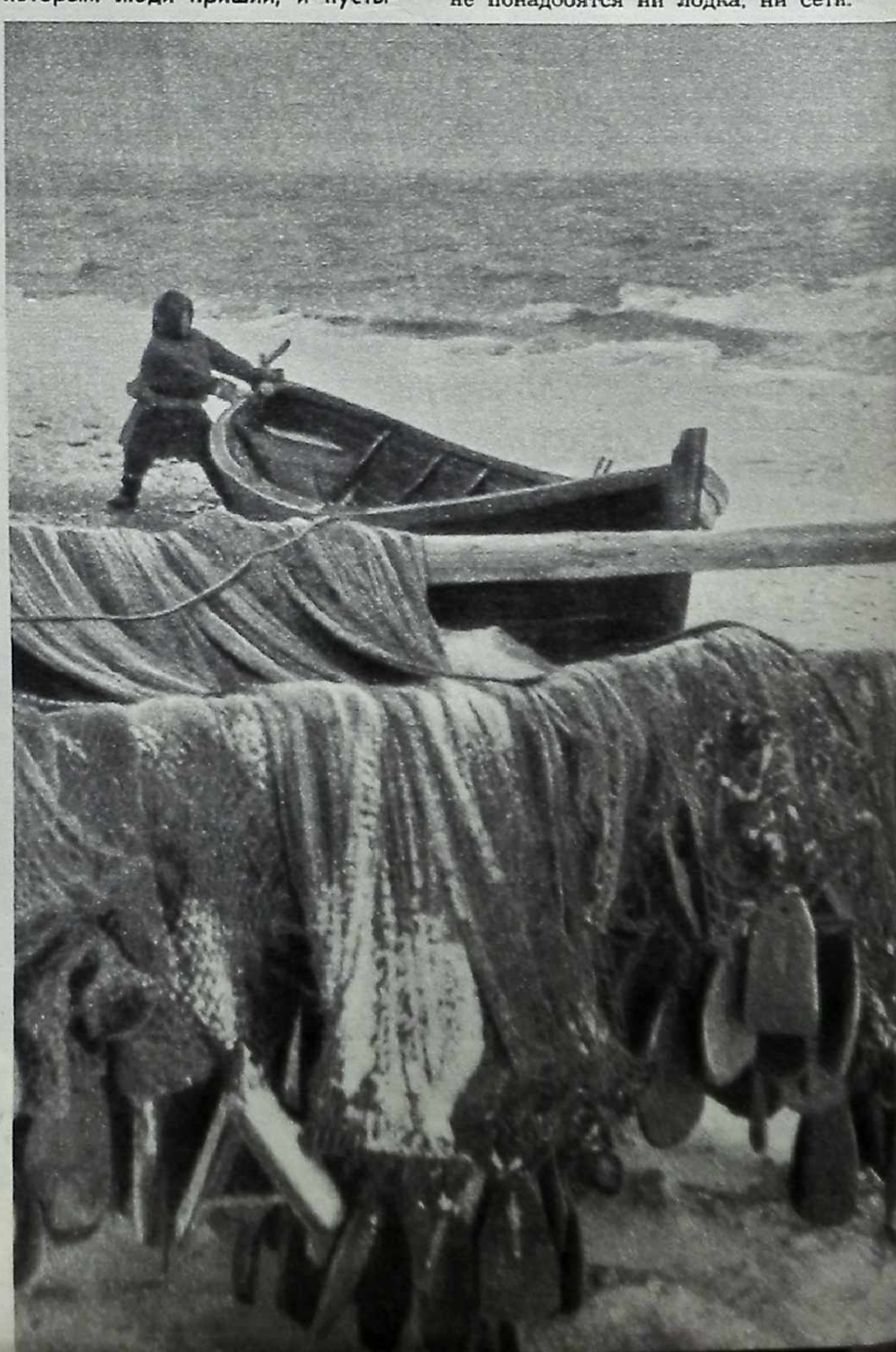
Некоторые говорят — мыс «Полковник», некоторые — мыс Толстикова. Мы, как ни старались, не могли узнать происхождения этих наименований. Рассказывают разное и, между прочим, такую историю. Будто до революции некий полковник Толстиков пробивался со своей экспедицией сквозь льды Карского моря. Судно было затерто льдами. Люди пешком добрались до пустынного берега и, выбрав место, зазимовали. Однако справочники не упоминают о Толстикове, а в морских словарях толстиком называют всякий крутой обрывистый берег или мыс. Но если действительно приходили на это место люди,— расстилалась перед ними снежная бесконечная пустыня, населенная лишь разным полярным зверем. И разница между теми льдами, по которым люди пришли, и пустыней была лишь в том, что здесь им не грозила опасность быть унесенными в Северный Ледовитый океан. А так тот же снег, та же стужа. Семидесятая параллель.

2

Однако ненцы посещали эти места часто: Карская губа — удобное место для ловли рыбы. А когда устанавливается тихая погода, заходит сюда морской зверь: нерпа, морской заяц, белуха. В это время сто́ит выйти на берег. Сто́ит даже сесть в лодку и уйти на середину губы, не забыв захватить винтовку. Прилив гонит в губу лед, между льдинами то там, то сям показывается на несколько секунд усатая и любопытная морда зверя. Не суетясь, прицеливайся и бей, только старайся попасть в голову. Будет красивая и прочная шкура, будет жир. Белуха идет стадами, иногда так плотно, что вода как бы кипит. Подчас можно наблюдать, как рыба начинает выбрасываться на берег — верный признак движения белухи. Перед ледоставом охотники и рыбаки вытаскивают лодки подальше от берега, сматывают снасти. Замерзает губа, и только торосчатая поверхность напоминает, что здесь летом гуляют волны.

3

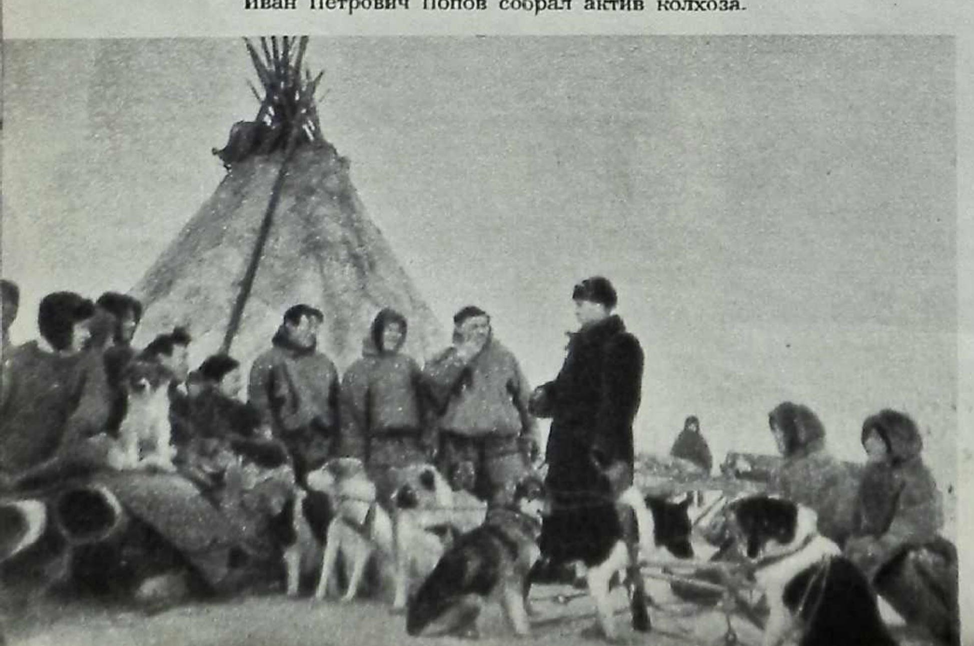
Это место и выбрали колхозники «Красного Октября» под постройку оседлой базы. Человеку,

Наступает ледостав. До весны не понадобятся ни лодка, ни сети.

Решение было принято на общем собрании — и строительство началось.

Иван Петрович Попов собрал актив колхоза.

У самого Карского моря

не знакомому с условиями жизни ненцев-оленеводов, трудно представить, какое значение имеет оседлая база для колхоза, какой переворот совершает она в быту, в сознании, в культуре тружеников суровой тундры. Одна из книг о жизни ненецкого народа называется «В чаду костров». Название очень удачное, ибо большую часть жизни ненцы проводили в дымном чуме. Постоянные кочевья не позволяли колхозникам развивать многоотраслевое хозяйство. Дети могли учиться, только уезжая в далекие города и поселки. Да и можно ли сравнить чум с прочным, теплым домом!

В августе 1951 года прошло объединение колхозов. Во главе укрупненного колхоза «Красный Октябрь» стал коренной северянин Иван Петрович Попов. Он прикинул, сколько людей нужно, чтобы кочевать с многотысячными оленьими стадами, а сколько можно оставить для строительства базы. Лес должны были доставить морем из Архангельска. Иван Петрович рассказал колхозному активу о своих планах, о том, что принесет колхозникам оседлая база.

4

На общем собрании было принято решение, и строительство началось. Оживились молчаливые берега Карской губы; полярное солнце, выглянув после долгого отсутствия, заиграло уже не только на снегах, но и на свежетесаных бревнах. Ненцы быстро овладели непривычным для них плотницким ремеслом. Знаменитые охотники, опытные рыболовы, женщины и девушки — все приняли участие в строительстве. Только иногда, когда уж слишком густо шел морской зверь, у кого-нибудь не выдержит душа: бросит пилу, сбегает за винтовкой — и на берег. Колхозники дружно осуждали подобных нарушителей дисциплины: самое главное сейчас — строительство базы. Вот будут дома, тогда хоть прямо из окна стреляй нерпу — никто слова не скажет.

Уже поставлены шесть домов, звероферма, дом правления колхоза, начаты склад и баня. А Иван Петрович Попов недоволен результатами. «Мало, мало», — говорит он. Охотники на базе в домах живут, а как на участки выйдут, опять те же чумы.

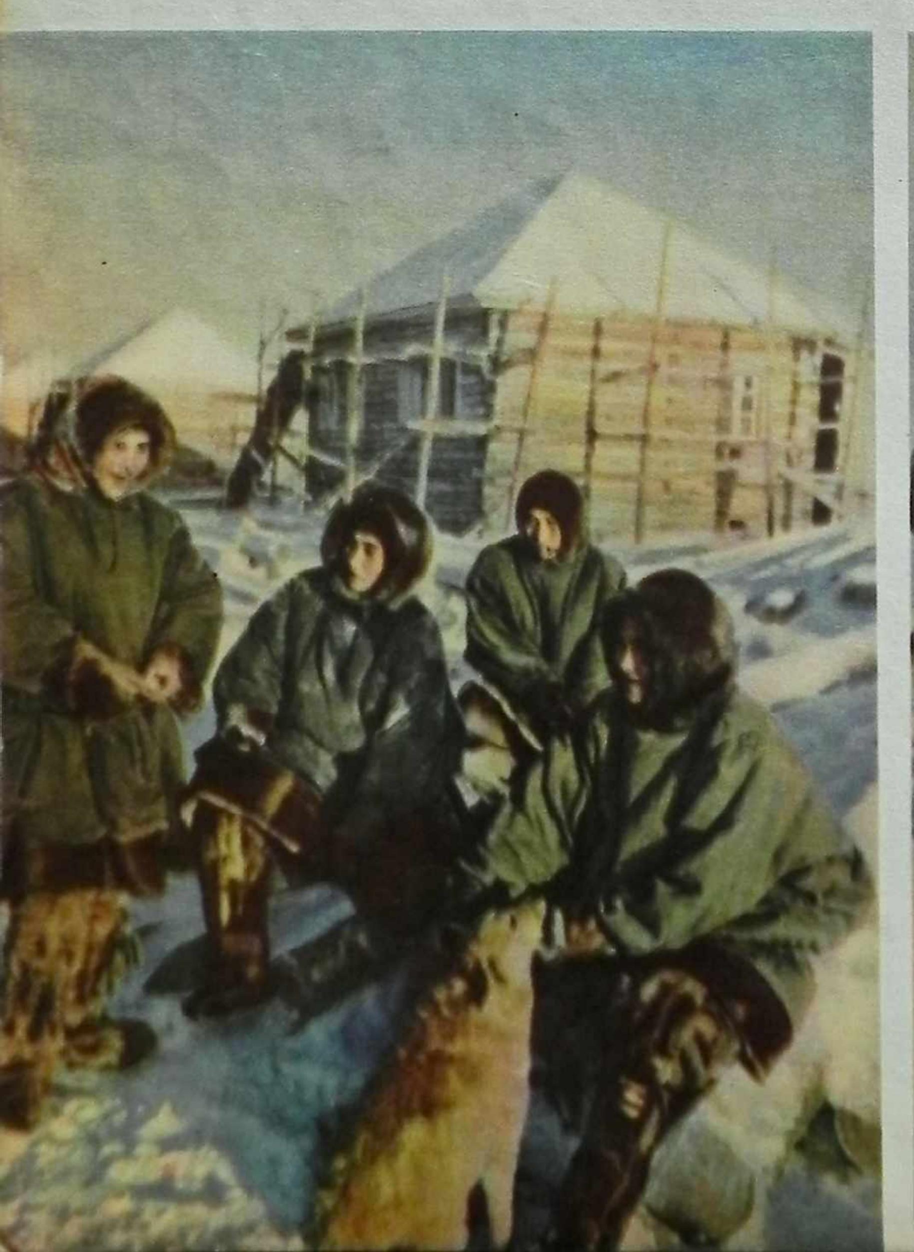
От базы до зимних пастбищ — сотни километров. Неплохо было бы поставить на пути промежуточную базу, хотя бы дома два, чтобы лишний груз можно было оставить, на перепутье заехать. Клуб нужен. 200 тысяч рублей думают истратить колхозники на его строительство. Есть еще одна мысль у Ивана Петровича. Ненцам без собак никак нельзя: собака — и первый помощник и транспорт. Но до сих пор никогда не занимались плановым разведением и обучением собак. Колхоз «Красный Октябрь» скоро будет иметь свой собачий питомник.

Колхозница колхоза «Красный Октябрь» Паша Лаптандер.

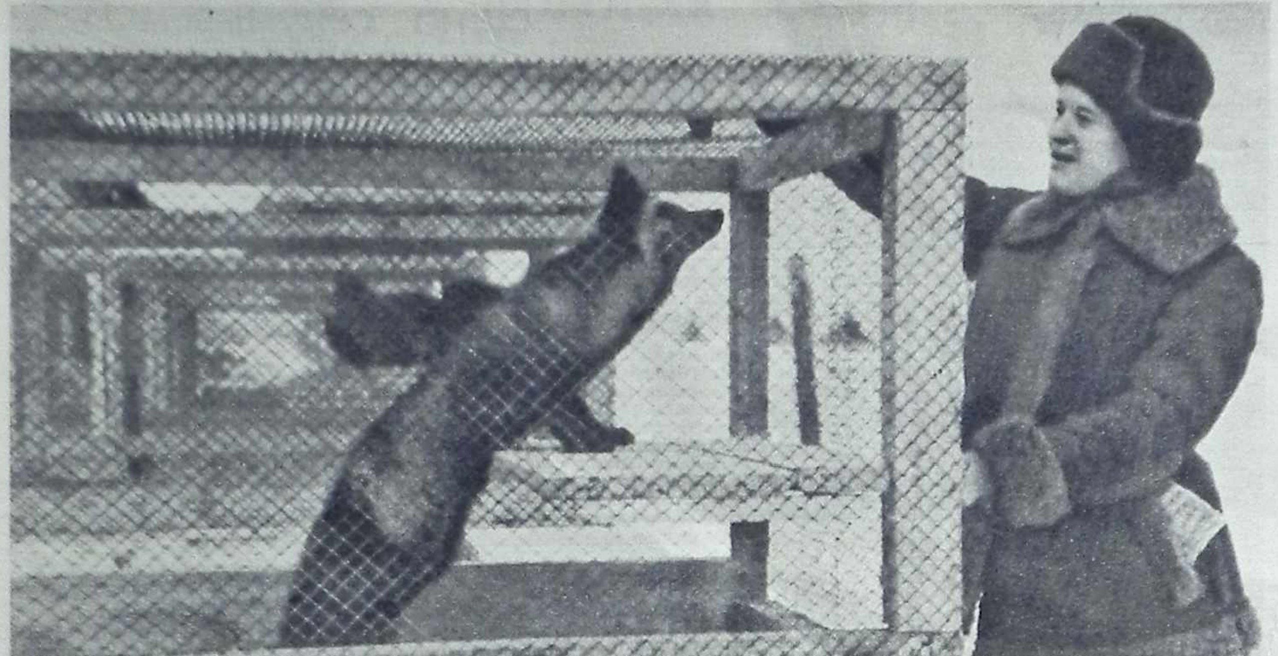
Накануне ледостава в Карской губе.

Лучшая бригада строителей колхоза «Красный Октябрь». Слева направо: Е. Т. Валей, Я. М. Валей, И. С. Седый, М. Я. Тайборей.

Меткий выстрел сделал сегодня охотник Иван Устинович Талеев. Крупная нерпа попалась на мушку.

С любовью относится к делу зверовод Анна Федоровна Костина.

5

Олень кормит, одевает и обувает оленевода. Естественное стремление человека к красоте выработало у ненцев своеобразную отделку одежды и обуви. Национальные орнаменты украшают женские малицы, бурки, мужские пимы. Слава о северных мастерицах идет далеко за пределами тундры. Редкий человек, побывав на Севере, не захватит на память какой-нибудь диковинки из оленьей шкуры. Сшитые оленьими жилами, эти вещи необыкновенно прочны, о теплоте и говорить не приходится.

Оседлая база дала возможность колхозу «Красный Октябрь» организовать небольшую мастерскую по изготовлению всевозможных меховых изделий. Коллективный труд лучше спорится.

6

Черно-серебристая лисица — зверь редкий и хитрый. Не каждый охотник встретит его за всю свою жизнь, а тем более добудет. Уже давно советские люди научились выращивать этого ценного зверька в неволе — на зверофермах. Давно бы могли заниматься этим и колхозники «Красного Октября». Обилие рыбы и морского зверя, подходящий климат — все это существовало давно, но не было оседлой базы.

Правда, хвалиться звероводством колхозникам пока еще рано, но начало уже положено: теперь звероферма будет быстро расти. Особенно, если учесть старания и заботу зверовода Анны Федоровны Костиной, любовь, с которой относится она к порученному делу. Прошлая зима была на редкость морозной и пуржистой. Ферма еще не была оборудована. Если бы не Анна Федоровна, не выжить бы ни одному щенку. Получилось же так, что ни один не погиб. Теперь они стали взрослыми и сильными лисами.

7

Есть в колхозе «Красный Октябрь» и своя школа. Детям оленеводов не нужно уезжать далеко из своей тундры, чтобы учиться: при школе имеется интернат.

В светлых, чистых классах учатся маленькие ненцы писать, читать, узнают, что есть на земле места, где нет оленей, что есть такие места, где совсем не бывает зимы. Узнают, как растут деревья. Сначала они не совсем доверяют таким рассказам, потому что, на их взгляд, без оленей человеку нельзя. И вряд ли согласятся они променять родной Север на непонятные теплые края. При школе есть подготовительный класс, где учатся совсем маленькие дети.

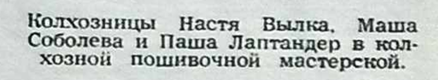
Осенью прошлого года случилось в колхозе несчастье — несколько заболеваний скарлатиной. В другое время детей погубили бы шаманы. Теперь дело обстояло иначе. У колхозников своя больница, врач, фельдшер. В результате ни одного смертельного исхода.

...Полнокровной жизнью живет на Крайнем Севере возрожденный народ ненцы.

Счастливыми растут ненецкие дети!

Ученик подготовительного класса Миша Тайборей на уроке русского языка.

Колхозницы Настя Вылка, Маша Соболева и Паша Лаптандер в колхозной пошивочной мастерской.

На семидесятой параллели.

Землеройный струг

Испытание новой землеройной машины.

Фото Г. Зельма

На выезде из хутора открылась заснеженная степь. По ней прямо по бездорожью тянулась какая-то необычная колея. Между оттисками баллонов, впечатанными в наст, расстояние было примерно 40 метров.

Вдали маячило странное сооружение, похожее на металлический мост, положенный на огромные, в человеческий рост, резиновые колеса. Сооружение медленно двигалось по степи вслед за тремя тракторами-тягачами. Это была новая землеройная машина — струг «Д-264».

Нас познакомили с этой технической новинкой. «Экскурсия» на струг началась с осмотра основного агрегата — землеройного устройства. Оно состоит из металлической рамы с широким трехметровым стальным плугом и находится на прицепе двух тракторов.

— Как видите, плуг, углубляясь в землю, снимает стружку грунта,— показывал ведущий конструктор Л. Е. Подборский. — Она может достигать двадцатисантиметровой толщины. Снятые пласты поступают на транспортер, а оттуда на отвальный мост. Это не что иное, как второй транспортер длиной в 45 метров, который откидывает землю в отвал, в сторону от выемки.

Несмотря на кажущуюся громоздкость, струг — маневренная машина. Она предназначена для рытья судоходных каналов глубиной до 13 метров. Машина снабжена устройством, которое позволяет ей работать со значительным креном.

В этот день на канале Волга — Урал производился пробный запуск струга. Погода явно не благоприятствовала испытаниям. В степи стоял крепкий мороз. Верхний слой почвы превратился в твердую, как камень, массу. Однако нож струга взял и эту ледяную корку.

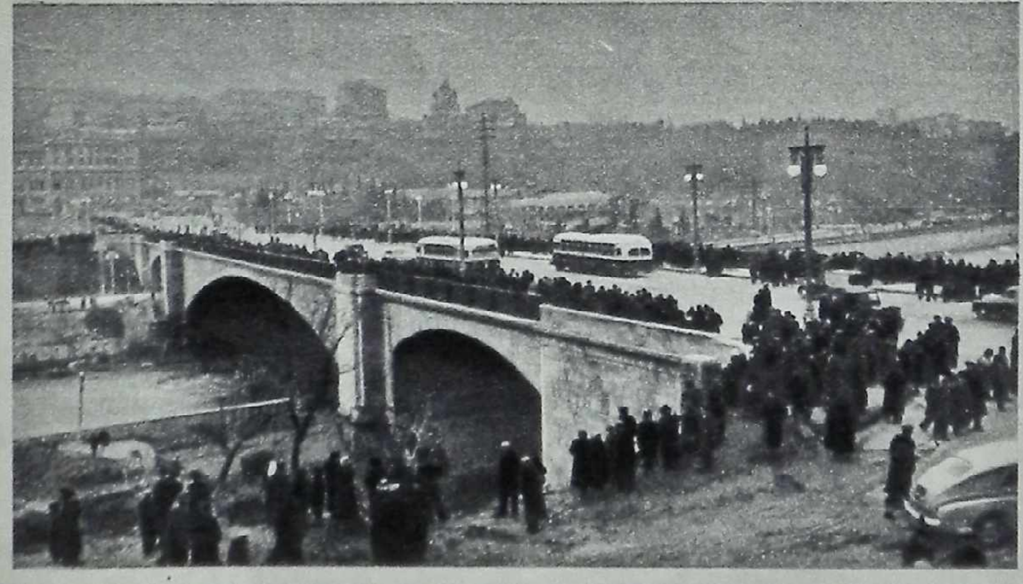
Землеройная машина — струг «Д-264» — новый подарок гидростроителям. По проектным расчетам за час работы она должна выбрасывать в отвал в среднем 1500 кубометров грунта. Чтобы достигнуть часовой выработки струга, в забое должно стоять 6 трехкубовых экскаваторов «Уралец» и около 100 автосамосвалов для транспортировки вынутой породы. За сутки струг выбросит более 30 тысяч кубометров. Вспомним, что на шагающем экскаваторе «ЭШ-14/65», действовавшем на Волго-Доне, суточная производительность не превышала 12—14 тысяч кубометров. К тому же на «ЭШ-14/65» установлено 48 электромоторов, а струг нуждается лишь в небольшом количестве электроэнергии, которую он получает от собственного генератора. 14-кубовый экскаватор весит 1 200 тонн, струг — 76 тонн. «ЭШ-14/65» обслуживает экипаж из 16 высококвалифицированных специалистов, а землеройную машину «Д-264» — 6 человек.

— Конечно, струг не может заменить экскаваторы на всех без исключения земляных работах,— заметил в заключение беседы тов. Подборский. — Но на многих участках строительства перед ним открывается большое будущее.

Новый струг будет использован на сооружении Сталинградского магистрального самотечного канала Волга — Урал.

А. ПОДХОМУТНИКОВ

Мост через Куру

На новом мосту в Тбилиси.

Фото К. Крымского

Недавно столица Грузии — Тбилиси — украсилась еще одним значительным сооружением: над рекой Курой поднялся новый железобетонный мост, самый большой в городе. Он установлен на месте старого моста, который не мог уже справиться с возросшим городским движением на основной магистрали — от вокзала к центру.

Мост выстроен за 14 месяцев. Авторы проекта — инженер Г. Чомахидзе и архитектор лауреат Сталинской премии М. Мелия.

В день открытия тбилисцы заполнили набережную, любуясь новым мостом. Он облицован золотисто-желтым туфом. Искусные камнерезчики высекли на нем узоры. Они повторяются в чугунном литье перил.

Новому мосту присвоено имя И. В. Сталина.

И. МЕСХИ

Цена секунды

С утра мастер Иван Иванович Чурсинов обходит участки стана Первоуральского новотрубного завода имени И. В. Сталина. На печной площадке он проверит работу форсунок, на мостике прошивного стана с секундомером в руках проследит за движением заготовки в валках, а у автомат-стана посмотрит на работу вальцовщиков.

У раскатных машин Иван Иванович сегодня задержался: в приемную воронку не вошла одна слегка изогнутая труба. На наклонной решетке из труб образовалась «пробка». Ее быстро устранили, но мастер Чурсинов, взглянув на секундомер, сказал:

— Потеряно тридцать девять секунд. — И добавил: — Тридцать девять секунд — это несколько недоданных труб.

Правда, в тот день бригада перевыполнила сменное задание. И тем не менее Иван Иванович с досадой заметил:

— Зря тридцать девять секунд потеряли!

Секунды простоя — это те самые резервы, за счет которых можно не только выполнить, но и перевыполнить план. Иван Иванович Чурсинов предложил начать борьбу за сбережение каждой секунды.

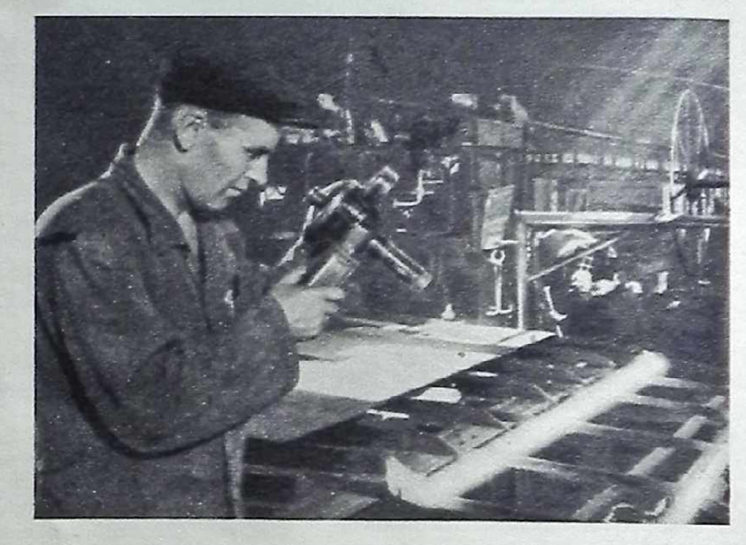
В «поход за секунды» включились инженеры, техники. Пришлось преодолеть много технических трудностей, чтобы каждая секунда использовалась эффективно. Не ладилось дело на раскатных машинах. С помощью инженеров бригада внесла изменения в конструкцию, и помеху устранили. Медленно нагревались заготовки. Стахановцы установили боковые форсунки, и печь стала работать лучше.

Перед отъездом мастера Чурсинова в Москву — он был избран делегатом XIX съезда партии — в цехе подсчитали: трубопрокатчики дали только за один месяц десятки тонн труб сверх задания, снизив простои на 20 процентов.

Вернувшись после съезда домой, Чурсинов сразу же пошел на завод. В красном уголке он застал всю свою бригаду. Его уже ждали.

Мастер рассказал о работе съезда, стараясь передать волнующую картину единства делегатов, передать чувства, охватившие их в те незабываемые минуты, когда на трибуну поднялся И. В. Сталин.

— На съезде, — сказал Чурсинов,— я еще раз убедился, что мы с вами на правильном пути. Директивы съезда требуют искать, находить и использовать скрытые резервы. Наш завод наполовину снизил плановые простои и за счет этого ежемесячно дает дополнительно по 2 тысячи тонн труб. Теперь мы знаем, что стоит одна секунда времени.

Мастер прокатного стана И. И. Чурсинов.

Фото И. Тюфякова

После XIX съезда партии соревнование первоуральских трубопрокатчиков разгорелось с новой силой. Ни на минуту не прекращается работа огромного трубопрокатного стана. Из раскаленных нагревательных печей на валки поступают все новые и новые заготовки.

В лицевом счете бригады И. И. Чурсинова уже значится внушительная цифра: 1 022 тонны труб дано стране сверх плана.

О. МАРКОВА

В молодой области

«Мамоново» — написано на здании недавно отстроенного вокзала. Имя славного танкиста, павшего в боях с фашистами, Героя Советского Союза Николая Васильевича Мамонова носят и станция и раскинувшийся вокруг нее городок, самый западный в нашей стране. Здесь — крупнейший в Калининградской области рыболовецкий колхоз «Балтиец». Скоро придет в движение конвейер заново отстроенного Мамоновского рыбоконсервного комбината...

Молода Калининградская область, и все в ней ново. Новые дома, заводы, колхозы, научные учреждения. Из Пензы и Мурманска, Брянска и Вологды — со всех концов советской земли съехались сюда токари и врачи, хлеборобы и рыбаки.

— Мы калининградцы,— с гордостью называют они себя теперь.

«Сделано в Калининграде» — эту надпись встретишь и на вагонах, и на башенных кранах для высотных строек, и на рулонах бумаги.

Калининградские рыбаки не уступят теперь рыбакам многих старых промысловых районов. Недавно из Северной Атлантики вернулся пароход «Тунгус» — плавучая база балтийских рыболовных тральщиков.

Бурно растут промышленность и сельское хозяйство Калининградской области. Растут ее города и села, строятся новые жилые дома, клубы, кинотеатры. Более десяти техникумов и специализированных училищ, педагогический институт и сотни школ насчитывается в области.

А. ЛАПИН

ДОРОГИЕ ГОСТИ

В. МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР

В Москве успешно прошли гастроли Государственного польского оперного театра имени Станислава Монюшко (город Познань).

Кроме многократных обменов концертными бригадами, отдельными исполнителями и целыми ансамблями между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, в Польше побывали Московский театр драмы, Ленинградский академический театр имени Пушкина... В декабре 1952 года из длительной поездки по городам Польши вернулся Драматический театр имени Моссовета. Зрители высоко оценили передовое социалистическое советское искусство. В телеграмме, адресованной коллективу Театра имени Моссовета, Болеслав Берут писал, что гастроли советского театра «...внесли неоценимый вклад в великое дело польско-советской дружбы, в дело защиты мира и культуры».

И вот теперь с демонстрацией своих достижений приехал в Советский Союз ведущий оперный театр Польши.

В день открытия гастролей гостей приветствовала делегация деятелей советского искусства. Среди них была и актриса Театра имени Моссовета народная артистка Союза ССР В. П. Марецкая. Мы печатаем ее статью.

Дружеская встреча в перерыве спектакля «Галька». Слева направо: польские гости — лауреат Государственной премии профессор Валериан Бердяев и артистка Барбара Костшевская, народный артист СССР И. Козловский, польские артисты Антонина Кавецкая (исполнительница Гальки) и Вацлав Доменецкий (Ионтек).

Мне дважды выпала радостная и почетная миссия приветствовать талантливый коллектив польских артистов. Впервые это было у них на родине. Мы играли во многих городах Польши. Закончив спектакли в Познани, наш коллектив остался там, чтобы познакомиться с искусством актеров Оперного театра имени Ст. Монюшко, о котором мы много слышали во время пребывания в Польше. Театр этот не имеет большой истории, он создан в августе 1919 года. Но своим подлинным рождением актеры считают не столько эту дату, сколько другую, знаменательную для развития национальных искусств и культуры, знаменательную для всего польского народа, — памятные дни 1945 года, когда Советская Армия принесла польскому народу освобождение от фашистских оккупантов.

В свободной, демократической Польше начался расцвет искусства. Советский зритель сможет судить об этом по спектаклям познанского театра в Москве.

В репертуаре театра около 50 спектаклей. Большое место занимает русская классика. «Борис Годунов», «Снегурочка», «Евгений Онегин» наряду с операми «Галька» и «Страшный двор» великого польского композитора Ст. Монюшко и современной оперой Т. Шелиговского «Бунт жаков» — лучшие спектакли коллектива.

В Москву познанский коллектив привез четыре спектакля. Первой была показана «Галька». Этой оперой открывался театр в 1919 году, и в дни своего тридцатилетнего юбилея в 1949 году коллектив вновь поставил спектакль; в связи с этим театру присвоено имя основоположника польской национальной оперы Станислава Монюшко.

Более ста лет прошло с тех пор, как написана эта опера. Трагическую историю крепостной девушки, обольщенной и загубленной паном, с волнением воспринимает зритель и сейчас. Долгое время спектакль этот на родине, да и в других странах, ставился как мелодрама — история несчастной любви. Такая трактовка противоречила замыслу композитора и музыке оперы, наполненной гневным протестом против произвола и угнетения.

В 1949 году «Галька» была поставлена у нас на сцене Большого театра. Опера великого польского композитора-демократа впервые прозвучала как социальная драма порабощенного, но не сломленного народа.

Поляки говорят, что знакомство с советским искусством помогает им понимать идейную сущность произведений.

Последняя постановка «Гальки» на сцене познанской оперы порывает с традиционным мелодраматическим решением. Печальная история крепостной девушки рассказана просто и правдиво и достигает зачастую большого драматизма. Запоминающийся образ простой, чистой, глубоко любящей и страдающей девушки создает актриса Антонина Кавецкая. Ее пение эмоционально и выразительно.

Отлично поет Вацлав Доменецкий партию Ионтека. Большой, сильный, красивого тембра голос артиста льется свободно, легко, непринужденно.

Очень хорошо звучит хор и оркестр (дирижер и музыкальный руководитель постановки — профессор Валериан Бердяев). Необыкновенная слаженность, стройность, точность в передаче малейших оттенков — все это оставляет сильное впечатление. Правда, мне как драматической актрисе хотелось бы предъявить упрек хору и режиссеру в некоторой статичности, скованности участников массовых сцен. Особенно это сказывается в опере «Бунт жаков», где основной герой — народ. На хор возложена здесь главная вокальная сторона спектакля, и с нею он справляется безукоризненно, в совершенстве владея малейшими нюансами. Зато сценически постановка оказалась значительно слабее, что снижает и напряженность действия.

Сцена из спектакля «Бунт жаков» Т. Шелиговского в постановке Государственного польского оперного театра имени Станислава Монюшко.

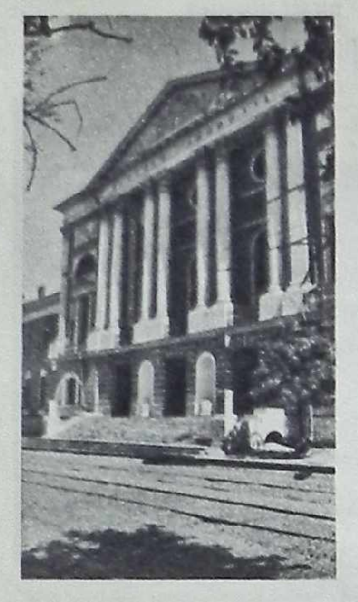
Фото О. Кнорринга

Опера современного польского композитора «Бунт жаков» написана в 1950 году. В основу ее либретто положен подлинный факт — восстание в 1549 году неимущих студентов Краковского университета, а в основу музыки — подлинные студенческие и народные песни и танцы того времени.

Простота и доступность музыкального языка, близкого к народной музыке, глубоко национальный характер произведения — все это говорит о значительности оперы и талантливости композитора.

У Монюшко есть замечательные слова: «Я не создаю ничего нового. Путешествуя по польским землям, я вдохновляюсь духом народных песен. И из них я невольно черпаю вдохновение для всех моих творений». Великий композитор начертал путь — единственный путь, по которому должен идти художник, если он хочет быть близким, понятным и нужным своему народу. Польские артисты творят вместе со своим народом и для него. В этом их сила, в этом залог будущего, еще большего расцвета искусства польского народа.

Фасад Главного военного госпиталя.

Юбилей госпиталя

Недавно военно-медицинская общественность Москвы отмечала 245-летие Главного военного госпиталя имени Н. Н. Бурденко. Он был создан по специальному указу Петра I и явился первым в России стационарным лечебным учреждением. В указе говорилось: «Построить гошпиталь за Яузой-рекою, против Немецкой слободы».

В декабре 1707 года госпиталь открылся и принял первых больных. Петр I проявлял большой интерес к делам госпиталя и вообще к анатомии и хирургии.

Как утверждают историки, Петр «любил присутствовать при анатомических и хирургических операциях, нарочно сему искусству обучался и первый... ввел сие в употребление в России. Любовь его к сей науке столь далеко простиралась, что он приказывал уведомлять себя, если в госпитале или где-нибудь в другом месте надлежало анатомить тело или делать какую-нибудь хирургическую операцию, и когда только время позволяло, редко пропускал такой случай, чтоб не присутствовать при оном, и часто даже сам помогал операциям. Со временем приобрел он в том столько навыку, что весьма искусно умел анатомить тело, пускать кровь, вырывать зубы и делал то с великою охотою...»

Вскоре после открытия госпиталя при нем начала работать первая в России медицинская школа, готовившая лекарей и подлекарей.

В этой связи интересно отметить такой факт. Иноземцы, захватившие в ту пору руководящие государственные посты в России, враждебно встретили появление русских лекарей, быстро завоевавших уважение и любовь населения. Иноземцы стали чинить всевозможные препятствия русским медикам в их продвижении по службе. Дело дошло до Петра I, который через сенат издал распоряжение: «...чтобы никто из них, иностранных лекарей и подлекарей, никакой обиды в чести, или в повышении чина русского... являть не дерзал».

Исключительного расцвета госпиталь достиг после Великой Октябрьской социалистической революции. Он стал ведущим лечебным учреждением Советской Армии, центром передовой медицинской мысли.

Подполковник В. РУЗОВ

УРОЖАЙ ЗИМОЙ

Звено обрабатывает участок рассады цветной капусты.

Фото А. Шексна

Мороз разрисовал стекла узорами, колючий ветер гонит снежную пыль, а на плантации Киевской «овощной фабрики» страдная пора: здесь собирают урожай. Вчера в городские магазины отсюда отправили четыреста килограммов помидоров, сегодня сдали еще полтонны...

На участке, где работает звено Валентины Лозовой, термометр показывает 22 градуса выше нуля. Огуречная ботва распустила широкие листья. Жужжат пчелы, «обрабатывая» желтые лепестки. Пасечник Максим Петрович Верещак привез в ульях восемь пчелиных семей. Они трудятся зимой, как и летом, помогая овощеводам повышать урожайность.

«Овощная фабрика» занимает площадь в 28 300 квадратных метров. Она разбита на участки — теплицы. Под стеклянной крышей зеленеют грядки огурцов, помидоров, редиски, лука, капусты.

Корпуса теплиц раскинулись под Киевом, в дачной местности Святошино, где еще недавно был пустырь. Столица Украины получает отсюда свежие огурцы, помидоры, капусту, зеленый лук. Овощи прямо с плантаций поступают в магазины и столовые.

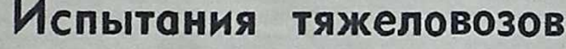
Созревающим бахчевым и овощным культурам не страшен мороз. Одиннадцать плантаций Киевской «овощной фабрики» со всех сторон одеты в стекло и обогреваются изнутри газом. Летняя температура благоприятствует нормальному развитию растений. Газ обогревает не только огород. Он используется также для получения углекислоты, которая поглощается растениями. Поздней осенью и зимой, когда мало естественного света, применяется электрическое подсвечивание рассады. Искусственное «солнце», установленное на плантации помидоров, намного ускоряет созревание плодов.

В течение года с плантаций «овощной фабрики» трижды снимают урожай. Передовые звенья собрали в 1952 году более 80 тысяч килограммов огурцов и около 70 тысяч килограммов помидоров с гектара.

На плантациях работают опытные агрономы-мичуринцы. Они отбирают лучшие семенники, испытывают и внедряют наиболее урожайные сорта овощных культур.

В пятой пятилетке намечено расширить плантации и парниковое хозяйство, заложить плодовый сад и ягодники.

Ив. БАТОВ

Испытания тяжеловозов

Жеребец Сатир везет груз весом в 15 453 килограмма.

В селе Починки, Горьковской области, состоялись интересные и не совсем обычные испытания: сколько может свезти одна лошадь? Посмотреть на сильнейших лошадей собрались колхозники, ученые, специалисты-коневоды.

Принято считать, что обычная крестьянская лошадь в силах увезти до 900 килограммов груза, и то лишь на испытаниях, а в постоянной работе лошадь везет на телеге около 500 килограммов.

В России с давних времен существуют конезаводы, на которых выведено немало новых пород лошадей. В народе широко известны битюги, выведенные крестьянами Воронежской губернии в селах по реке Битюг. Позже были установлены рекорды владимирскими тяжеловозами. Жеребец Шалун вез груз в 9 009 килограммов, а его сын Гранит на первой сельскохозяйственной выставке Владимирской области тянул телегу с грузом в 10 с половиной тонн. Этот рекорд никем не был превзойден до последних дней.

В селе Починки была испытана новая порода тяжеловозов. Для этого был взят тракторный гусеничный тягач и переоборудован под одиночную дуговую упряжку. В необычную телегу на железном гусеничном ходу, которая сама весит 7 074 килограмма, впрягли колхозного жеребца Контура с конефермы артели имени Н. С. Хрущева. На телегу погрузили несколько тонн песку. Контур шел с этим грузом свободно. Тогда на телегу вскочило несколько человек. Подсчеты показали, что Контур повез 12 046 килограммов груза.

Запрягли Жребия — жеребца Починковского конезавода. Поверх мешков с песком разместилось еще 60 человек. Жребий вез 16 274 килограмма — больше, чем вмещается в стандартном железнодорожном вагоне!

Хорошие результаты показал жеребец Сатир из колхоза «День урожая», свободно потащивший груз весом в 15 453 килограмма.

Новая порода лошадей названа «Советский тяжеловоз». Она принята для улучшения местных пород в других краях и областях нашей страны.

П. МАКРУШЕНКО

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУМЫНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР-ДЕМОКРАТ

Румынский народ отмечает столетие со дня смерти выдающегося революционера-демократа, борца за национальную независимость Николае Бэлческу.

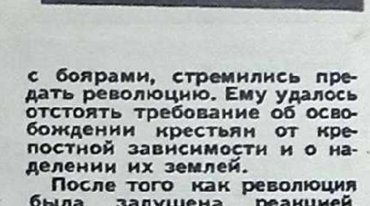
Н. Бэлческу родился в 1819 году в Бухаресте. Его революционная деятельность началась еще с юношеских лет, когда, возненавидев иноземных угнетателей и грабителей-бояр, Бэлческу решил посвятить свою жизнь родине. «Родина — это народ, а не шайка грабителей», — говорил молодой революционер.

В 1840 году Николае Бэлческу по обвинению в «антигосударственном заговоре» был брошен в тюрьму. Но заключение не сломило его волю. Выйдя из тюрьмы, он в 1843 году стал активным участником литературно - политического общества «Сочиетатя литерара», из которого позже выделилось политическое тайное общество «Фрация» («Братство»).

Страстный публицист, талантливый историк и философ, Бэлческу в своих работах призывал румынский народ бороться за независимость вместе с другими угнетенными народами. «Один и тот же деспотизм душит как румын, так и венгров,— писал Бэлческу. — Свобода национальностей не может придти из императорских дворцов или по милости императоров и деспотов, а только путем тесного единства и совместного восстания, в солидарности со всеми угнетенными народами».

Бэлческу доказывал, что единственным создателем национальной культуры является народ. Он безжалостно разоблачал тех, кто считал бояр носителями национальных традиций. Боярин не любит своей нации, не любит своей земли, говорил Бэлческу, но любит доходы, получаемые от этой земли, ибо «бояре не являются румынами», а «просто — боярами».

Когда в Трансильвании и Валахии вспыхнула революция 1848 года, Бэлческу стал одним из ее руководителей. Он разработал программу революции, так называемую Ислазскую прокламацию. Решительно защищая народные интересы, Бэлческу выдержал жестокую борьбу с противниками этой программы, которые, сговорившись

с боярами, стремились предать революцию. Ему удалось отстоять требование об освобождении крестьян от крепостной зависимости и о наделении их землей.

После того как революция была задушена реакцией, преследуемый властями, Николае Бэлческу принужден был уехать из Румынии. Измученный болезнью и нищетой, великий борец за свободу румынского народа скончался в Италии в конце 1852 года. Он был погребен в общей могиле: некому было заплатить за его похороны.

Великие освободительные идеи Бэлческу были осуществлены лишь спустя многие десятилетия, когда знамя борьбы за независимость и демократические свободы, выброшенные за борт буржуазией, поднял румынский рабочий класс.

Ныне свободная и цветущая Румыния чтит память выдающегося революционера и мыслителя. Его именем названы Бухарестский агрономический институт, библиотека Ясского университета.

Вся страна отмечает сотую годовщину со дня его смерти. В городах республики проходят торжественные собрания, массовым тиражом издаются «Избранные произведения» Н. Бэлческу.

По решению Совета Министров Румынской Народной Республики в этом году в Бухаресте будет сооружен памятник Николае Бэлческу.

Новый театр в Сухуми

Трудящиеся столицы советской Абхазии — Сухуми — к Новому году получили замечательный подарок: здание Государственного драматического театра.

В послевоенные годы Сухуми преобразился. Расширены, заасфальтированы и озеленены десятки улиц. Пожалуй, нет такого уголка в городе, который не был бы реконструирован. На месте старого рынка разбит большой сквер с фонтанами, построен кинотеатр. Высажены тысячи взрослых субтропических деревьев.

Сухумцы разбили на площади в 32 гектара нагорный лесопарк имени И. В. Сталина. Здесь возведены архитектурные сооружения, лестницы с сотнями лампионов, художественно оформлен фонтан, проведена широкая асфальтированная автомобильная дорога.

Новый театр (архитектор — М. Чхиквадзе) расположен на приморском проспекте имени Руставели. В его оформлении использованы лучшие образцы грузинской архитектуры. Здание облицовано гранитом и базальтом. Сцена оборудована по последнему слову театрально-постановочной техники.

Главный вход в новое здание Сухумского драматического театра.

Фото С. Короткова

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

КОМАНДА ВВС — ПОБЕДИТЕЛЬ СОРЕВНОВАНИЙ ПЕРВОГО КРУГА

Момент состязания между командами ЦДСА и ВВС. Нападающий В. Шувалов (в полосатом свитере) забрасывает третью шайбу.

Фото А. Бочинина

Предварительные игры по хоккею, которые проходили на катках Урала, были своеобразной пробой сил. Нужно было определить, какие команды имеют право оспаривать почетное звание чемпиона страны. Их оказалось девять. Но в этом сезоне в сильнейшую девятку не попали хоккеисты «Даугавы» из Риги и «Дзержинца» из Челябинска. Их места заняли спортсмены ленинградского Дома офицеров и совсем еще молодой коллектив общества «Химик» из города Электросталь. Остальные участники финальных соревнований — старые «хоккейные волки».

Первые же игры показали, что команды Центрального дома Советской Армии, общества «Крылья Советов» и Военно-Воздушных Сил играют сильнее остальных. Это было видно невооруженным глазом. Отличная скорость, умение обращаться с клюшкой и шайбой, богатый арсенал тактических приемов выгодно отличают эти коллективы от остальных.

Это сразу сказалось на результатах: в таблице замелькали цифры 9 : 2, 11 : 1, 15 : 2 — цифры, не требующие пояснений.

Ясно, что спортивный интерес был сосредоточен на встречах лидеров. Первая из них — между ВВС и «Крылья Советов» — состоялась почти в начале турнира и кончилась ничейным итогом — 3 : 3.

В этой игре зрители заметили отсутствие неизменного лидера атак команды летчиков — Всеволода Боброва, который из-за болезни не принимает участия в соревнованиях чемпионата.

Потеряв по одному очку, обе команды продолжали свой победоносный путь. Кто бы ни попался им «под клюшку», вынужден был складывать свое спортивное оружие.

Вторая встреча ведущих команд — хоккеистов ЦДСА и «Крылья Советов» — стала узловой. Она определяла лидера турнира.

Первые же минуты игры были полны напряженных, драматических моментов и проходили в исключительно быстром темпе. Каждая шайба в таком состязании могла решить исход борьбы. Это понимали игроки. Тем не менее первая же шайба в ворота «Крылья Советов» влетела от конька своего же игрока.

В дальнейшем армейские хоккеисты показали свое преимущество и выиграли со счетом 4 : 2. Спортсмены ЦДСА одержали очередную победу. Они шли без поражений. Теперь им оставалась серьезная встреча с командой ВВС, которая тоже не имела ни одного поражения. Эта игра должна была решить: кто же будет победителем первого круга?

В минувшее воскресенье на московском стадионе «Динамо» встретились коллективы ЦДСА и ВВС. Москвичи заполнили все трибуны перед площадкой. Интерес к состязанию был велик. Не успел раздаться свисток судьи В. Архипова, как вспыхнула необычайно острая борьба. И на первых же минутах защитник Жибуртович (ВВС) неожиданным и точным ударом открыл счет. Это была как бы заявка на победу. Первая шайба воодушевила летчиков. Вскоре стало видно, что хоккеисты ВВС решили добиться победы: они играли с большим подъемом, точнее передавали шайбу, быстрее проходили с ней, смело вступали в единоборство.

Армейские хоккеисты схематично вели свои наступательные действия. Их атаки строились на хорошо известных, шаблонных комбинациях. Это в значительной степени облегчало задачу защитников ВВС Жибуртовича и Виноградова, которые умело пресекали всякую попытку армейцев пройти к их воротам.

К концу первого периода активно игравший в этот день Шувалов забросил в ворота ЦДСА еще две шайбы, и команды ушли на отдых со счетом 3 : 0 в пользу летчиков.

Второй период проходил при некотором преимуществе ЦДСА. Этому способствовало довольно частое удаление с площадки игроков ВВС, нарушавших правила игры. Но, несмотря на численное превосходство, армейские спортсмены ни разу не сумели забросить шайбу.

К концу второго периода грубая ошибка вратаря Клейманова (ЦДСА) дала возможность все тому же Шувалову довести счет до 4 : 0.

Так и закончилась эта встреча. Победителем первого круга чемпионата стала команда Военно-Воздушных Сил, набравшая 15 очков из 16 возможных. Летчики забросили 43 шайбы, а пропустили лишь 8. Второе место заняла команда ЦДСА, а третье — «Крылья Советов».

М. МАРТЫНОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ФОТОКОНКУРСА «ОГОНЬКА»

В минувшем году редакция провела конкурс на лучший фотоснимок читателей «Огонька» на тему «Труд и быт советских людей».

Около трехсот участников конкурса прислали более девятисот снимков. Свыше трети всех снимков цветные. Ряд снимков из присланных на конкурс был напечатан в «Огоньке».

Жюри конкурса рассмотрело все поступившие материалы и признало, что, несмотря на сравнительно большое количество снимков, среди них нет такого, который полностью отвечал бы всем требованиям конкурса и мог бы по теме, по художественному и техническому уровню заслужить первую премию. Поэтому жюри никому не присудило первой премии и вместо нее увеличило количество вторых премий.

В итоге конкурса присуждены:

Вторая премия.

В. А. Марунину, фотолюбителю (Алма-Ата), за фотоснимки «Юный лыжник» («Огонёк» № 11) и «Пионеры на привале в горах» (публикуется в этом номере на второй странице обложки);

А. И. Заенцову, фотолюбителю (Москва), за цветной фотоснимок «Юные строители» (будет опубликован в «Огоньке»);

Н. В. Максимову, фотокорреспонденту (Москва), за фотоснимок «Лучшая рыбачка Банковского рыбкомбината Софья Асадова» («Огонёк» № 40).

Третья премия.

М. А. Уварову, фотолюбителю (Москва), за цветной фотоснимок «Портрет художницы» («Огонёк» № 24);

Ю. И. Каценбергасу, фотокорреспонденту (Вильнюс), за фотоснимок «Земснаряд выходит из канала в Волгу» (публикуется в этом номере на второй странице обложки);

Г. С. Любинскому, фотокорреспонденту (Киев), за снимок «Надежда Крутько — лучшая газорезчица строительства компрессорной станции на газовой магистрали Дашава — Киев (публикуется в этом номере на второй странице обложки).

Премии журнала «Огонек»

В. Овечкин.

С. Никитин.

С. Смирнов.

С. Орлов.

К. Буковский.

В. Кожевников.

Е. Рябчиков.

П. Караченцов.

А. Гостев.

Дм. Бальтерманц.

Редакционная коллегия «Огонька» отметила ежегодными денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1952 года. Премированы следующие авторы: В. Овечкин (рассказ «Трактористы», №№ 37 и 38), С. Никитин (рассказы «На родных берегах», № 11), С. Смирнов (стихи «Бабье лето», № 45), С. Орлов (стихи «Памятник танкистам в Калаче», № 19), К. Буковский (очерк «Судьба станицы», № 24), В. Кожевников (очерк «У северных ворот Инчжоу», № 44), Е. Рябчиков (серия репортажей с Волго-Дона), П. Караченцов (рисунки к рассказам «Строгая бабушка» Н. Артюховой и «Поленька» В. Лукашевича, №№ 11 и 39), А. Гостев (серия снимков по Волго-Дону) и Дм. Бальтерманц (серия снимков по Волго-Дону).

Юбилей художественного училища

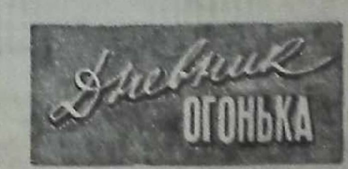
В высоких, светлых мастерских Свердловского художественного училища юноши и девушки сосредоточенно работают за мольбертами. Старшеклассникам позирует натурщик. В соседней комнате рисуют с гипса.

В другой аудитории идут занятия по композиции. Тематика создаваемых картин разнообразна. В них учащиеся рассказывают об окружающей их жизни, о больших и маленьких событиях, которые им понятны и дороги: «В комнате сказов Бажова свердловского Дворца пионеров. Дети слушают уральские сказы», «Советские школьники рассматривают репродукцию картины Богданова-Бельского «У дверей школы» и другие.

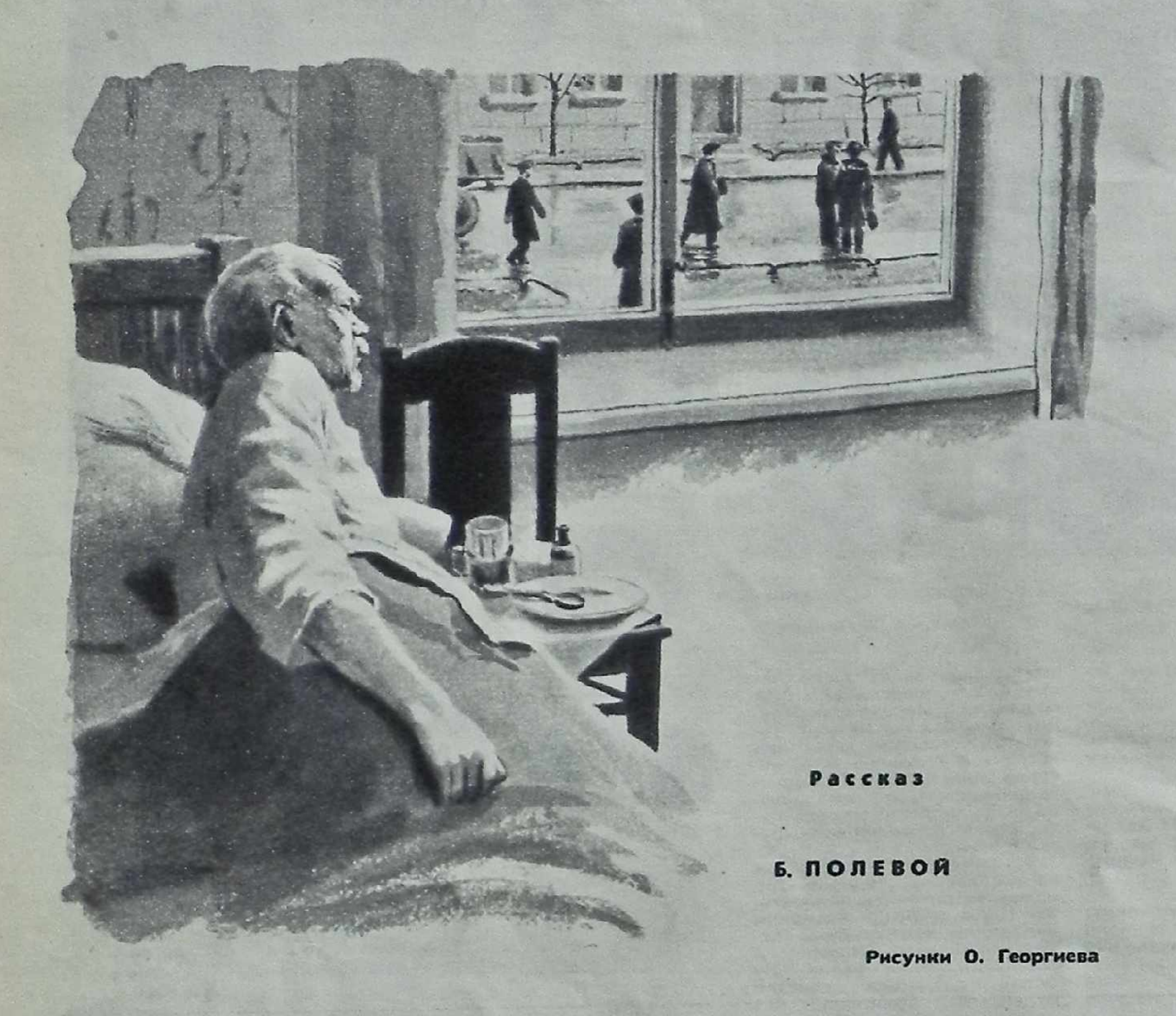
...Свердловскому художественному училищу исполнилось полвека. В 1902 году в Екатеринбурге (ныне Свердловск) была открыта художественно-промышленная школа. До революции здесь преподавалось только прикладное искусство: обработка камня, дерева, металла. Сейчас профиль училища изменился: оно готовит не только художников прикладного искусства, но и станковистов.

Многие выпускники Свердловского художественного училища продолжают совершенствовать свое творчество в художественных вузах Москвы, Ленинграда, Харькова.

Н. РОЗИНА

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ

Рассказ

Б. ПОЛЕВОЙ

Рисунки О. Георгиева

В вечернюю смену, когда наконец работы пошли как следует и вереницы самосвалов, курсировавших между бетонным заводом и строящимся шлюзом, как бы слились в сплошную трехкилометровую ленту конвейера, старший мастер по бетону Иван Николаевич Опрышко вдруг почувствовал себя худо. Незнакомая острая боль возникла где-то пониже левого плеча. Потом будто чья-то сильная рука безжалостно сдавила сердце. Решив переждать, Иван Николаевич прислонился к ржавым стеблям еще не забетонированной арматуры: мало ли что может случиться с человеком, не спавшим третьи сутки. Но боль становилась острее, тело покрылось клейкой испариной, колени начали подламываться, и тут, в степи, открытой всем четырем ветрам, вдруг стало ему нехватать воздуха.

Иван Николаевич прикинул глазом расстояние от места, где он только что распек бригадира арматурщиков за нераспорядительность, до бака с питьевой водой. Метров пятнадцать, не больше. Но уже на полпути, у доски, на которой записывалась выработка всех бригад, мастеру стало совсем плохо. Едва успев схватиться за эту фанерную доску, он начал терять сознание.

Последнее, что Иван Николаевич запомнил, было встревоженное лицо бригадира арматурщиков. Бригадир оказался не так уж «лопуховат», как минуту назад казалось Ивану Николаевичу. Осторожно поддерживая старшего мастера, он послал трех самых расторопных рабочих: одного в медпункт, другого на телефон — сообщить о происшествии секретарю партийного бюро,— третьего на шоссе — с заданием задержать первую же из проходивших легковых автомашин.

Впрочем, обо всем этом Иван Николаевич так и не узнал. Он очнулся дома, на кровати, и сразу же заметил, что в светлой, чистенькой комнатке, которая всегда приятно пахла полынью и мятой, воцарился острый больничный дух, забивая все знакомые и уютные жилые запахи. Руки, ноги и даже пальцы стали необыкновенно тяжелыми, будто вместо крови в сосудах пульсировала ртуть. С трудом приподняв веки, мастер увидел три склонившиеся фигуры, но в зыбких, расплывающихся перед глазами кругах не сразу различил худое, угловатое лицо секретаря партбюро, мокрые, с распухшими веками глаза жены Авдотьи Петровны и рядом другие, незнакомые, очень строгие глаза высокой молодой женщины в белом халате.

— Ну вот, видите, и очнулся, — спокойно произнесла женщина в халате. — Как, больной, вы себя чувствуете?

Больной! Это обращение рассердило Ивана Николаевича. Он сделал было движение, пытаясь встать, но большая, мягкая, пахнущая туалетным мылом женская рука прижала его к подушке.

— Нет, нет, полный покой! Абсолютный. В этом ваше спасение.

Покой! О каком покое она говорит сейчас, когда там, на шлюзе, наконец-то пошел «большой бетон»? Столько дней бился, ночей не спал, со всеми перессорился, охрип, а сейчас, когда все, славу богу, организовалось и стены шлюза растут, опережая график, вдруг, здравствуйте, покой!

Ничего этого Иван Николаевич не успел сказать. От второго приступа он очнулся уже таким слабым, что и веки трудно было разъять. Иван Николаевич услышал разговор. Голоса нечетко пробивались сквозь туман полузабытья. Говорили о нем. Он не все разобрал, но понял, что-то плохое произошло с сердцем, понял, что он надолго уже не работник, что, если он и выздоровеет, ему нужно будет менять специальность, устраиваться на какую-нибудь тихую работу и что каждое волнение может стоить ему жизни. Говорила женщина-врач. Секретарь партбюро по обыкновению своему только коротко покашливал, и кто-то, должно быть, Авдотья Петровна, тихонько плакал.

Иван Николаевич застонал.

— Лежите, лежите, приступ кончился, сейчас вы примете лекарство, уснете и проснетесь молодцом,— другим, бодрым голосом произнесла женщина-врач.

— Как это... менять профессию?.. Разве можно?

Иван Николаевич с трудом поднялся на локтях и с ненавистью посмотрел на врача. Это была высокая, статная женщина со смуглым, энергичным, привлекательным лицом, с темным пушком над верхней губой, но ему она показалась злой и некрасивой.

— Покой...— Он повернулся к секретарю партбюро, ища у него сочувствия. — В такие дни... Большой бетон... Скажи ей, Владимир Иванович, есть мне время по койкам валяться!..

Секретарь партбюро прикоснулся пальцами к руке мастера, и пальцы эти показались Ивану Николаевичу необыкновенно горячими.

— Доктор прав, Николаич, хочешь вернуться на шлюз, лежи, не рыпайся. Без тебя справимся... Лечись как следует, лечись в порядке партийного поручения... Слышишь?

— А меня в утиль? Сидячая работа...

— Ну что ты, старик? — Глаза секретаря, большие, голубые, очень спокойные, без смущения смотрели на мастера, и у того вдруг родилась надежда, что он чего-то не разобрал, что ошибся и никто и не думал выносить ему такой жестокий приговор.

— Все зависит от вас, — заметила женщина в белом халате, — от того, как вы будете соблюдать постельный режим.

«Нет, не ослышался... И слова-то какие противные: «постельный режим», «сидячая работа», «полный покой», — горько думал старый мастер. Когда-то в молодости он клал бетон в тело волховской плотины, потом был Днепрострой и еще много других, как он любил говаривать, «объектов». Всю жизнь Иван Николаевич с Авдотьей Петровной кочевали со строительства на строительство и в этих всегда новых делах и переездах не заметили, как стали лучиться на их лицах морщины, как иней покрыл их головы, как выросли дочь с сыном, ныне уже учившиеся в институте. Старики так вжились в эту свою кочевую жизнь, что сейчас вот, после происшедшей с ним катастрофы, Иван Николаевич просто представить себе не мог, что жизнь для него вдруг остановилась, что он в самый разгар работы будет лежать в постели, глотать какие-то лекарства и слушаться этой, как он определил про себя, «усатой ведьмы» в халате.

Но лежать пришлось. Человек, как говорится, ко всему привыкает. Понемногу Иван Николаевич привык к вынужденной неподвижности, примирился со строгим врачом, свыкся со вкусом пилюль и порошков, не видя в них, впрочем, для себя никакой пользы.

К одному не мог он привыкнуть, одно мучило, грызло, точило его — оторванность от стройки. Он лежал в чистой, уютной своей квартирке в одном из домов нового поселка. Люди ежедневно проходили на работу и с работы мимо его окон, но никто почему-то, кроме врача, не навещал старика, никто не звонил ему по телефону, и не от кого было даже узнать, как там идет «большой бетон», соблюдается ли с таким трудом налаженный график и сумеют ли бетонщики закончить свои дела к осенним дождям.

«Забыли. С глаз долой, из сердца вон», — раздумывал старый мастер. Ему было так обидно, что даже своей Авдотье Петровне он стеснялся на это жаловаться.

Но раз под вечер, после того как за окнами пророкотала вереница тяжелых самосвалов и наступившая после этого тишина показалась старику невыносимой, его прорвало:

— Работал, отличался — все вокруг танцевали: «Дядя Ваня, да дядя Ваня, да Иван Николаевич, да уважаемый товарищ Опрышко». Без Опрышко шагу не ступят, а слег — вот никому и дела нет. Идут мимо и на окошко не оглядываются,— горько пожаловался он жене.

— Что ты, Николаич! — испугалась та. — На улицу выйду — только и слышу: «Как с дядей Ваней да как дядя Ваня?» Забыли! Лучший на стройке врач от койки, почитай, не отходит.

Он закрыл глаза и затих. Взглянув на него, жена поразилась: до чего же он сдал. Лицо еще больше осунулось, сморщилось и начало точно бы просвечивать той зеленоватой, землистой бледностью, какой окрашиваются ростки картофеля, проросшие в темном подвале. Седые лохматые брови и щеточки усов, раньше придававшие мастеру бравый вид, теперь делали его дряхлым стариком.

Авдотья Петровна закусила губу и поторопилась выйти. А поздно вечером Иван Николаевич подслушал приглушенный разговор, доносившийся из соседней горницы.

— Вот как ляжет утром на спину, так и лежит. Муху с лица не сгонит. Неразговорчивый, неласковый, — шопотом жаловалась Авдотья Петровна.— Так молча и тает.

— А лекарства принимает? — осведомился тенорок, который показался Ивану Николаевичу голосом секретаря партийного бюро.

— Это пьет. Все, как докторша говорит, по часам. А что толку?

— И все думает?

— Может, думает, а может, спит с открытыми глазами, кто его поймет? Спросить-то боюсь: волновать не велено. Он ведь чуть что — пых, пых, пых, как чайник.

— Может, книги ему принести, радио поставить? А? Надо с врачом посоветоваться...

На следующий день доставили пачку книг и приемник. Но журнал с новым романом, о котором в те дни много говорили, так и остался лежать на стуле, а радиоприемник молчал в углу на табурете. Старый мастер попрежнему часами лежал на спине с открытыми глазами. «В вахтеры, и то, поди, не возьмут; вахтер — профессия подвижная»,— прикидывал он. И вдруг начинал представлять, как, по словам врача, «осторожно, будто неся на ладони полный стакан воды», входит он в кабинет начальника стройки, как этот грузный человек, обычно такой медлительный, малоподвижный, вдруг вскакивает ему навстречу, подставляет ему стул и начинает убеждать, что немало прожито, немало сделано, что заслужил ты, Иван Николаевич, покой и хорошую обеспеченную старость.

«Обеспеченная старость, тьфу!.. Правильно, пенсия уже идет, три ордена на груди. Да разве ж к тому человек сейчас стремится, чтобы сыту да покойну быть... На что она, такая жизнь?»

Так, перебирая невеселые мысли, рисуя обидные для себя картины, лежал Иван Николаевич целые дни, уставившись взглядом в потолок, где причудливые трещины штукатурки напоминали ему почему-то арку входных ворот шлюза, виденную им на архитектурном эскизе.

Единственно, что отвлекало его, был отдаленный рев моторов бетоновозов, доносившийся порой до окраинной улицы городка строителей. Тогда Иван Николаевич вставал с кровати, прислушивался, не бродит ли где поблизости Авдотья Петровна, добирался до окна и открывал форточку. Моторы начинали стучать отчетливее. Старик улыбался, представляя себе высокие, покрытые замшевым слоем степной пыли машины с кузовами, в которых тяжело покачивалась на ухабах зеленоватая жидкая масса. Все это так ярко вставало перед глазами, что начинало казаться, будто вместо назойливого запаха опротивевших лекарств доносится пресный, отдающий сырой известью, но такой привычный и волнующий запах жидкого бетона, запах стройки, запах настоящей кипучей жизни.

Надвигалась осень, погожие дни случались все реже. Туман с утра покрывал степь. Он поглощал звуки, и уже ничто не отвлекало Ивана Николаевича от тягостных его мыслей.

Болезнь принимала затяжной характер. Созванный врачом консилиум решил показать больного какому-нибудь крупному специалисту. Остановились на известном профессоре-кардиологе. Строительство выслало за ним специальный самолет.

Прилетевший из города профессор сверх ожиданий оказался совсем еще не старым человеком. Немного разочарованный такой внешностью ученого, от которого зависела теперь его судьба, Иван Николаевич еще больше удивился, когда тот после долгого разговора с врачами запросто присел на койку больного и, не осмотрев, даже не выслушав его, стал вдруг расспрашивать, как шли работы на строительстве, много ли довелось больному на своем веку потрудиться по бетонному делу и далеко ли оно, это дело, шагнуло теперь вперед.

Иван Николаевич поначалу отвечал отрывисто, односложно, но понемногу разговорился.

— Вот чудак человек, какое же сравнение! На Волховстрое этот самый бетон в дощатых творилках шестами месили, а сейчас вон он, заводище, — махина, гостиница «Москва»... И главное, вместо шестов-то добрых четыре десятка машин разных и за всеми за ними глядит один-единственный человек. Сыграет он у себя на кнопках — и идет бетон марки такой-то, сыграет по-другому — другая марка пошла, нажмет рычажок — влаги прибавилось, другой нажмет — суше стало... Автоматика!

Иван Николаевич уже сидел на койке. Маленький, тощий, обросший седой щетиной, он походил на воробья, вымокшего на дожде. Но в густой сетке углубившихся за последнюю неделю морщин насмешливо посверкивали глаза.

— Ну, что ж, мы вас быстро на ноги поставим,— произнес вдруг профессор, резко вставая.— Лечат вас, папаша, правильно. Пусть так и продолжают. А я вам еще одно лекарство дам, замечательное, сильнодействующее. Ну, признавайтесь, скучаете по стройке?

— Господи, хоть бы одним глазком взглянуть!

— Ну вот и глянете. И скоро глянете. Мне уж говорили, как вас там ждут.

— Кто же это говорил? — подозрительно спросил Иван Николаевич, впиваясь глазами в молодое, невозмутимое лицо профессора.— Кому я там нужен, старая кочерыжка?

— Людям, людям, папаша, — ответил профессор, усаживаясь писать рецепт.— Людям. Стройке... Думаете, я так бы вот бросил клинику и полетел невесть куда, если бы они все вместе на меня не нажали... Ох, и духота же у вас!

Профессор подошел к окну, сильной рукой повернул шпингалеты и так рванул за ручку, что створки окна распахнулись, на пол посыпалась окаменевшая замазка. Свежий осенний воздух хлынул в комнату.

— Эти ваши дружки на меня и нажимали. Самолетом заставили лететь. А я, признаться, боюсь их, самолетов.— Он дописал рецепт и многозначительно потряс бумажкой.— Вам привезут от меня лекарство. Предупреждаю, строгое лекарство. Принимайте осторожно. Десять капель, ни одной больше. Лишнее накапаете — выплесните и капайте снова, слышите? Оно вас в месяц на ноги поставит.

Профессор передал врачу рецепт, что-то добавил по-латыни, потом вопросительно обвел взглядом всех находившихся в комнате:

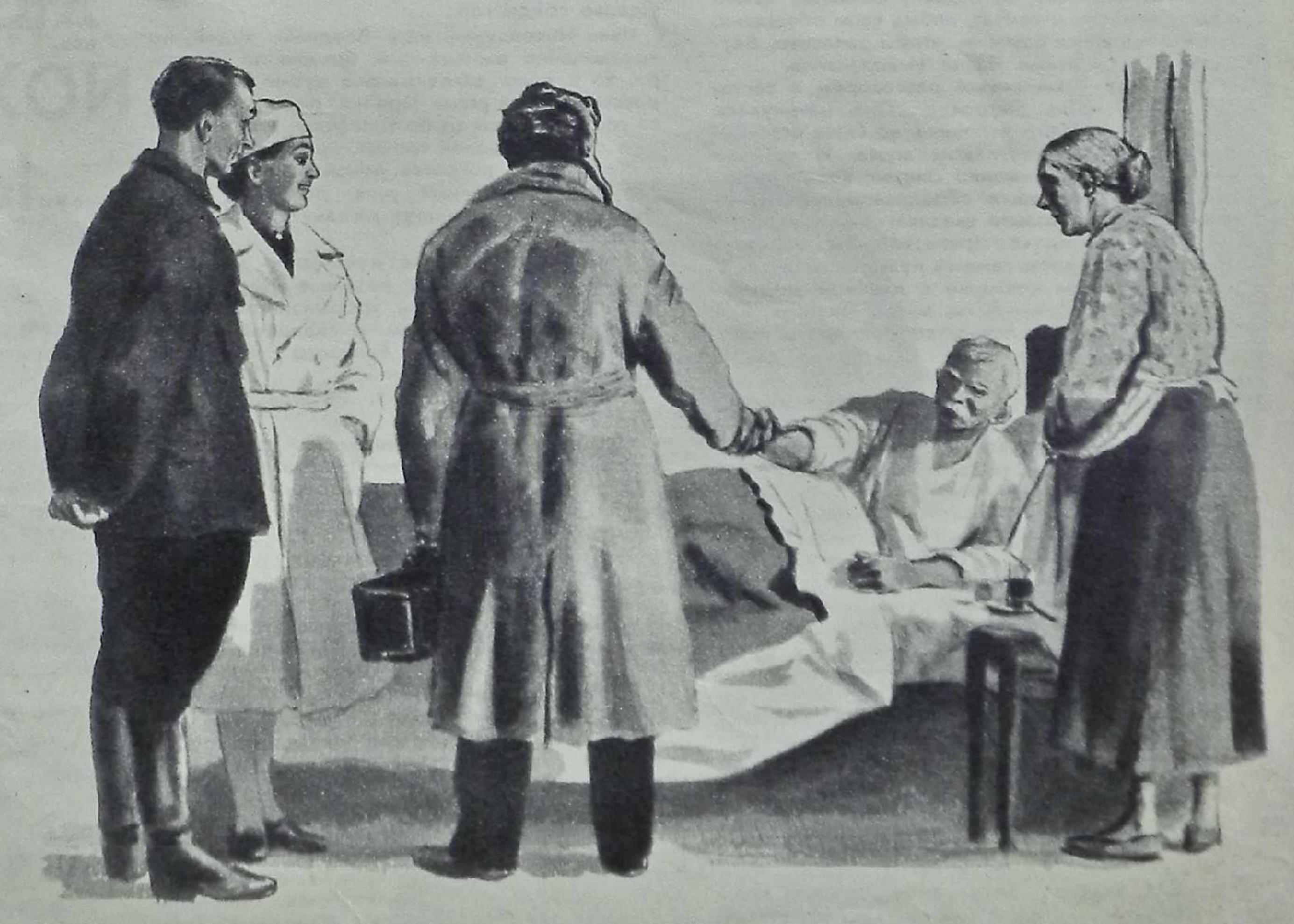
— Мне бы с кем-нибудь поговорить.

Авдотья Петровна двинулась было к нему, но он, улыбаясь, отвел ее рукой:

— Нет, нет, мамаша, вы уж подежурьте у больного!

Он вышел из комнаты. Иван Николаевич напряг слух. За стеной тихо звучали два голоса: профессора и секретаря партбюро, который, повидимому, ожидал результата консультации. Профессор говорил твердо, напористо. Секретарь многозначительно покашливал и изредка ронял: «Хорошо», «Не беспокойтесь», «Сделаем». Голоса у обоих были спокойные. У старика совсем отлегло от сердца.

— Так-то вот, дорогой мой,— закончил уже громче прилетевший ученый.— Я, знаете ли, на Сормовском заводе лечебную практику начал. Там таких старых орлов много, я, можно сказать, специалист по этаким старикам. Могу даже научный труд написать: «О новых методах лечения старых кадровиков в период развернутого коммунистического строительства...» А вы что думаете? Тема! — И совсем уже громко и жизнерадостно за-

кончил: — А новое лекарство пришлю обратным самолетом.

Уже в дорожном плаще и авиационном шлеме, профессор зашел проститься. Он сжал руку больного так, что у того слиплись пальцы, заговорщицки подмигнул ему и исчез.

В эту ночь Иван Николаевич впервые как следует выспался. Проснувшись, он первым делом спросил, не привезли ли новое лекарство. Авдотья Петровна сказала, что лекарства еще нет, но что в горенке, как она называла столовую, вот уже с полчаса сидит сменщик Ивана Николаевича, зашедший его навестить.

— Вспомнили, курицыны дети,— удивился старый мастер.

Этот сменщик, молодой рыжий человек, с лицом, будто бы обрызганным коричневой краской, вошел на цыпочках, долго оглядывался, куда бы деть кепку, и, хотя в комнате стояло немало мебели, почему-то положил ее на пол. Он пришел прямо с ночной смены. От ватника его припахивало едва уловимым запахом бетона. Иван Николаевич даже весь потянулся на этот запах.

— Ну как, в графике идете или без меня все кувырком? — поинтересовался Иван Николаевич, даже еще и не поздоровавшись с гостем.

Не ответив на вопрос, сменщик вдруг принялся рассказывать о фильме «Незабываемый 1919 год», потом выругал американцев за то, что начали бактериологическую войну в Корее, с похвалой отозвался о китайцах, затеявших гигантскую стройку по нашему, советскому примеру, и ни с того, ни с сего перескочил на футбольные дела, к которым, как это хорошо знал, старый мастер никогда не имел интереса.

— Да что ты, оглох, что ли, я тебя спрашиваю?

Посетитель беспомощно оглянулся, боязливо покосился на дверь и потянулся за кепкой.

— Стой! Ты что ж это, смеяться надо мной пришел?

— Дядя Коля, не могу, не велено! Волновать тебя запрещено. Слово дал!

— Так ты ж меня, щучий сын, хуже волнуешь! — закричал старый мастер и, вцепившись худыми руками в ватник сменщика, стал жадным шопотом выспрашивать его о делах.

Таким же шопотом, со страхом косясь на дверь, отвечал посетитель. Это был совсем молодой человек, на стройку он попал прямо из техникума, и сейчас, забыв свои обещания, он пользовался случаем, чтобы запастись бесценными советами Ивана Николаевича.

За таким оживленным разговором и застала их Авдотья Петровна. Она накинулась было на молодого человека, но была остановлена свирепым взглядом мужа. И то, что взгляд этот был именно свиреп, полон властности, не обидело, а обрадовало ее. Вместо попреков она только сказала:

— Вот лекарство прилетело,— и бережно поставила на стол темный пузырек в щеголеватом розовом колпачке с длинной аптекарской сигнатуркой.— А ты, милый человек, иди себе домой, ему лекарство принимать пора. Сам профессор прислал. Самолетом доставили.

Можно считать установленным, что именно в этот день в ходе болезни Ивана Николаевича наметился перелом. Больной был еще слаб, попрежнему подолгу лежал на спине, в полной неподвижности. Но он уже не напоминал Авдотье Петровне покойника. Глаза его снова стали ясными, колючими. Иногда старик добирался до открытого окна и подолгу смотрел в сторону стройки. Раз в день к нему заходил кто-нибудь со шлюза. Это были для больного самые счастливые часы.

Дней через пять Иван Николаевич сам побрился. С навещающими он разговаривал теперь уже сидя. Попрежнему шопотом рассказывали они ему о делах. Иван Николаевич жадно выслушивал эти ежедневные рапорты. Тем же шопотом обсуждались производственные происшествия. Старик давал советы. Иван Николаевич чувствовал себя при деле, жил обычной своей жизнью, со всеми ее радостями и волнениями. Женщина-врач, навещавшая его теперь уже не каждый день, а два раза в неделю, довольно усмехалась. Она разрешила ему даже говорить по телефону, и резкий звонок старенького аппарата, суливший свежие новости, звучал для Ивана Николаевича приятнее самой хорошей музыки.

Наконец, она обследовала старика особенно тщательно. Вымыв руки и сняв халат, она позвала в комнату Авдотью Петровну и, улыбаясь одними глазами, объявила, что лекарство, присланное профессором, оказало чудесное действие и, если Иван Николаевич обещает строго соблюдать режим, она позволит ему в воскресенье первый раз посмотреть работы.

— Ходить, будто на ладони стакан, наполненный водой, которую нельзя расплескать? — спросил старик, вспомнив сказанные ею как-то слова.

— Да, двигаться вам придется не торопясь, не бегать.

— Это приемлемо. Я старший мастер, а не футболист... И не волноваться, полный покой?

— Ну, это как вам сказать?.. Я лично вас на этот счет предостерегла бы. Но, вот видите, профессор придерживается другой точки зрения, и она оказалась более правильной.

— Хорошая точка зрения. Не волнуются только покойники или около того,— заявил Иван Николаевич и, испугавшись, не обидел ли он эту женщину, которая для него столько сделала, добавил: — У вас, как и в бетонном деле, методы бывают разные. Выбирай любой — лишь бы результат хорош был. А наука, конечно, она вперед идет.

Когда врач уже направилась к двери, Авдотья Петровна робко остановила ее:

— Уж не серчайте на меня, дайте последний совет. Соседки вот говорят, что про профессора-то, про лекарство-то надо в газету написать.

Снова веселые искры вспыхнули в черных глазах врача.

— Что ж, напишите, обязательно напишите...

В воскресенье с раннего утра Авдотья Петровна, пригласив в помощь двух соседок, священнодействовала на кухне. Выздоровление мужа она решила отметить роскошным обедом, на который пригласила товарищей Ивана Николаевича. Странствуя со стройки на стройку, она научилась готовить много местных кушаний, и для торжественного стола готовились и сибирские пельмени, и уральские шанежки, и украинские вареники, и даже кавказский шашлык, который старушка жарила, когда ее муж возводил плотину в ущелье среди гор.

Иван Николаевич, еще бледный, худой, но чрезвычайно оживленный, бродил по квартире, то и дело заглядывал в кухню, помогал расставлять на столе тарелки, рюмки. Он долго говорил с кем-то по телефону, а потом вышел к жене в новой тройке, при всех орденах и медалях и, потрогав рукой щеточку аккуратно подстриженных усов, довольно объявил, что к ним обещает заглянуть и сам секретарь партбюро.

Затем он исчез на некоторое время в спальню и вдруг снова возник в дверях, уже в старененьком, насквозь пропыленном костюмишке, с карандашиком и складной линейкой, торчащими из бокового кармашка, взволнованный и смущенный.

— Я, того, на минутку, на шлюз... Гляну только.

Авдотья Петровна показала руками на блюда, что, источая аппетитные запахи, стояли на плите, на столе, на подоконниках. Иван Николаевич повел носом, взял со сковородки кусок телятины, пожевал с аппетитом, но, видя, что глаза жены заливаются густой, точно глицериновой, влагой, сердито бросил:

— Ну что ты, сказал, вернусь! — и исчез.

— Удрал! А гости!.. Стыд-то какой! — всплеснула руками Авдотья Петровна, взглянув на помогавших ей соседок.

Предчувствия не обманули ее. К приходу гостей Ивана Николаевича все еще не было дома. Ему начали звонить по разным номерам, но везде отвечали, что он действительно только что здесь был, но ушел. След его терялся на стройке.

— Ищи ветра в поле,— упавшим голосом сказала Авдотья Петровна, кладя трубку, и, жалобно взглянув на собравшихся, сказала: — Прошу к столу, гостюшки дорогие, закусите, чем бог послал... Дорвался!.. Сейчас хоть по радио конец света объяви, его со шлюза не вытащишь!

Желая сгладить эту, как казалось ей, безобразную выходку мужа, Авдотья Петровна с особой энергией потчевала гостей. Гости ели, пили и тихонько посмеивались. Все хорошо знали старика. И все же надежда, что он вернется, не угасала. Всем хотелось дождаться его. И чтобы время после обеда не пропало даром, Авдотья Петровна предложила коллективно написать в газету письмо с благодарностью профессору за чудесное исцеление Ивана Николаевича. За письмо уселись охотно и писали его, обдумывая каждую фразу, с тем тщанием, с каким обычно пишут люди физического труда.

Письмо было уже закончено, когда подъехал секретарь партбюро. Он одобрил и затею и текст. Настало время расписываться. Чтобы подписи выглядели покрасивее, Авдотья Петровна отправилась в спальню за автоматической ручкой. Она долго шуршала там бумагами, выдвигала и задвигала ящики стола. Вдруг гости услышали ее испуганный вскрик. Через мгновение хозяйка, бледная, растерянная, появилась в дверях. В руке у нее был темный аптекарский пузырек в изящном розовом колпачке со шлейфом длинной сигнатурки. Пузырек был полон. Плиссированный бумажный колпачок, которым была покрыта пробка, сохранился во всей неприкосновенности.

— Это — то самое лекарство,— с трудом выговорила наконец Авдотья Петровна.

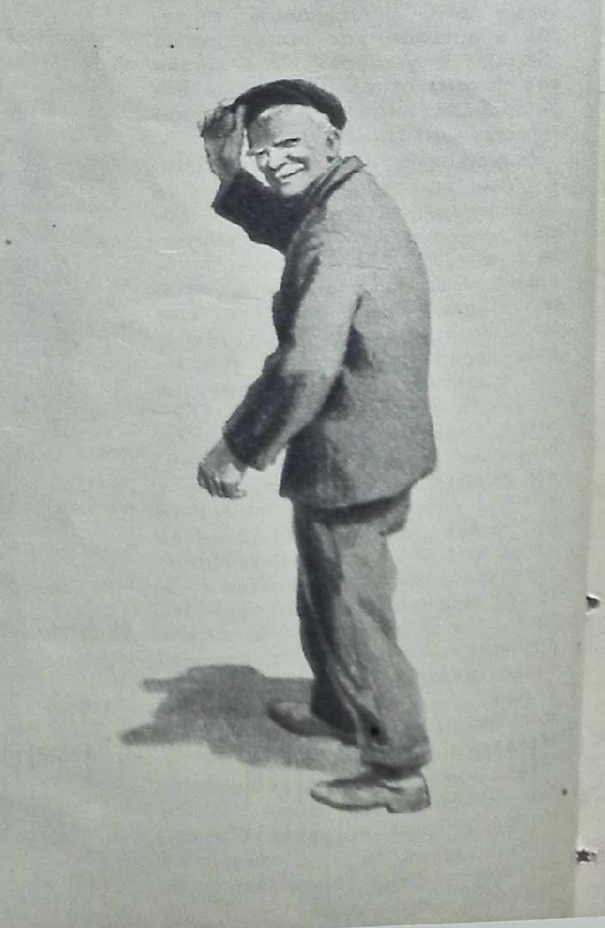
Секретарь партбюро взял из ее рук пузырек и, нахмурив брови, стал читать рецепт на сигнатурке.

— Оно,— сказал он. И вдруг принялся хохотать громко и шумно, как смеются веселые люди с открытой душой.— Ох, старикан!.. Вот отчубучил!.. Уморил!

— Как же теперь с письмом? — дрожащим голосом спросила Авдотья Петровна, не видевшая в этом происшествии ничего смешного.

Секретарь выпрямился, ладонью стер пот со лба и, все еще смеясь каждой морщинкой своего лица, сказал как можно серьезнее, значительно покашливая в ладошку:

— Письмо посылайте. Обязательно посылайте. Дело не в этом лекарстве. Ученый мне тогда сказал, что лечат его правильно... А все-таки спас нам нашего Николаича он, профессор. Дайте-ка ручку, я припишу к письму, что он действительно непревзойденный специалист по лечению старых кадровиков.

НА ЗЕМЛЯХ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ...

Фото И. Тункеля

«Жемчужиной Узбекистана» называют поэты Ферганскую долину. Все здесь словно поет чудесную песню о радостном и вдохновенном труде человека: и голубые ленты каналов, и кудрявая зелень садов, и созревший хлопок.

Резной, узорчатой рамой окружают долину горные отроги Тянь-Шаня. Они защищают ее от губительных ветров, с их вершин скатываются воды Нарына, питающие колхозные поля. В республике хорошо знают имена лучших ферганских хлопкоробов и шелководов. Много здесь женщин, чьи искусные руки собирают невиданные урожаи. Вот одна из них — Матлюба Саттарова, сборщица хлопка из колхоза имени Тельмана, Алитын-Кульского района, Андижанской области.

Большие планы на будущее и у нее и у ее подруг. Директивы XIX съезда партии обязывают: «Повысить урожайность хлопчатника с одного гектара: в районах Средней Азии и Южного Казахстана до 26—27 центнеров».

— Задание партии выполним, — уверенно говорит Матлюба Саттарова.

В эти октябрьские погожие дни мы стоим на берегу реки, плавно катящей свои мутноватые воды. Это именно река, хотя она создана руками людей. Через всю Ферганскую долину протянулась эта величественная водная магистраль — БФК — Большой Ферганский канал имени Сталина.

Тринадцать лет назад в небывало короткий срок, за 46 дней, колхозники-строители вырыли крупнейший в Средней Азии канал. Он щедро дает воду землям колхозов. Вдоль его берегов зеленеют поля и сады, шумят тополя лесных полос.

На обочинах дорог, вдоль арыков, в поселках у белых домов — везде в Андижанской области, как и по всей Ферганской долине, виднеются ряды невысоких тутовых деревьев с пышной крупной листвой. Листва эта — второй за лето наряд шелковицы. Шелководы Андижана занимают в республике видное место по сдаче коконов.

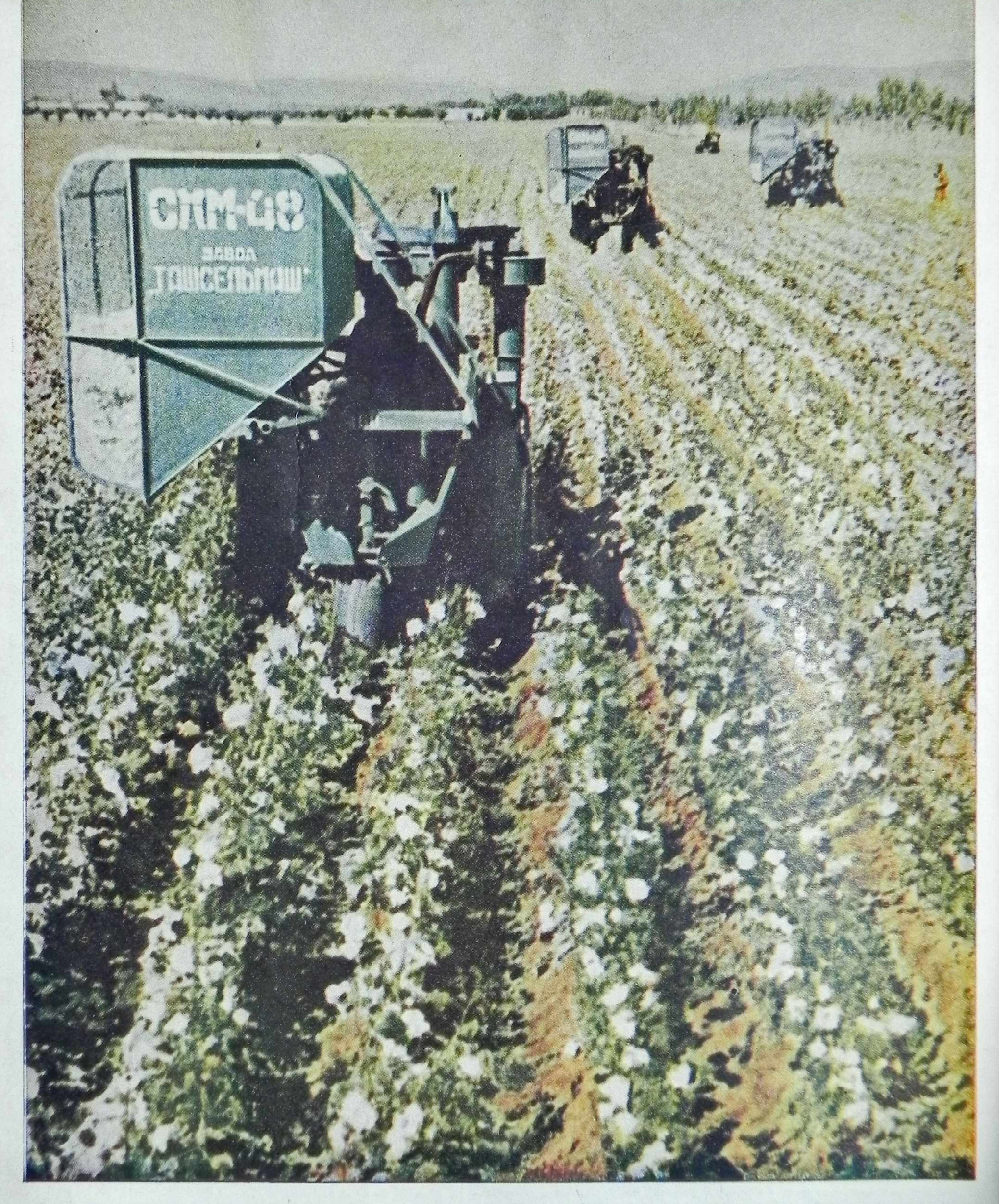
Огулхон Иргашева (справа), звеньевая колхоза имени Карла Маркса, Андижанского района, — совсем еще не старая женщина. Но шелковод она с большим, двадцатилетним стажем. Как-то в свободный час районный агроном подсчитал, что тканью, сотканной из шелка от коконов, сданных Иргашевой, можно одеть 1 800 женщин.

— Может быть, и на моем платье атлас, сотканный из моего же шелка! — смеется Огулхон. — А возможно, и ваше платье моих рук не минуло... — говорит она агроному М. Урмановой.

Далеко за пределами Узбекистана славятся ткани Ташкентского текстильного комбината имени Сталина, одного из крупнейших текстильных предприятий страны. Сегодня заведующая передвижным магазином Файзия Ювакова привезла ткани на полевой стан колхоза имени Юсупова.

Хлопок вернулся на поля ярким ситцем, добротным глянцевитым сатином, тонким батистом... Сборщицы деловито советуются с продавщицей, какой рисунок выбрать. Хочется, чтобы и будничное платье было понаряднее!

Ходжи-Абадский район. Чуть только солнце высушит росу, выходят в поле тысячи сборщиков: погожие дни терять нельзя! Но одним им не под силу во-время убрать весь урожай. Рядом, на соседних участках, работают хлопкоуборочные машины.

В колхозе имени К. Е. Ворошилова на сбор урожая вышло сразу четыре «хлопковых комбайна», как подчас зовут эти машины механизаторы. Они движутся вдоль рядков, и сквозь сетчатую стенку бункера видно, как падает, на его дно струя пушистых комочков.

А на хирмане едва поспевают разравнивать для просушки высокие груды только что собранного машинами сырца.

...Увеличить за пятилетие производство хлопка-сырца на 55—65 процентов.

...Довести в 1955 году уровень механизации уборки хлопка-сырца хлопкоуборочными машинами до 60—70 процентов.

Над выполнением этих директив XIX съезда партии без устали трудятся сегодня хлопкоробы Ферганской долины.

Н. Соловьева

Титофашисты — орудие поджигателей войны

Перо ПОПИВОДА

В начале ноября в Загребе собрались титовские наймиты и провокаторы. Свое сборище они назвали «съездом». На самом деле вся эта церемония больше смахивала на похороны, если судить по унылому настроению большинства так называемых «делегатов».

Разумеется, гестаповские органы Ранковича приняли все меры к тому, чтобы на «съезде» не оказалось нежелательных делегатов. И все же не обошлось без скандала. Не кто иной, как «генеральный секретарь правительства» Тито, Джурич, поведал с трибуны съезда о казнокрадстве и моральном разложении в среде главарей титовской шайки. Дело дошло до того, что полицейские стащили Джурича с трибуны, а Тито, Джилас и Ранкович самолично поспешили перерезать провода и выключить микрофон. Но, к их огорчению, главное из того, что хотел сказать Джурич, уже прозвучало в эфире.

Дело, конечно, не в самом скандале. Важно другое. На сборище в Загребе Тито был вынужден огласить кое-какие из более существенных фактов, которые долгое время скрывались от югославского народа и от всей международной демократической общественности.

Ни для кого не секрет, что титовцы тратят огромные средства на милитаризацию страны, на подготовку военных авантюр. И тем не менее названные Тито в Загребе цифры военных расходов за последние годы прозвучали потрясающе для всякого, мало-мальски разбирающегося в таких вопросах. Разумеется, не от хорошей жизни и уж, во всяком случае, не от прилива «искренности» признал Тито эти факты. Его вынудила к этому страшная действительность в стране, сопротивление югославского народа, который не хочет больше терпеть фашистскую титовскую тиранию.

Югославия, по словам самого Тито, тратила ежегодно на военные приготовления 23 процента национального дохода! В этом году это составляет 77 процентов всего бюджета Югославии. Тито признал, что общие расходы на национальную оборону Югославии за прошедшие пять лет достигли 3 миллиардов 581 миллиона долларов. Весьма характерно, что расчет расходов выведен в долларах; видимо, титовцы привыкли все исчислять в валюте Уолл-стрита. Привычка, как говорится, — вторая натура!

В то время, как титовцы по приказу американских хозяев огромные суммы тратят на военные приготовления, югославская экономика развалена, в стране царит голод, трудящееся население доведено до нищенской сумы.

Перед нами последнее постановление титовских властей о заработной плате рабочих и служащих. Высококвалифицированный рабочий получает 30 динаров в час, квалифицированный — 26, неквалифицированный — 20. Заработная плата служащего высокой квалификации составляет 230 динаров в день, среднего служащего — 192 динара.

Как все это выглядит в соотношении с ценами? Вот данные, взятые также из титовских источников, явно фальсифицированных, тенденциозно приукрашенных. Килограмм муки стоит до 100 динаров, килограмм риса — 400, кубометр дров — 2 600, тонна каменного угля — 7 500, ботинки — 10—12 тысяч динаров, метр ткани на костюм — 6 300 динаров, билет в театр — 250—700 динаров. Таким образом, даже высококвалифицированный югославский рабочий за месячную заработную плату не в состоянии купить простых ботинок, а на килограмм риса ему не хватает полуторадневного заработка!

«Кто держит за чуб, тот бьет куда хочет» — гласит сербская пословица. Американские поджигатели войны не знают никакого удержу в ограблении Югославии. По их приказу титовцы уже более четырех лет строят аэродромы, военные порты, стратегические дороги, склады, казармы для американо-английской солдатни. Американо-английские «покровители» титовской клики за бесценок забирают все: от стратегического сырья до зерна и прочих сельскохозяйственных продуктов. Только во второй половине 1951 года и в пер-

БАНДА ТИТОВСКИХ НАЙМИТОВ ПЕРЕД СУДОМ

Недавно будапештский суд разбирал дело подлых предателей венгерского народа — титовских наймитов Ласло Балинт, Шандора Кеньереш, Дьёрдя Балинт, Яноша Пупош и Иштвана Пупош. Эта террористическая банда шпионов была организована из грабителей и убийц титовским гестапо — УДБ. Офицеры УДБ снабдили предателей автоматами, пистолетами, ручными гранатами особой конструкции, быстро действующим ядом, наркотиками, американского производства резиновой лодкой, наручниками с клеймом «сделано в США» и другим снаряжением.

Вооруженной и снабженной фальшивыми документами банде было дано указание совершать убийства, похищать людей, шпионить, добывать военную информацию, организовать террористический центр в Венгрии.

Перед лицом неопровержимых доказательств все подсудимые признались в совершенных ими преступлениях и понесли заслуженное наказание.

Яд (цианистый калий) бандиты прятали в каблуках башмаков.

Автоматы, револьверы, патроны, золотые монеты, американская резиновая лодка и прочее снаряжение бандитов.

В империалистической неволе...

Греко-турецко-титовская ось.

вой половине 1952 года из Югославии вывезено на 40 миллиардов динаров сельскохозяйственных продуктов.

Все это кончилось тяжелым экономическим кризисом, который переживает страна. Отвечая корреспонденту «Ивнинг-ньюс», белградский фашистский главарь следующим образом «объяснял» развал экономики Югославии и голодание ее населения: «Нужно помнить, как трудно держать в готовности такую огромную армию, какую мы держим. Мы и раньше давали и теперь даем больше всех государств Европы на вооружение армии!»

Военно-поджигательская политика белградских фашистов ведет к тому, что Югославия в любое время может стать очагом военного конфликта. Обнаглевшие белградские диверсанты буквально ежедневно вызывают вооруженные инциденты на границах народно-демократических стран. «Мы должны психологически подготавливать народ», — заявил бандит Тито, невольно разоблачая цель этих преступных действий, совершаемых в соответствии с планами американских поджигателей войны.

«...правители Югославии, — сказал товарищ Г. М. Маленков на XIX съезде КПСС, — все эти тито, кардели, ранковичи, джиласы, пьяде и прочие — давно уже определились в американские агенты, выполняющие шпионско-подрывные задания своих американских «шефов» против СССР и народно-демократических стран».

Повседневные факты «внешней политики» титовского фашистского правительства выдают их с головой как американских агентов. На последней сессии ООН титовцы изо всех сил стараются внести свою лепту в американскую политику подготовки новой войны. Свои «дипломатические» представительства в странах народной демократии, как это показали процессы в Венгрии и Чехословакии, титофашисты превращают в центры империалистических заговоров против свободы и независимости народов этих стран.

Честные люди всего земного шара приветствуют решения Венского конгресса народов в защиту мира. Всюду, во всех странах, миллионы простых людей борются за урегулирование спорных вопросов мирным путем, за взаимное уважение и сотрудничество между народами. Тито и его подголоски развязали гнусную кампанию клеветы против движения сторонников мира. На сборище в Загребе Тито беззастенчиво утверждал, что якобы Пакт Мира был бы... огромным несчастьем для человечества! «Зачем Пакт Мира? — спрашивал этот выездной лакей американских миллиардеров. — Кому он нужен?» В безудержном стремлении услужить своим хозяевам он договорился до того, что стал требовать расторжения решений, принятых в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Разумеется, все это — отвратительное кривляние провинциального клоуна. Но все же это — подливание масла в огонь войны, и титовская клика несет за это ответственность в полной мере.

Югославские народы понимают, что их законные права и кровные интересы нагло попираются кликой Тито и ее империалистическими хозяевами. И поэтому народные массы Югославии никогда не позволят ввергнуть их в агрессивную авантюру, жертвами которой они стали бы сами. Югославский народ на стороне миролюбивых сил во всем мире, борющихся за мир и международную безопасность.

Перевод с сербского

«Независимая» позиция Тито.

Рисунки Н. Долгорунова

Заметки французского журналиста

Жорж САДУЛЬ

Рисунки Ю. Ганфа

Года два тому назад вся парижская желтая пресса пестрела сенсационными репортажами о так называемом «деле молодых людей из Ланьи». В этом маленьком городке, в окрестностях Парижа, несколько школьников и школьниц 15—16 лет создали вооруженное бандитское «братство», заманили одного из своих товарищей в лес и там расстреляли его из револьвера. На суде адвокаты заявляли, что

одной из важных причин, которые привели к этому мрачному преступлению, было... кино.

Адвокаты не ошибались. Пройдитесь вечером по парижским Большим бульварам и Елисейским полям и посмотрите на огромные афиши и плакаты, выставленные в вестибюлях кинотеатров. Револьверы, кинжалы, ручные пулеметы... Лица, искаженные страхом или животным вожделением... Полураздетые пьяные женщины, гангстеры, полицейские, окровавленные трупы... Таков музей уголовщины, ежедневно выставляемый напоказ парижанам в качестве рекламы новейших фильмов Голливуда.

До войны Голливуд заполнял примерно 25—30 процентов программ французского кинематографа. После войны, в 1946 году, было подписано пресловутое соглашение Блюм — Бирнс, и число французских картин сократилось на наших экранах до 37 процентов, а число голливудских поднялось до пятидесяти пяти.

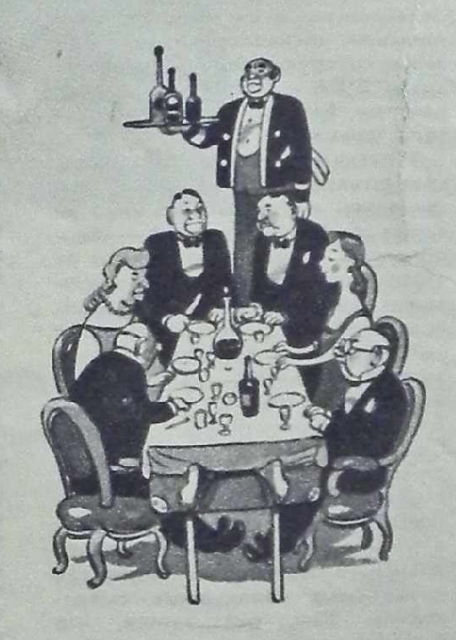
Соглашение, заключенное правительством «социалиста» Блюма, положило начало капитуляции французских правящих кругов перед идеологической агрессией Уолл-стрита. Последующие сменявшие друг друга правительства продолжали идти по тому же пути...

* * *

В патологически-звериных или искаженных страхом физиономиях, которые французы видят на рекламах голливудских фильмов, отчетливо отражается весь облик американской кинематографии наших дней. Прошли те времена, когда «звездами» голливудского экрана были моложавые, с ослепительной улыбкой прыгуны вроде Дугласа Фербенкса или белокурые, полные мягкого лиризма героини вроде Мэри Пикфорд. Нынешние «герои» американского кино, которых играют актеры Хэмфри Богарт, Ричард Виндмарк, Джеймс Кагни, Гарри Купер и другие, совсем иного типа. Это сплошь и рядом пятидесятилетние мужчины, на лицах которых написан их «жизненный опыт»: погоня за долларами, преступления, цинизм, безверие, отчаяние.

Вот актер Хэмфри Богарт. Его «специальность» — роль развращенного и продажного сыщика, вступающего в борьбу с гангстерами, которые хотят ограбить, скажем, красивую миллиардершу. Герой непременно, в обязательном порядке попадает в руки преследуемых им бандитов. И тут-то начинается «самое главное»! На экране полумрак, слышатся глухие звуки ударов, мучительные стоны, кто-то скрежещет зубами от боли... Наконец из полутьмы вырисовывается лицо Хэмфри Богарта с окровавленным, рассеченным лбом, разодранными губами, выбитым глазом, он едва движется... Все это, конечно, не мешает тому, что в финале картины «закон» (в лице сыщика, получающего чаевые от миллиардерши) торжествует над преступниками, а драгоценности возвращаются владелице. Для этого требуется не так уж много изобретательности режиссера: на протяжении одной — двух частей фильма десяток — полтора бандитов падают под меткими выстрелами сыщика Хэмфри Богарта — и дело в шляпе.

Надо сказать, что голливудские кинодельцы наконец почуяли, что нельзя без конца варьировать все то же стандартное зрелище грабежей, перестрелок, полицейской погони, крови, пыток: в конце концов это могло надоесть даже невзыскательному зрителю. И вот Голливуд начинает настойчиво продвигать на экран «уголовщину с психологией», фабриковать картины об особо «утон-

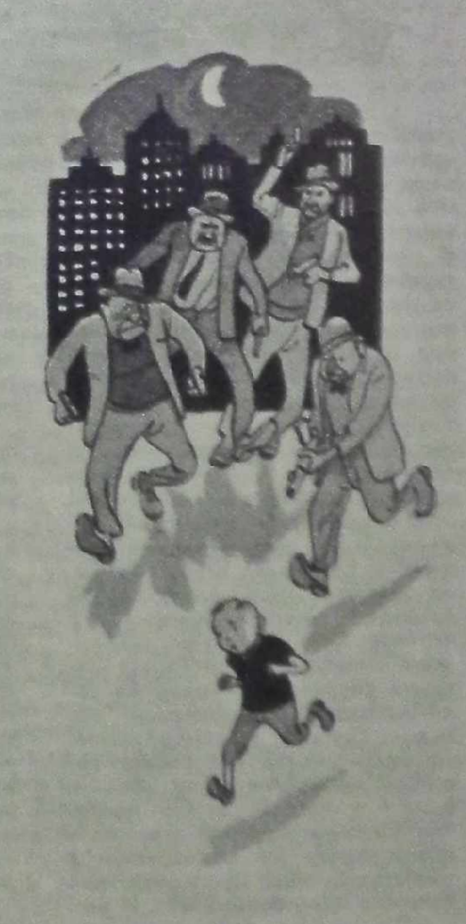
ченных» преступлениях и патологически извращенных убийцах.

Я видел картину «Веревка», поставленную режиссером Альфредом Хичкоком. Двое героев картины — богатые молодые люди, эстеты, проживающие в «артистическом» квартале Нью-Йорка Гринвич-виллэдж. Оба изнемогают от скуки. И вот они решают развлечься: без всякой причины, просто так, чтобы «встряхнуться», они заманивают к себе одного из своих знакомых и медленно, растягивая удовольствие, душат его веревкой и укладывают труп в большой чемодан. Скука вновь овладевает молодыми «сверхчеловеками». Что бы придумать еще? Их осеняет идея. Они покрывают чемодан белоснежной скатертью, приказывают прислуге сервировать изысканный ужин и приглашают в гости родителей, друзей и невесту убитого. Те, ничего не зная, пьют и едят над трупом близкого человека, а двое «героев» вволю наслаждаются этим зрелищем. Вся картина, собственно, и сводится к этому «фестивалю смерти».

Приведу еще только один пример из той же категории фильмов, рассчитанных на темные и низменные инстинкты отсталых людей. Картина называется «Невероятная история», другое ее название — «Окно». Десятилетний мальчик, выглянувший из окна своей квартиры, случайно становится свидетелем грабежа, совершаемого группой гангстеров. Он сообщает об этом в полицию. Полицейские не обращают ни малейшего внимания на эту «невероятную историю»; родители, в свою очередь, наказывают сына за «выдумки». Но о существовании непрошенного свидетеля узнают гангстеры, и они решают «убрать» мальчика... И вот на протяжении часа с четвертью зритель видит на экране, как идет погоня шайки вооруженных, разъяренных бандитов за беспомощным ребенком по пустынным ночным улицам, по закоулкам и трущобам спящего города! Несколько раз — и каждый раз по-иному — смерть уже нависает над мальчиком. Но развязка расчетливо оттягивается: измученный, полумертвый от страха ребенок успевает в последнюю минуту спастись. И снова погоня, и снова смерть витает над ним...

Интересна «официальная» судьба этого фильма, действительно «невероятного» по своему откровенному садизму. На буржуазном кинофестивале в Бельгии он был представлен к премии, как... одно из самых удачных произведений американского кино! Жюри фестиваля, в котором очень большое влияние имел Ватикан, присудило «Невероятной истории» приз за «наилучший сценарий»!

Не лишне будет упомянуть, что в Соединенных Штатах существует специальная католическая организация, основанная папой Пием XI и возглавляемая американскими епископами, — «Легион добропорядочности». Судя по декларациям этого «легиона», он призван следить за тем, чтобы «добропорядочность» соблюдалась на американских экранах. И вот «легион» тепло рекомендует зрителям «Невероятную историю»! И одновременно объявляет бойкот под предлогом «недобропорядочности» любой картине, где есть хотя бы робкий проблеск прогрессивной мысли...

* * *

Заботы голливудских «идеологов» не кончаются на придумывании утонченных видов убийства взамен «заурядной» уголовщины. Даже им ясно, что в наше время нельзя обойтись без социальных сюжетов или хотя бы без подобия их. Разумеется, общественные вопросы оказываются у них глубоко погребенными под всякой мишурой, стандартными трюками, сексуальностью.

Не обходит Голливуд и негритянской проблемы — этой острейшей социальной проблемы современной Америки. Но то, как «освещает» Голливуд проблему расизма в США, представляет совершенно непревзойденный образец политического жульничества.

Вот фильм под названием «Пинки». Молодая девушка живет в Нью-Йорке, и все ее там считают белой, хотя в ней есть негритянская кровь. Она приезжает на родину, в один из южных штатов. Видя, как жестоко обращаются там с ее братьями-неграми, она решает... порвать со своим белым женихом. Она, видите ли,

«убежденно и сознательно» решила подчиниться расовым законам. «Негры не должны смешиваться с белыми»,— говорит она с экрана. Она «совершила бы ошибку», если бы вышла замуж за белого человека! Таков «поворот», который приобретает под руками голливудских «идеологов» негритянский вопрос: расовое разделение, расовое неравенство не только «одобряются», но и прямо проповедуются — и притом устами представительницы самой «низшей расы»!

Пожалуй, наиболее яркий образец того, как «негритянские» фильмы Голливуда служат на деле целям самой разнузданной расовой дискриминации,— это картина под названием «Колодец». Молодая негритянская девушка бесследно исчезла. Ее тело находят в заброшенном колодце. Говорят о самоубийстве, но негритянское население городка считает, что ее убил и бросил в колодец кто-то из белых. Полиция начинает следствие, арестовывает по подозрению в убийстве белого, сына местного богатого предпринимателя. И вот, по воле сценариста, «разъяренные» негры толпой осаждают тюрьму: они хотят... линчевать арестованного белого! Воистину классический пример превращения «белого» в «черное»!

Фильм, как полагается, завершается «счастливым концом»: исчезнувшая девушка благополучно отыскивается, и невинный сын капиталиста получает свободу. Но важно не это, важно то, что вся картина в целом старается провокаторски «доказать», что-де не белые реакционеры линчуют негров, а, наоборот, белым надо опасаться гибели от руки негров!

* * *

Кино-яд Голливуда течет, разумеется, и по каналам американской внешней политики. Известно, что кинопромышленность США не только находится в руках узкой группы финансовых тузов Уолл-стрита; она официально включена в систему поджигательской «психологической войны», которую ведут правящие круги США и разного рода подрывные центры, ими покровительствуемые.

Я расскажу сначала об одном сравнительно «безобидном» выступлении американского кино на арене внешней политики — «безобидном» в том смысле, что от этого фильма слишком уж откровенно несет неумным самодовольством тех, кто воспевает «мировую роль Америки». Фильм этот, показанный и во Франции, называется «Токио, папка 213». Действие происходит в Японии. Секретный агент американской разведки прибывает в Токио, чтобы «парализовать махинации красных». Он очень рассчитывает в этом деле на одного бывшего японского летчика из числа так называемых «воздушных смертников». Увы, оказывается, что бывший летчик стал после войны секретарем одного из столь беспокоящих США «красных» японских профсоюзов. Он даже готовит стачку докеров, которые решили помешать отправке американского вооружения в Корею.

Неприятная «проблема японских красных» разрешается в фильме с истинно голливудской непринужденностью. На экране появляется некая «красавица», международная авантюристка, состоящая на службе у героя фильма — американского разведчика. Она, разумеется, пленяет заблудшего летчика и направляет его «на путь истинный». Он не только предает стачку, но даже жертвует жизнью, чтобы спасти «благородного» американского шпиона!

«Токио, папка 213» входит в пресловутую серию так называемых «антикрасных» фильмов, которых особенно много появилось с 1947 года, после выпуска гнусной антисоветской фальшивки «Железный занавес». Не лишне напомнить, что эта клеветническая картина была встречена в Париже бурей возмущения, и фильм пришлось снять с экрана. Но есть некоторые фильмы, которые показывают, что Голливуд по заказу воинствующей американской реакции не только обеляет и расхваливает политику разжигания новой войны, но и прямо подготовляет общественное мнение к предстоящим актам агрессии со стороны США.

Вспомним 1950 год. Многие кинодельцы говорили тогда об исключительном «финансовом успехе», который имела большая цветная голливудская картина «Пески Иводжимы», выпущенная в самом начале года. В фильме воспроизводились эпизоды захвата американскими войсками одного из занятых японцами островков в Тихом океане. Главное действующее лицо, командир отряда морской пехоты,— человек со всеми качествами тупого бандита. Офицер обучает солдат «законам войны». «Убивайте грязных желтокожих, не думая, что это люди»,— поучает он.— Не задумывайтесь, во имя чего идет эта война». Самая «сенсационная» сцена в картине изображает «желтокожего», которого «бравые моряки» обливают керосином и поджигают. Он поджаривается живьем на глазах зрителей в течение почти десятка минут.

Фильм «Пески Иводжимы» явно «подготовлял» общественное мнение к беспримерным злодействам американских захватчиков в Корее.

Впрочем, не только этот фильм! В тот самый день, когда началась агрессия войск Макартура в Корее, Голливуд объявил о выходе на экран... нескольких десятков готовых пропагандистских фильмов, в заголовках которых так или иначе фигурировало слово «Корея».

В марте 1951 года голливудская кинофирма «РКО» спешно выбросила на американские экраны картину, официально отнесенную к разряду «научных». Картина шла под заголовком «Оружие, истребляющее начисто». Содержание этого «научного» фильма сводится к следующему: американская журналистка занимается рыбной ловлей в какой-то пустынной местности США; вдруг она замечает, что вся рыба в озере оказалась дохлой; начинается полицейская слежка, в результате которой на некоем таинственном острове обнаруживается... «советский ученый» и его «красные сообщники». Как и полагается по установившемуся стандарту таких фальшивок, обнаруженные «ученые» готовятся «отравить бактериями всю Америку», и притом орудуя в глубине ее же территории...

Зачем понадобилось бравым голливудцам спешно выпускать эту стряпню, где само вранье выглядит так безнадежно тупо и бездарно? Ответ на этот вопрос дала бактериологическая война, начатая американскими войсками в Корее и Северном Китае менее чем через год после появления этого «боевика».

* * *

Во Франции за последнее время кино-яд Голливуда встречает все более сильное противодействие. Характерный факт: в 1947—1948 годах наплыв голливудских фильмов породил некоторое число «подражателей» американским «черным фильмам», а теперь французский вариант этих картин у нас на экранах уже не часто увидишь. Наоборот, картин, прославляющих человечность, культуру, веру в будущее,— таких картин, несмотря на тяжелые условия, появляется все больше.

В самой Франции голливудцам не удалось организовать производство «антикрасных» фильмов. Не находится среди французских режиссеров и охотников делать картины, оправдывающие «грязную войну» во Вьетнаме. В начале 1952 года Плевен предложил крупный гонорар кинооператору, который пожелал бы поехать крутить «документальный» фильм о войне в Корее (разумеется, фильм должен был изобразить «гуманными» и «благородными» американцев). Предложение было сделано по очереди пятидесяти операторам. Все пятьдесят отказались.

В свое время нашумела история с откровенно-профашистской картиной «Лисица пустыни». Вначале ее собирались ставить во Франции. Но когда французские кинематографисты узнали, что цель картины — реабилитировать и выставить «героем» гитлеровского генерала Роммеля, они все наотрез отказались участвовать в этом грязном деле. Сцены, которые предполагали снять во Франции, так и не были здесь сняты.

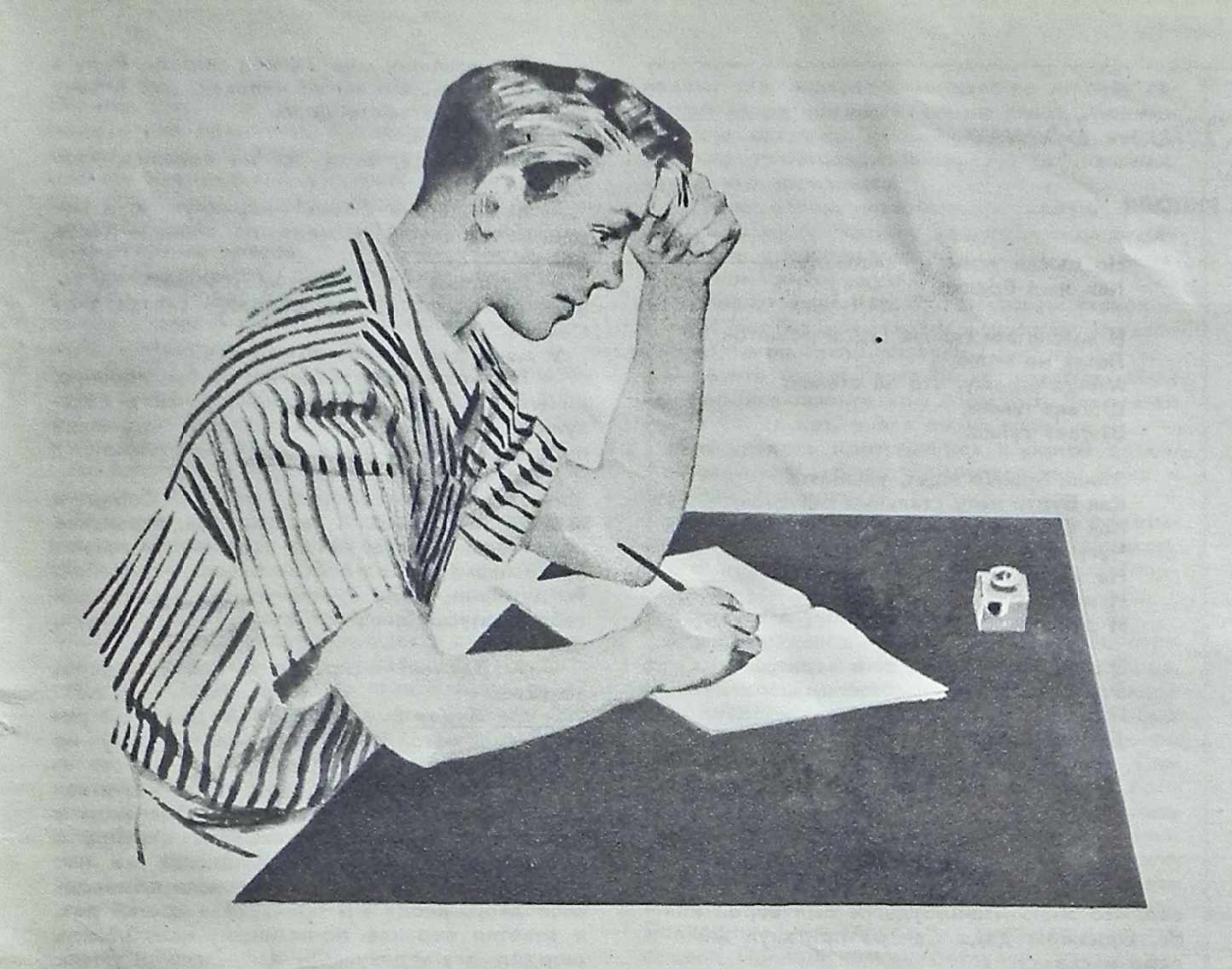
Правда, Голливуд, за спиной которого стоит правящая Америка, располагает еще немалыми средствами давления на французский киноэкран. На одну только рекламу во Франции «библейского» цветного фильма «Самсон и Далила» Голливуд затратил 75 миллионов франков — сумму, необходимую для того, чтобы целиком заснять два французских фильма. И все же, когда идут американские «боевики», места в наших кинотеатрах пустуют. «Довольно нам убийц, довольно войны, довольно жестокости, довольно психоанализа!» — так отвечали на устроенную агентами Голливуда анкету зрители Марселя. А между тем Марсель и его округ, еще начиная с войны 1914 года, были «цитаделью» американского кино во Франции.

За последние годы доля американских фильмов на экранах Франции медленно, но верно падает: с 58 процентов в 1948 году она снизилась до 42—43 процентов в 1951 году и показывает дальнейшую тенденцию к снижению. Впрочем, то же самое отмечается и в Италии, и в Латинской Америке, и в других странах.

Видно, главные «темы» голливудского кино — темы звериного в человеке, войн, массового истребления, расизма, «мирового господства» — не привлекают простого человека в Европе. Они и вызывают только возмущение. Люди хотят мира! Они хотят поэтому искусства, которое зовет к миру, пробуждает лучшее, что есть в человеке.

Перевод с французского.

МАЛЕНЬКИЙ БОРЕЦ

Рассказ

Иржи МАРЕК

Рисунки П. Караченцова

Вчера мне исполнилось семнадцать лет, а сегодня я сдаю экзамены за заводское училище. Пусть поэтому никто не удивляется, что я сегодня, как во сне... В самом деле, это же не пустяк! В течение трех дней экзаменов нам предстоит показать, чему мы научились за два года. А письменная работа — дело совсем нешуточное! Экзамена по специальности я не боюсь: я люблю свою работу, и, как только меня поставят за токарный станок, я им покажу, на что способен ученик заводского училища! Опять забыл, ведь я уже не ученик...

Мы сидим в большой комнате; это наша столовая, превращенная временно в экзаменационный зал. Каждый — за отдельным столом. Это для того, чтобы мы во время письменной работы не переговаривались и не списывали друг у друга. Но это лишнее: мы не станем списывать.

Инструктор ходит по залу и раздает билеты с вопросами. Некоторые ребята уже пишут. Слышно, как скрипят перья. Карел, мой сосед по мастерской, посмеивается: очевидно, достался легкий вопрос. Ему что, он книгу из рук никогда не выпускает: и ест и спит с ней. У Гонзы, которого мы между собой зовем Вершок, положение хуже. Он не любит много говорить, а тем более писать. Но каждый знает, что, когда дело дойдет до работы в цехе, ни одному из нас за ним не угнаться. Мастер говорит, что у него золотые руки. Гонзе, конечно, простят, если его ответ будет слишком коротким и несколько неуклюжим. Меня вызовут последним, так как я последний в списке: моя фамилия — Жачек [1].

[1] Буква «ж» (ž) — последняя буква чешского алфавита.

Но вот инструктор подходит ко мне. Он торжественно вручает мне билет и ждет, пока я прочту, что в нем написано. Читаю: «Почему я выбрал свою специальность?» Я нерешительно смотрю на инструктора, он смеется:

— Тебе нечего бояться. Напиши все, как есть, почему ты пошел учиться именно на наш завод, почему ты любишь электромеханику и токарный станок. Словом, тебе есть о чем написать.

Я кивнул головой. Ну да, конечно, есть! Но если писать одну только правду, не будет ли это выглядеть слишком просто? Инструктор давно уже сидит за столом, накрытым красной материей, а я еще не окунул перо в чернила.

Как начать? С чего? Может быть, с того дня, когда я с мамашей впервые шел на завод записываться в заводское училище? Но нужно бы написать и о том, как я долго стоял у стены главного корпуса завода перед мраморной доской, на которой написаны имена рабочих, погибших во время нацистской оккупации. На ней значится и имя Яна Секѐры. Если я хочу написать правду о том, почему я поступил учеником на этот завод, я должен начать с того времени, когда товарищ Секѐра был еще жив и работал на токарном станке.

...Мне тогда было девять лет и Зденеку Секѐре, его сыну, столько же.

Секѐры жили в соседнем доме; жизнь там была гораздо интереснее, чем у нас. В доме было два подъезда, два хода — с улицы и со двора — и большой двор, на который выходили балконы. Там всегда было шумно, по балконам ходили люди или стояли там, разговаривая, иногда споря; внизу, во дворе, кричала детвора, в том числе, конечно, и мы оба: Зденек и я. Я гордился дружбой со Зденеком, потому что он был на голову выше меня, хотя и одного возраста со мной. Все ребята побаивались его.

Я любил дядю Секѐру. Это был строгий, немногословный, чуть медлительный человек. Заядлый курильщик, дядя Секѐра во время войны целыми днями сушил на подоконнике различные листья, которые потом растирал и примешивал к табаку. От его трубки шел такой дым, что он должен был курить на балконе, чтобы, как говорила тетя Секѐра, не закоптить всех. Больше всего дядя Секѐра любил рассказывать о заводе и о своем токарном станке. Из его рассказов выходило, будто он всю свою жизнь только и думал, чтобы работать на токарном станке, и не на каком-нибудь, а именно на этом.

— Я тоже когда-нибудь выучусь на токаря,— сказал однажды Зденек.

Я, конечно, тут же заявил, что и я выучусь.

— Но я буду работать быстрее тебя,— засмеялся Зденек.— Меня папа научит.

— И меня научит! — вошел я в азарт.— Ведь верно, дядя Секѐра, вы меня возьмете к себе в ученики?

— Обоих, обоих возьму! Беда с вами! — засмеялся дядя Секѐра.

Неожиданно он перестал смеяться, и лоб его покрылся мелкими морщинками.

— Только после войны,— добавил он. И, как бы желая сбросить с плеч тяжелый груз, он поднялся и тряхнул головой.— Когда вы подрастете, война уже наверняка кончится. Только бы дождаться...

Он ушел, а мы со Зденеком принялись строить планы на будущее. Я согласился, что Зденек будет лучшим токарем, так как к нему перейдет по наследству токарный станок отца, но зато на втором месте буду я. Меня только немного беспокоило, что̀ обо всем этом скажет моя мамаша. Она хочет, чтобы я был приказчиком. Но нет, я уже решил стать токарем. Однажды между ребятами с нашей улицы зашел разговор о заводе.

— А я бы не пошел на завод,— сказал один,— очень надо работать на нацистов!

— Умный ты больно! — возразил Зденек.— Когда мы будем учиться, никаких фашистов не будет!

— Конечно. А вот твой отец на них работает!

Зденек приготовился к драке. Я стал рядом с ним, как того требовал закон чести.

— Скажешь, неправда? — орал мальчишка, начавший ссору.— Спроси отца, он тебе сам скажет, вру я или нет. На заводе хозяйничают нацисты, и он там работает. На кого? На них!

— А где их сегодня нет? — послышалось несколько примиряющих голосов.— Не стоит, ребята, ругаться.

Ссора прекратилась. Зденек, очевидно, решил поговорить с отцом. В тот день он с нами больше не играл и рано ушел домой.

Назавтра я после обеда пошел к Секѐрам. Дядя Секѐра в это время приходил с работы, и мне хотелось послушать его рассказы. О вчерашнем происшествии я уже забыл.

Но дяди Секѐры дома не оказалось. Зденек схватил меня за руку и сразу же потащил во двор, в наше тайное убежище, где стояли только старые бочки да полуразвалившаяся двухколесная тележка. Зденек уселся на нее и сделал таинственное лицо.

— Я спросил у отца,— сказал он тихо.— И знаешь, что он мне сказал? — Зденек оглянулся, не подслушивает ли нас кто-нибудь.— Он еще неделю назад вывел из строя свой станок!

— А как же он научит нас работать на станке,— испугался я,— если он сломанный?

— Как только немцев прогонят, он сам исправит станок. Ведь он-то знает, в чем дело. На заводе многие так поступили. «Работает на нацистов...». Вот и не работает!

— Чего же он раньше ничего об этом не говорил? — спросил я.

— Разве о таких вещах болтают?! За это, парень, виселица!

Я невольно закрыл рот рукой.

— Поклянись, что не выдашь! — сурово приказал Зденек.

Я охотно дал клятву. Но мне неясно было одно:

— А как же отец тебе об этом рассказал?

Песня об Элизе Бранко

Лила РИПОЛЛ

Крепки решетки тюремных окон.
На землю четко
Легли их тени...
Здесь в заточеньи
Элиза Бранко.
Элиза Бранко — простое имя
Голубки белой,
Души крылатой.

Вдоль стен солдаты
Шагают мрачно.
Глаза Элизы — родник прозрачный,
Незамутимый.

Решетки окон,
Как часовые,
Всегда на страже
В стальном сплетеньи.
На землю четко
Легли их тени.
Элиза Бранко
В тюрьме угрюмой,
Но мысли ясны, крылаты думы,
Как имя Бранко.

И мысли эти сквозь строй решеток
Летят на волю,
Минуя стражу, что за стеною
Шагает тяжко,
Шагает гулко.

Элиза Бранко ждет, улыбаясь,
Как будто нету стальных решеток,
Как будто стража вдоль стен тюремных
Чугунным шагом
Не ходит молча
И днем и ночью,
И днем и ночью.

Элиза Бранко и ждет и верит...
Элиза Бранко — простое имя
Голубки белой,
Души крылатой.

Перевела с португальского
М. ПЕТРОВЫХ

Зденек с минуту поколебался, затем сказал со вздохом:

— Он бы ничего не сказал. Но когда я стал его упрекать и передал, что́ ребята говорят о нем, он задумался и все выложил. Он уже давно работает против них, давно!

Больше Зденек ничего не сказал, хотя, наверное, знал еще что-то. Но я к нему не приставал.

Прошло некоторое время. Дядю Секèру поставили на другой станок, но опять ненадолго. На заводе портилось все больше машин; не только станки, но и материалы вдруг оказывались никуда не годными. Завод почти остановился. Надсмотрщики, которых у нас звали «полицаи», бегали по заводу, как полоумные. Дядя Секèра смеялся, рассказывая нам об этом, и мы тоже смеялись. Зденек был посвящен во все, а я даже вида не подавал, что знаю что-нибудь. Я был верен клятве. Однажды дядя Секèра притянул меня к себе и сказал:

— Слушай, мальчуган, ты мне нравишься. Ты умеешь держать язык за зубами?

— А что это значит? — спросил я и попробовал подержать язык за зубами.

Дядя Секèра рассмеялся:

— Это значит... ну, умеешь ли ты молчать?

— Как это?

— Умеешь ты быть верным клятве?

Дядя Секèра посматривал на меня, тихонько насвистывая. Я сердито посмотрел на Зденека. Значит, он выдал меня, рассказав отцу, что я все знаю! Зденек сделал вид, что он очень занят и ему некогда нас слушать. Он вышел, даже не взглянув на меня. Дядя Секèра понял мои чувства и стиснул мне плечо.

— Ну, конечно, мне Зденек сказал... Ведь я должен знать, что́ ты за человек, раз я хочу поручить тебе такое дело.

Я растерялся.

— Разумеется, если ты не боишься,— начал он.

— Конечно, не боюсь! — крикнул я, и мурашки побежали у меня по спине.— Какое дело?

— Пойдешь со Зденеком собирать на заводском дворе старое железо,— сказал дядя Секèра.

У меня даже руки опустились.

— Ну что это за задание? Я бы, конечно, ничего... Да вот ребята скажут, что я пользуюсь покровительством немцев, что меня пустили на завод, куда никого не пускают.

Дядя Секèра рассмеялся.

— Да ты, оказывается, герой... Собирать железо тебе мало. А ты думаешь, геройские дела только такие, когда стреляют и лазают по крышам? И твоя работа будет... геройской. Ты думаешь, мало стоило трудов достать для тебя пропуск? Знай, тот, кто выписал пропуск, тоже герой.

— А Зденек? — спросил я, немного успокаиваясь.

— Он будет вместе с тобой. Для этой работы требуются два паренька. Одному не справиться с тележкой.

Так я стал помогать дяде Секèре. Раз в неделю мы подъезжали вместе со Зденеком к заводским воротам, показывали верзиле в немецкой форме, который всегда на нас страшно орал, бумажку и въезжали на заводской двор. Когда мы приехали в третий раз, я ответил верзиле по-немецки; целый день твердил эту фразу. Он засмеялся и после этого не злился на нас.

Мы собирали во дворе куски старой жести, обломки железа, и, когда тележка была нагружена, к нам подходил кто-нибудь и клал в тележку ржавую трубу, сломанную деталь: «Держите, ребята, чтоб полнее было».

Когда тележка наполнялась, мы отправлялись с ней домой и ставили ее на нашем дворе в углу для утиля. Сколько раз я говорил, что лучше бы нам сразу отвезти ее торговцу. Я боялся, как бы не стащили лучшие куски железа. Так и вышло! Однажды я собственными глазами видел, как с черного хода вошел во двор человек и что-то взял с тележки. Я рассказал об этом Зденеку, но тот только пожал плечами.

Дядя Секѐра был очень доволен и дружески нам улыбался. Я заметил, что к нему все чаще стали приходить какие-то люди. Один из них, старик в очках с седыми усами, похожий на чиновника в отставке, был мне знаком. Он несколько раз с нами заговаривал, а однажды принес нам шоколадных конфет. Конфеты в то время!

Как-то в хмурый осенний день мы везли с завода тележку. Вдруг на углу появился знакомый старик в очках. Он оглянулся и торопливо подошел к нам.

— Есть? — коротко спросил он у Зденека.

Тот молча кивнул и указал на ржавую трубу, которая торчала из кучи обрезков жести и металлического лома.

— Заезжай в проезд,— сказал старик, указывая на один дом.— Живей!

Едва мы свернули в полутемный проезд, как он нагнулся к тележке, взял какую-то трубку и извлек из нее свернутый кусок бумаги, сунул его в карман, а трубку положил обратно в кучу железного хлама.

— Передай отцу, что придется прекратить работу. Двое наших арестовано.

Затем быстро, даже не простившись с нами, он выбежал из проезда. Мы увидели, как он на ходу вскочил в трамвай. Так вот для чего мы собирали ржавое железо! Вот почему заезжали во двор нашего дома! Вот почему каждый раз кто-нибудь приходит за старым патрубком!

— Что написано в бумаге? — спросил я у Зденека, не в силах сдержать любопытство.

— Ничего. Цифры... Это планы,— ответил Зденек.

Я заметил, что он очень озабочен. В этот день мы отвезли тележку прямо к торговцу, так как ставить ее во двор уже было незачем.

Я, как всегда, пошел играть с ребятами, а Зденек исчез. Возможно, он пошел передать отцу полученное приказание. Может, дяде Секѐре грозит большая опасность? Но когда вечером дядя Секѐра пришел домой, как всегда, приветливо поздоровался с нами и выкурил на балконе папиросу, мне показалось, что ничего не произошло, старик с перепугу выдумал.

На следующую ночь на заводе вспыхнул пожар. Красное зарево казалось в кромешной тьме особенно грозным. Я проснулся и разбудил мать.

— Завод горит! — крикнул я.

Мать только махнула со сна рукой:

— Ничего... Это далеко... Не бойся... Спи!

Но я не мог уснуть. Я был так взволнован, что готов был сейчас же бежать на пожар или к Секѐрам. Но мать запирала дверь на ночь. Я остался дома и только смотрел, не отрываясь, на красное зарево. На другой день в школе только и говорили что о пожаре. Некоторые ребята успели побывать там. Когда раздался звонок, я увидел, что Зденека нет. Наверно, был на пожаре и проспал. Но прошел час, а Зденек все не приходил. Я испугался. Я толком не слышал, о чем говорят в классе. Учитель несколько раз сделал мне замечание... Что-то у них случилось!.. А что, если этот пожар... и дядя Секѐра?.. Ход моих мыслей нарушил голос учителя:

— Что с тобой сегодня?

Я встал:

— Извините... Ничего... Мне плохо.

— Я вижу, ты побледнел. Иди домой,— сказал учитель.

Несколько ребят выразили готовность меня проводить. Но я отказался. Я должен был немедленно узнать, что делается у Секѐров. Я несся по улицам, как сумасшедший. Когда я свернул на нашу улицу, ноги у меня подкосились. У дома, где жили Секѐры, стояли два автомобиля.

Я замедлил шаг. Подходя к дому, я увидел фигуру человека в немецкой военной форме. Но, может быть, это не за дядей Секѐрой? Я пошел еще медленней, чтобы посмотреть, что делается во дворе. Но в ту минуту, когда я уже был возле машин, солдат заорал на меня:

— Перейди на другую сторону! Не задерживайся!

Теперь уж я знал, что происходит что-то страшное! Нельзя отходить слишком далеко. Я зашел в ближайший магазин. К моему удивлению, там оказалось множество людей, которым запретили выходить на улицу. Мое появление осталось незамеченным, все взволнованно переговаривались. Тут я наконец узнал, что произошло.

— Еще утром приехали, в самую рань. Пана Секѐру привезли с завода, я видела, как его вели в наручниках.

— Они что-то ищут!

— Нашли уже! Какой-то печатный станок.

— И кто бы мог сказать, что он на это способен? Такой тихий человек.

— А что такое? Разве он кого-нибудь убил? Он боролся против этих... черных. Ведь этой войне конца нет, и все по их вине!

Мне удалось протолкаться к одной знакомой женщине. Она посмотрела на меня и тихонько сказала:

— Слушай, мальчик, тебе лучше не показываться им на глаза. Ты дружил со Зденеком, а они не выпускают его из квартиры. Говорят, его там били!

Я уселся в уголке на бочку.

Вдруг раздался крик: «Ведут!» Несмотря на запрещение, люди высыпали на улицу. Мне удалось пробраться вперед. И я увидел все. Впереди всех вели дядю Секѐру. Он был бледен, лицо в крови. На руках наручники. Двое солдат грубо подталкивали его. Они раскрыли дверцу одного автомобиля и бросили дядю Секѐру внутрь. За ним шла мать Зденека. Это была тихая, добрая женщина. Ее редко было видно на улице, она чаще сидела дома. Знала ли она вообще о работе своего мужа? Ее также втолкнули в машину. Последним шел Зденек. Он вырывался из рук солдат. Прежде чем распахнулась дверца автомашины, Зденек оглянулся. Он увидел людей, вышедших из магазина. Возможно, он увидел и меня. Ну, конечно, увидел! На мгновение он остановился, хотел было улыбнуться, но тут его бросили в машину. Я видел, как в машине к нему протянулись руки матери, как она схватила и прижала его к себе. Потом машины тронулись. Через секунду улица опустела. Опустели балкон и квартира, где жили Секѐры. И сердце мое было опустошено. Я едва доплелся домой, уткнулся в угол и горько заплакал.

Все, что я рассказал, произошло много лет назад, когда я был маленьким мальчиком.

Сегодня мне семнадцать лет, и я сдаю экзамены за заводское училище при том самом заводе, где у входа на мраморной доске среди имен павших борцов начертаны имена дяди Секѐры, его жены и маленького Зденека. Никто из них не вернулся из тюрьмы. Никто даже не знает, как они погибли. Я только знаю, что они ни слова не сказали о том, что им помогал один мальчик.

И вот я сижу в просторной столовой, которая сегодня превращена в экзаменационный зал, сижу, склонившись над листком бумаги, и пишу сочинение на тему: «Почему я выбрал свою профессию?» Почему? Потому что я никогда не забывал про дядю Секѐру и его станок; потому что я ни на минуту не забывал своего друга Зденека, который был так молод, но уже принял участие в великой борьбе; потому что я твердо решил, что со временем займу место за станком дяди Секѐры, которое осталось пустым...

Мы могли бы быть на заводе все трое: дядя Секѐра, Зденек и я. Но я остался один. Я должен работать за троих, я должен стать лучшим токарем. Вот почему я выбрал эту профессию. Все уже ушли. Один я пишу... Инструктор, вручивший мне билет с вопросом, уже смотрит на часы. Потом он говорит, улыбаясь:

— Ничего, не спеши...

Но у меня уже почти все готово. Осталось дописать в заключение несколько строк.

Я думаю, что работать больше и лучше — наш долг. Последняя война стоила жизни многим из нас. Много таких, как дядя Секѐра, его жена и Зденек, погибло. Многие уже забыли о том, что было. Но я никогда не забуду. Я никогда не забуду, что работой я отдаю должное памяти своего лучшего друга.

Перевел с чешского
Е. БРАЙНИН

Еще один новый год

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

1

Читатели двухтысячного года,
Живущие лет через пятьдесят!
Над вами отшумела непогода.
Угрозы войн над вами не висят.

Такой же точно ночью, как вот эта,
Встречаете вы двадцать первый век.
Прочтите книгу старого поэта:
Я тоже не смыкал сегодня век.

Я не один. Нас много, очень разных.
Мы злобе дня своей принадлежим.
Но к вам придем на новогодний праздник, —
Казалось бы, к далеким и чужим.

Придем заветным чувством поделиться,
Повеселиться с вами на пиру.
Недаром резко вылеплены лица,
Пылавшие на ледяном ветру;

Недаром руки жилисты и сухи,
И ясен разговор, и легок шаг.
Прочтите нас еще раз на досуге!
Пускай наш стих звенит у вас в ушах!

Конечно, вы украсили планету
Другим цветеньем, заревом другим.
Но разницы большой меж нами нету:
Мы начали — вы подхватили гимн.

Возьмите наш последний лозунг — вот он!
Возьмите наше завтра — вот оно!
Возьмите стих мой. Он недоработан,
Но он распахнут настежь, как окно, —
Навстречу вам — из всех противоречий,
Тупых и острых, сложных и простых.

И, может быть, оборванным до встречи
Останется мой стих...

2

Вы узнаете нас после долгой зимы,
Но еще до весны, по седым ураганам,
По работе, которая так дорога нам.
Высота — это мы. Быстрота — это мы.

Тут и там — вы узнаете нас все равно:
В вашей собственной юности, полной предчувствий,
В вашей завтрашней зрелости, в вашем искусстве,
В долгом счастье, которое вам суждено.

Мы узнаем и вас по тревоге своей.
С каждым часом вы явственней нам и знакомей.
Остаются от нас не могилы, не комья
Чернозема и глины, а труд сыновей.

Вечный труд! Вечный бой! Ни покоя, ни сна.
Вечный труд на зеленой земле, потому что
Нам иное блаженство не нужно и чуждо.
На земле навсегда наступила весна.

3

Где-нибудь на ледниках Памира,
Под раскат метели снеговой,
Альпинисты будущего мира
Весело встречают праздник свой.

За окном сверкает лунный глетчер
Синим и серебряным огнем.
Юноши и девушки весь вечер
Видят что-то дружеское в нем.

Сброшены мешки и ледорубы,
Сдвинуты нарядные столы.
А метель трубит в большие трубы —
Наша песня слышится из мглы.

Радостью звучит она и горем,
Вечной правдой за сердце берет.
Вспомни! — По долинам и по взгорьям...
Вспомни! — Шла дивизия вперед...

Кто-то затянул, другой подхватит,
Кто-то чутко вслушиваться рад,
Кто-то тихо вымолвил: — Мой прадед
Смертью храбрых пал за Сталинград.

А другой прибавил: — Под Сеулом
Пал мой прадед от руки врага. —
И опять могучим, слитным гулом
Людям откликается пурга.

И названья городов и даты
Той же мощной прелести полны.
И проходят прадеды-солдаты
В горных тучах, в отсветах луны.

И опять живые речи льются
В гулких залах горного дворца.
Гул далеких войн и революций
Потрясает юные сердца.

«Поиски счастья»

Действие романа Николая Максимова «Поиски счастья» начинается на рубеже XIX и XX веков и заканчивается установлением советской власти на Чукотке. Место действия — Аляска и Чукотка. Значительное место в «Поисках счастья» отведено изображению американской экспансии на северо-востоке.

Используя международную обстановку, США не без помощи подкупа и шантажа вынудили царское правительство в 1867 году продать Аляску за семь миллионов двести тысяч долларов. Американские капиталисты видели в «покупке» Алеутских островов и Аляски бизнес, открывающий им ворота в Японию и Китай, и первый шаг на пути к господству в Тихом океане.

В начале 1900-х годов была создана «Северо-Восточная сибирская компания» для поисков золота на Чукотке. Официально возглавлявший ее шталмейстер царского двора был подставной фигурой: дела компании вершил американец. Почти все ее акции также принадлежали американцам. Штаб этой «грабькомпании» обосновался на Аляске. Одновременно американские «промышленники» добивались концессии на строительство железной дороги «Транс-Аляска-Сибирь», с подземным тоннелем через Берингов пролив.

...И вот шхуна «Морской волк» высадила на побережье Чукотки первую партию золотоискателей, снаряженных Эдгаром Роузеном. В основном это были авантюристы-гангстеры, мечтавшие погреть руки в богатом беспризорном крае. Судьбы и деяния их составляют одну из важных линий романа.

Мартин Джонсон из Чикаго, прибыв на Чукотку, сразу решил, что скупка мехов у чукчей, пожалуй, куда выгоднее поисков золота. Действительно, за восемь лет он сказочно разбогател, но воспользоваться награбленным ему не пришлось. Более ловкий гангстер Олаф Эриксон заманил Джонсона на борт шхуны, уходящей в Штаты, напоил его, связал и выбросил в море, чтоб завладеть мехами и долларами «друга».

Поистине страшен моральный облик американских колонизаторов, торжественно заявлявших миру о том, что они несут на Чукотку «высшую цивилизацию»!

Разоблачение американского хищничества на Дальнем Севере основано на достоверном фактическом материале. Эдгар Роузен, Билл Бизнер, Мартин Джонсон, «Чернобородый» — типичные представители страны «Желтого дьявола». Сыновья этих «благодетелей» Чукотки сегодня заливают кровью корейскую землю, рыщут по всему свету в поисках бизнеса и угрожают человечеству новой мировой войной.

С превосходным знанием дела изображена в романе жизнь чукчей — охотников и пастухов-оленеводов — честных, гостеприимных, трудолюбивых. Автор рисует судьбы ряда семей на протяжении четверти века.

Трагична участь бедняка Тымкара. Он влюблен в Кайпэ, которая тоже любит его. Но отец ее, богач Омрыквут, выдает Кайпэ замуж за богача Гырголя... Много горя довелось пережить отважному охотнику Тымкару, и мы ничуть не удивляемся тому, что в годы революции он оказался в рядах борцов за советскую власть, стал участником первого краевого съезда бедноты. Революция принесла счастье Тымкару и Сипкалюк, Пеляйме и Энмине — всем обездоленным чукчам, страдавшим под гнетом американских торгашей-промышленников, царских чиновников (генерал-губернатор Приамурского края Унтербергер, уездный начальник барон Клейст) и чукотской знати («хозяин Амгуэмской тундры» Гырголь, многооленщик Омрыквут, шаманы Кочак и Ляс).

Значителен образ ссыльного большевика Ивана Лукьяновича Кочнева. Медик «Ван-Лукьян» — популярный на Чукотке лекарь, друг и советчик бедноты. Он исподволь готовит охотников к революции, к борьбе за счастливую жизнь. Тема братства русского и чукотского народов раскрывается также через образ этнографа Владимира Баграева — гуманиста, неутомимого исследователя быта, нравов, языка чукчей.

Н. Максимов (как Т. Семушкин в романе «Алитет уходит в горы» и Н. Шундик в «Быстроногом олене»), отбрасывая экзотическую ветошь, раскрывает сложный духовный мир, нравственную высоту простого человека чукчи-луоравετлана.

Правда, книга написана еще недостаточно опытной рукой, кое-где сказывается вторая профессия автора. Научный исследователь порою вытесняет художника, показ уступает место рассказу.

Иван АРАМИЛЕВ

Николай Максимов. Поиски счастья. Роман. Профиздат. 1952. 526 стр.

По длинным дорогам

Несколько лет назад в предисловии к своей книге «На разных широтах» А. Шахов писал, что путешествия дают ему возможность «видеть совсем дикую природу и вместе с другими людьми обращать ее на пользу человека». Научной работой в различных экспедициях и объясняются широта знакомства этого писателя со многими краями и областями нашей Родины и точность описаний, которая сочетается с интересной формой изложения и хорошим литературным языком.

В книгу «Длинные дороги» А. Шахов включил две очерковые повести: уже знакомую читателям «За мараловой травой» и «По речной глади».

Вот начало первой очерковой повести — «За мараловой травой».

Автор вступает в горы Средней Азии, где надо передвигаться по опасным горным тропам. Наступает ночь «у звонкой горной речушки». Ишачок Колька «одно ухо поставил в небо, другое — горизонтально и стал глазами ласково просить подачки». Засыпая, автор видит перед собою «длинную дорогу, пестрые халаты встретившихся на ней узбеков, пыль лёсса, огромных разноцветных бабочек, розовых скворцов и горные дали».

По этой длинной дороге вместе с экспедицией направляется и читатель на поиски инсектисидных растений, препараты которых уничтожают вредоносных насекомых: вредителей овощных культур, плодовых деревьев, филоксеру — бич виноградников — и личинки малярийного комара.

Во второй очерковой повести — «По речной глади» — А. Шахов описывает экспедицию на Енисей, направленную с целью изыскания в пойме реки дикорастущих кормовых растений, зимостойких сортов люцерны и других трав.

В каждой полевой работе огромное значение приобретает содружество начальника и его помощников — рабочих. На этом А. Шахов и построил сюжетную канву повести.

Мы знаем, какую большую роль играют в экспедициях люди, нанятые на местах и нередко приходящие на помощь ученым благодаря своему знанию края. Многие такие спутники ученых живут на страницах описанных ими путешествий, каждый со своим обликом и характером, как, например, преданный проводник В. К. Арсеньева — Дерсу Узала.

Но отнюдь не всегда исследователь находит себе в таком человеке подлинного товарища и верного помощника. Порой в экспедицию попадают люди, которые гонятся «за длинным рублем» и не чувствуют никакого интереса к работе своих спутников. У них нередко оказывается пренеприятный характер, как у Петра Петровича («За мараловой травой»); иногда они упорно противятся всякому доброму влиянию на них, как Николай («По речной глади»).

Советский ученый, человек большой культуры, воспитанный партией и всем нашим общественным укладом, не может пройти мимо человека, прозябающего «на отшибе» у жизни. Воспитание руководителем экспедиции человека, с которым он сегодня встретился, а завтра разойдется навсегда, правдиво и убедительно описано в повести «По речной глади». Алексей Терентьевич после долгих усилий замечает как большую награду себе пробуждение в душе юноши Николая интереса к жизни, стремления учиться, стремления и самому внести свой вклад в дело строительства коммунистического общества.

Таким образом, в очерковой повести А. Шахова читатель проходит вместе с автором не только по «длинным дорогам» неизвестных краев и областей, но и по не менее трудным дорогам к человеческому сердцу.

Возвратимся к первой повести, хотя она уже успела получить у читателей хорошую оценку. Дело в том, что читатель встречает теперь по-новому отредактированный вариант повести, который порой вызывает недоумение.

Каждый эпизод книги призван обрисовывать характеры людей или обосновать происшествия, описанные в этом произведении. Но в очерковой повести А. Шахова «За мараловой травой» некоторые эпизоды в новой редакции изменили свой первоначальный смысл. Кое-где люди, поступавшие сообразно задуманному автором характеру, стали говорить и поступать «как надо», они излишне приглажены.

Так, рабочий Василий, в первом издании склонный попьянствовать, ныне мимоходом наделен тягой к изобретательству. Однако в дальнейшем эта наспех приданная ему черта никак не проявляется.

Эпизод с топором и пиалой, верно характеризовавший Петра Петровича как человека жесткого, думающего только о своей пользе, не останавливающегося даже перед воровством, теперь заменен другим эпизодом, в котором показаны благородные, но, увы, недостоверные для читателя черты Петра Петровича.

Облик советского ученого только выигрывает от того, что характеры сопутствующих ему людей даны реально и не прикрашены автором. Исправление характеров советских людей не умением ума и сердца, как это было прежде показано в книге, а росчерком пера неправильно.

Есть и другие неудачные поправки. Исторические отступления, отнюдь не загружавшие повесть в прежнем издании и интересные для читателя, сняты. В повести «За мараловой травой» автору очень удался образ ботаника Анны Николаевны, привлекательного, жизнелюбивого человека. В новом варианте сглажено своеобразие ее языка, живые выражения нередко заменены обычными, стертыми словами.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

А. Шахов. Длинные дороги. Путешествия. «Молодая гвардия». 1952. 285 стр.

Стихи об Урале

На одной из первых страниц нового сборника стихов уральского поэта Константина Мурзиди «Дружба» мы находим сердечные строки:

В горах мой добрый
городок.
Он славится с тех пор,
Когда блеснул меж этих
гор
Булатной стали
ручеек,—
В России первый...
Я влюблен
В свой город...

Любовь поэта к своему родному краю — это прежде всего любовь к людям, населяющим край, преобразующим его лицо, делающим все для его процветания. Именно такою сыновнею любовью любит свой «добрый городок» и своих земляков-тружеников К. Мурзиди.

Фронтовики, вернувшиеся на мирную стройку, уральские умельцы на все руки — создатели мощных турбин и шагающих экскаваторов, — «геологи, поэты, горновые, путейцы, сталевары, горняки» — вот герои стихов этого сборника.

Особенно светлое впечатление оставляет пронизанный патриотической советской гордостью рассказ поэта про молодого токаря-свердловчанина, написавшего книгу о своем стахановском опыте. Стихотворение кончается замечательным тостом, произнесенным в честь одаренного юноши. Здесь говорится о нашей чудесной стране, о ее великом, богатом талантами народе, о простом рабочем пареньке, который дарит созданную им книгу поэту, и поэт смотрит на него с очень хорошей творческой завистью литератора - профессионала, глазами, полными любви и восхищения.

Высока и чиста мораль людей, о которых поведал нам поэт. Эти люди сильны верой в торжество цели, во имя достижения которой каждый из них готов отдать всю свою энергию, верой в силы своих многочисленных надежных друзей, в силы коллектива. Каждый из них рад

В делах людей узнать
свои дела,
Свои черты в чертах
другого встретить
И крепкий взмах орлиного
крыла
В орлятах подрастающих
заметить.

Книжка К. Мурзиди, несомненно, привлечет к себе внимание читателей. Жаль только, что заключающая сборник поэма «Ночь в тайге» снижает общее хорошее впечатление. Она изобилует описаниями весьма риторическими и к тому же непомерно растянутыми. Сюжет произведения надуман, построен на многочисленных неправдоподобных случайностях.

В. ТЕЛЬПУГОВ

Константин Мурзиди. Дружба. Стихи. Свердловское областное государственное издательство. 1952. 72 стр.

Коротко о книгах

В сборниках «Казахские народные сказки» и «Осетинские народные сказки», вышедших в Гослитиздате, представлены бытовые и сатирические сказки, волшебные сказки и сказки о животных.

В сказках, созданных до революции, «Тулпар», «Урочище «Чом калган», «Алдар Запада и алдар Востока», «Черный алдар» народ рассказывал о своей тяжелой жизни, полной лишений, о ненавистных угнетателях, о героической борьбе с чужеземными врагами.

Главным героем большинства сказок является бедняк, живущий в тяжелой нужде, непосильным трудом добывающий себе кусок хлеба. Все эти сказки проникнуты духом оптимизма. В них побеждают добро и правда, обманутыми остаются ханы и баи, попы и муллы.

Сказки, созданные после революции, «Каблан - силач и два мешка», «Бай и красноармеец» повествуют о новой, светлой жизни, которую принесла с собой советская власть, о высоких урожаях, о каналах, построенных народом.

Казахские и осетинские сказки отличаются реалистичностью и тонким юмором. Они знакомят читателя с бытом, культурой и историей казахского и осетинского народов. Особенный интерес представляет сборник осетинских сказок, которые до сих пор не были знакомы широким кругам советских читателей.

А. М. Ратникова (Московская область). ШЕФЫ.

Выставка произведений художников РСФСР. 1952 год.

Д. В. Ходырев (Ижевск). ПРОВИНИЛАСЬ. Выставка произведений художников РСФСР. 1952 год.

КОНЕК-ГОРБУНОК

Новый спектакль Центрального детского театра

«Конек мой снова поскакал по всему русскому царству»,— писал в 1856 году директор тобольской гимназии П. П. Ершов по поводу нового издания «Конька-горбунка». В Тобольске знали о Ершове лишь то, что он учился некогда в Петербурге. А между тем и в Сибири народ уже много лет зачитывался «Коньком-горбунком». Но имя автора оставалось в забвении — его мало кто помнил. Читатели были бы удивлены, узнав, что «Конька-горбунка» сочинил в 1834 году девятнадцатилетний студент Петербургского университета.

Противники «народности в литературе» считали сказку Ершова «легкой побасенкой для праздных людей». Друзей у нее в литературном мире было меньше, чем порицателей. Но среди друзей был сам Пушкин. Утверждали, будто, прочтя ершовскую сказку, Пушкин сказал: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Известно, что он приписал к «Коньку-горбунку» четыре вступительные строки.

Умная сказка искрится веселым народным юмором. Читатель находил и находит в ней меткие намеки на нравы самодержавной России. В поэтических образах прославляются смекалка, отвага, удальство простого русского человека.

Не раз гулял по тексту «Конька-горбунка» беспощадный цензорский карандаш, выхватывая целые строфы, в которых с особенной силой звучала социально-политическая сатира. Но и цензура не смогла преградить путь ершовской сказке к читателю; немногие произведения литературы пользовались такой популярностью. В народе «Конек-горбунок» читался, словно творение эпоса. А об одних только подражаниях юношескому сочинению Ершова можно было бы составить большую книгу. В 1906 году образы этой сказки использовал для революционного памфлета, широко распространившегося в России, поэт Басов-Верхоянцев.

Как сказки Пушкина и Жуковского, басни Крылова и повести Гоголя, «Конек-горбунок» остался для нас классическим произведением русской литературы.

Известно, что П. Ершов мечтал создать сказочную поэму в десяти томах, соединить в ней все русские сказки; «Конек-горбунок» — как бы часть этой неосуществленной поэмы.

Образы «Конька-горбунка» давно привлекали и русских художников, и мастеров народного лубка, и деятелей театра. Давно запечатлены эти образы в русском балете.

Спектакль «Конек-горбунок», только что показанный на сцене Центрального Детского театра в Москве,— результат двухлетних творческих исканий и труда. Автор пьесы, П. Маляревский, бережно отнесся к стихотворному тексту Ершова и, почти не нарушив его строй, переложил на драматургический лад. Трудились над спектаклем режиссеры М. Кнебель и А. Некрасова, художники М. Генке и Н. Шифрин, композитор В. Оранский, балетмейстер В. Бурмейстер, талантливый актерский коллектив. Труд их увенчался успехом.

Детей увлекают в этом спектакле волшебные приключения Ивана, его удальство, прельщает зрелищность представления: чудесно морское дно, дивен кит, занимающий половину огромной сцены, прекрасен терем Месяца Месяцовича в небе среди облаков, роскошны Жар-птица и златогривые чудо-кони. Взрослые острее воспринимают иронию сказки и ту яркую форму, в которой она выражена на сцене. Но и в том и в другом случае корень успеха — в силе и красоте, с которой прозвучало в театре слово. Во многом спектакль «Конек-горбунок» — образец работы над словом. Именно поэтому так выразительны сценические образы Ивана, Царя, Царь-Девицы, Конька-горбунка, Спальника, бояр, стражников.

Молодой актер О. Ефремов наделяет Ивана живыми чертами русского человека из народа. Иван и сметлив и добр; когда невтерпеж, — гневлив, когда надо, — хитер. Трогательно печален он в часы усталости и беды, но и тогда чувство юмора не покидает его. Зато и в беде и в удаче он сохраняет человеческое достоинство. По цареву и по боярскому разумению он дурак. Что ж! С хитрецой использует он это навязанное ему положение. Тем хуже для бояр, для царя, что не видна им народная мудрость Ивана! А на деле он милый своему народу умница и умелец. Для него мало что невозможно и на земле, и в небе, и под водой! Действенный, одолевающий все препоны, веселый, сильный и добрый, ничего не боящийся, он полюбился юному зрителю.

Царь (А. Щукин), Спальник (П. Брянский), бояре показаны остро сатирически. И хотя это на редкость веселый спектакль, но и в таких смешных сценах, как убаюкиванье царя мамками и боярами или торжественное надевание царских штанов, он не утрачивает свойств сатиры.

Поэтично, в духе народного представления о «женской красе» играет Царь-Девицу М. Куприянова.

Очень удачная маска найдена для Конька-горбунка. Необыкновенно пластично изображают его актрисы Т. Булкина и Г. Иванова, поочередно выступающие в спектаклях. Нелегко актеру играть с лицом, закрытым маской. Единственным средством выражения душевных переживаний остаются оттенки, интонация речи. Вот тут-то и приходит на помощь отличная работа театра над словом.

Все в этой праздничной постановке — и ее художественное оформление, и музыка, и актерская трактовка образов, и звучание русской поэтической речи — служит раскрытию смысла, идеи классической сказки Ершова. Форма и содержание гармонически слиты в этом спектакле.

Вот почему и юный и взрослый зритель — каждый находит в «Коньке-горбунке» свои источники радости.

Эм. МИНДЛИН
Фото О. Кнорринга

«В этой сказке говорится
О прекрасной Царь-Девице».
(Артистка М. Куприянова).

Конек-горбунок... в антракте.
(Артистка Г. Иванова снимает маску Горбунка).

«Царь изволил молвить:
«Ладно,
Говори, да только складно».
(Артист А. Щукин).

Воздушный полет под куполом.

Цирк молодых

Борис ЭДЕР,
народный артист РСФСР

Рисунки О. Верейского

На аренах цирков Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Баку, Ташкента, Челябинска, Харькова, Риги, Куйбышева и других городов страны проводился в 1952 году смотр творчества молодых артистов. Около 600 юношей и девушек приняли участие в этом своеобразном творческом состязании. Ныне 30 лучших из молодых мастеров выступают в столичном цирке в специальной программе, которая так и называется: «На арене — молодежь».

Наблюдая этот яркий парад молодости, я невольно вспоминаю

Дрессировщица и акробатка Ира Авьерино.

дореволюционные годы. Шестнадцати лет я уже работал в Тифлисском цирке в качестве воздушного акробата. Но всякая моя попытка хоть немного улучшить номер, освоить более сложные и эффектные трюки встречала непреодолимое сопротивление более опытных артистов: мои успехи грозили их славе, их заработку. Трудно было совершенствовать свое мастерство в атмосфере конкуренции, зависти, вражды. Невозможно было и мечтать о таком цирковом представлении, в котором молодежи была бы дана возможность показать себя, проявить инициативу в создании новых, оригинальных номеров.

Но вот прошли десятилетия. Свой творческий путь молодые артисты советского цирка начинают хорошо подготовленными, встречая дружескую поддержку старших товарищей. Молодежь не просто добивается рекордных трюков, — она вносит в искусство цирка юную жизнерадостность и смелую целеустремленность, стремится новаторски решать и выполнять свои замыслы. Ей помогают творить такие мастера советского цирка, как В. Дуров, М. Румянцев (Карандаш), В. Янушевский, В. Жанто, Ч. Ходжаев и многие другие.

Старое изречение «Кому много дано, с того много и спросится» побуждает нас, старых актеров, относиться к мастерству молодых без всяких скидок на молодость.

Новая программа Московского цирка дает богатую пищу для

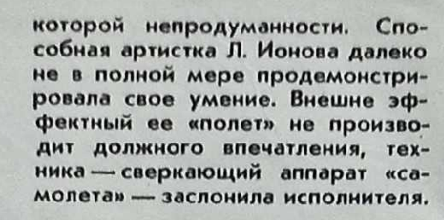
Б. Вяткин («коверный»).

Гитана Леонтенко

размышлений об успехах, достигнутых нашей молодежью, но вызывает и критические замечания.

Есть в программе бесспорно отличные номера. Прежде всего это рекордный полет под куполом цирка, в котором участвуют юные воздушные акробаты А. Смирнов, В. Лобзев и М. Якунин под руководством опытного мастера Ф. С. Конева. Его питомцы — воспитанники циркового училища — легко, непринужденно и красиво совершают сложные перелеты с трапеции на трапецию. Их выступление — неплохой пример творческого развития традиций советского цирка, чуждого внешней эффектности, требующего наряду с мастерством чистоты и естественной грации исполнения.

Но вот номер воздушных гимнастов Лидии Ионовой и Германа Резникова свидетельствует о некоторой непродуманности. Способная артистка Л. Ионова далеко не в полной мере продемонстрировала свое умение. Внешне эффектный ее «полет» не производит должного впечатления, техника — сверкающий аппарат «самолета» — заслонила исполнителя.

В. Викторов (жонглер).

Между тем среди оригинальных номеров программы есть образцы удачного использования технических новшеств в цирковом искусстве. Так, акробаты на туго натянутой движущейся проволоке Ирма и Александр Кожевниковы проводят свое выступление с редким чувством ритма, с безукоризненной пластичностью. Их номер богато оснащен, и, тем не менее, постепенно вводимые технические приспособления воспринимаются лишь как дополнительные усложнения, позволяющие артистам более полно показать свое искусство. Финал номера, когда Александр Кожевников проходит по туго натянутой проволоке, удерживая в зубах четырехметровый шест, на котором, сделав стойку на руках, вытянувшись, замерла Ирма Кожевникова, был бы труден даже для исполнения на манеже. Умело используют технику в оригинальном номере «Жонглеры на мачтах» Е. Акифьев, В. Грачев и М. Чернов.

Виртуозна работа Сергея Авдеенко — акробата-прыгуна на подкидной сетке (так называемом батуде). Артист исполняет рекордные прыжки (в частности, тройное сальто-мортале в воздухе) в непринужденной, пожалуй, даже шутливой манере. Пятнадцатилетняя Нелли Конакова, участвующая в этом номере, созданном мастером Л. Звягиным, грациозно выполняет двойные сальто.

Слаженно, уверенно и бодро работает на манеже группа акробатов-прыгунов под руководством Ф. Алексеева. Это внешне скромное выступление не претендует на выдающиеся рекорды. Но какая огромная тренировка предшествует, например, прыжкам Усмана Эренбетова, выполняющего подряд до 40 боковых сальто вдоль барьера манежа!

Хороши оригинальные номера жонглера на лошади В. Викторова, эквилибристов на шаре Н. Егоровой и А. Ярославского, акробатов на качалке А. Эчеварию, В. Волковой, И. Любимовой. Все это завершенные, тщательно отработанные выступления. Но зато другие моменты представления следует, мне кажется, рассматривать только как интересные творческие заявки. К числу таких «эскизов» будущих, неплохо намеченных номеров я отношу танцы на лошади Гитаны Леонтенко. Г. Леонтенко — одаренная наездница, темпераментная танцовщица, но ее выступление, несколько однообразное, требует дополнительной работы. Что же касается самой юной, тринадцатилетней участницы программы Иры Авьерино, то эта дрессировщица подает большие надежды: группа ее собачек весьма забавляет публику. Менее интересен акробатический этюд, исполняемый Ирой Авьерино и Юрием Лапиадо.

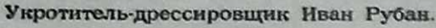

Акробат-прыгун С. Авдеенко.

Многолетняя моя работа с хищниками побуждает меня с особым интересом следить за цирковыми выступлениями в этом жанре. Программу молодых завершает выступление укротителя Ивана Рубана с его смешанной группой зверей — медведей и львов. Приятно, что дрессировщик Иван Рубан выступает со своими хищниками просто и, я бы сказал, жизнерадостно. Однако есть недостатки в режиссерском решении выступления в целом: длинноты, повторы, эпизоды, рассчитанные на низкий вкус (например, медведь Потап «теряет юбку»). Более тщательная отработка эпизодов придала бы выступлениям Ивана Рубана необходимую завершенность.

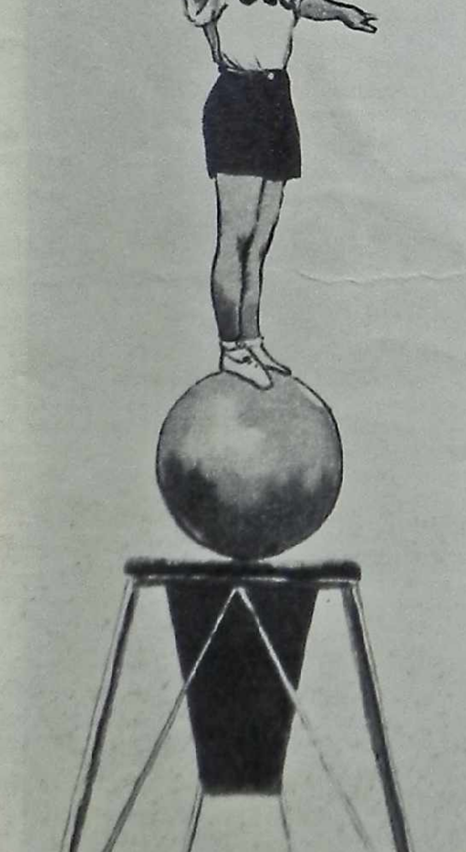
Мне кажется, мало удовлетворяют публику номера так называемого «разговорного жанра». Выступающие в программе «коверный» Борис Вяткин, клоун Эдуард Середа и музыкальные сатирики Иван Тряпицын, Василий Орлов, Ю. Егоренко — несомненно одаренные люди. Особенно забавен выход Б. Вяткина на ходулях, именующийся «Наш рост». Но в репертуаре этих исполнителей мало по-настоящему острых и ярких куплетов, интермедий, реприз на современные темы. В этом, конечно, повинны в первую очередь авторы текстов, однако не следует снимать ответственности за современный сатирический репертуар и с исполнителей. Клоун должен быть остроумным; это — непременное свойство его профессии! Клоун-сатирик должен не только находить объекты сатирического осмеяния, но и подсказывать авторам форму разработки сатирических тем.

Мастера «разговорного жанра» обязаны поднять свое искусство на уровень высоких требований народа к сатире. Отказавшись от беззубого юмора, они должны дать простор остроумной, смелой и веселой сатире.

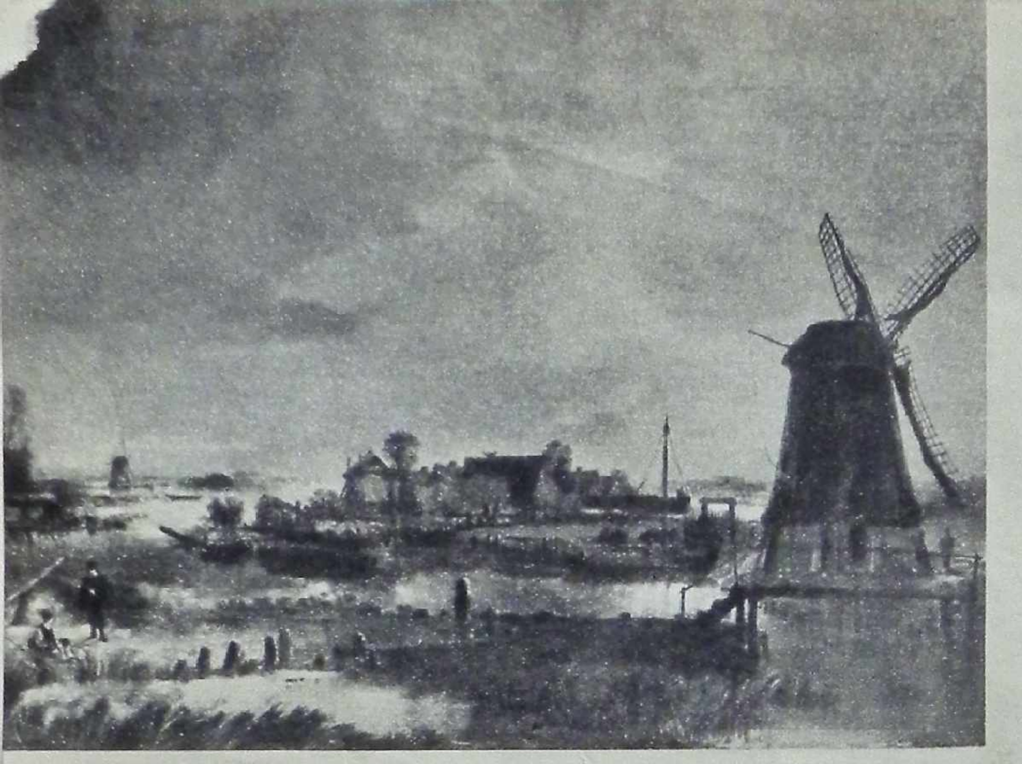

Укротитель-дрессировщик Иван Рубан.

Н. Егорова и А. Ярославский.

Деревня на реке.

ГОЛЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖИСТ

И. ГЛИНСКАЯ

Исполнилось 275 лет со дня смерти виднейшего голландского художника-пейзажиста Арта ван дер Неера. Современник Рембрандта, Франца Гальса и Яна Вермеера, он жил и работал в период расцвета голландской реалистической живописи.

Арт ван дер Неер родился около 1603 года в бедной семье. С молодых лет он находился в услужении у одного из богатеев города Горкума. Живописью, к которой юноша чувствовал влечение, он мог заниматься только урывками. После 1630 года Неер переехал в Амстердам — столицу Голландии.

Арт ван дер Неер был большим тружеником: в течение своей жизни он написал более 600 картин. Однако поэтичные и реалистические пейзажи его не пользовались успехом, и художник терпел постоянную горькую нужду. Чтобы прокормить себя и свою семью, он вынужден был содержать небольшую харчевню. Но дела и там шли плохо, и в 1662 году Неер обанкротился. Последние свои годы художник провел в полной нищете. И все же и тогда он не бросил любимого дела, продолжая писать пейзажи родной страны, которые у него покупали по оскорбительно низким ценам. Умер он в 1677 году в жалкой мансарде одного из беднейших кварталов Амстердама.

Неер писал только виды родной страны. В простом, непритязательном, повседневном Неер увидел красоту и поэтичность. С карандашом в руках бродил он по полям и лугам, по берегам рек и каналов, зарисовывая с натуры наиболее типичные виды и сценки, а после этого в мастерской писал картины.

Мастерски изображал художник закат и восход солнца, влажную, насыщенную испарениями атмосферу, пронизанную теплыми лучами заходящего солнца, свежесть и прохладу летнего утра. Воздух окутывает все предметы на картинах Неера, смягчает резкость их очертаний.

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде картина «Деревня на реке» принадлежит к наиболее известным созданиям художника, хотя и является ранней работой. В ней живописцу удалось передать всю прелесть и обаяние скромной природы Голландии. Тихо катит свои волны полноводная река, сливаясь на горизонте со светлым небом. Маленькая деревушка расположилась на низком, укрепленном сваями берегу. Высокие крыши домов перемежаются купами деревьев. Силуэт ветряной мельницы вырисовывается в вечернем небе. Воздух пронизан последними лучами заходящего солнца. Все в этой картине просто, естественно, поэтично.

Неер известен как мастер лунного пейзажа. В картине «Река в лунную ночь» (Эрмитаж) Неер изобразил полную очарования летнюю природу. В просвете между громадами мрачных облаков виден яркий лик луны. Свет ее ложится на гладь воды, на берег, причудливо освещает темные, притихшие дома. Причалили лодки, развешены для просушки мережи и сети, люди уходят на покой, все затихает вокруг. Только одинокий труженик-рыбак продолжает еще работать.

Художник любит и умеет изображать в своих полотнах человека. В то время, как другие голландские пейзажисты XVII века предпочитали писать только природу, некоторые картины Неера так заполнены людьми, что их можно считать жанровыми произведениями.

Простые и задушевные пейзажи Арта ван дер Неера учили не одно поколение голландцев любить свою родину, раскрывая своеобразную прелесть и поэтичность природы Голландии.

„Балерина"

Хорошее чувство владеет зрителем, когда он следит за развитием действия нового узбекского балета, «Балерина»: кажется, давно знаешь юную Гюльнару, старого отца ее Шакир-ата, веселых девушек, подруг Гюльнары, студента хореографического училища Рахима.

Жизненность темы, воплощенной в правдивых образах,— большая удача создателей балета композитора Г. Мушеля и балетмейстеров Театра имени Алишера Навои Е. Барановского (автора либретто и постановщика) и Т. Литвиновой.

...Выращен богатый урожай хлопка, колхозники собрались, чтобы отпраздновать трудовые успехи. На колхозный праздник приехали студенты Ташкентского хореографического училища. Они дают концерт. Особенно увлечена их выступлениями юная Гюльнара — мастер высокого урожая хлопка, лучшая танцовщица колхоза. Девушка, не отрываясь, следит за каждым движением гостей, все ново для нее: в колхозе танцуют иначе.

После концерта начинаются чудесные народные узбекские пляски. Неожиданно для Гюльнары педагог училища, заметивший незаурядное дарование девушки, предлагает ей учиться в Ташкенте. Правда, ее отец Шакир считает, что место его дочери в колхозе. Незачем ей быть танцовщицей! Но как ни тяжело Гюльнаре огорчать старика-отца, она все же решает ехать.

...Просторный класс хореографического училища. Идет урок классического танца. Робко и нерешительно начинает танец Гюльнара. Но с каждым движением растет ее уверенность. Талант и страстная увлеченность избранной профессией сделали свое дело.

Успехи Гюльнары так разительны, что ее вместе с Рахимом, искренне полюбившим девушку, и подругой по училищу Лолой решено послать на Международный фестиваль молодежи в Берлин. И только одно омрачает радость девушки: отец попрежнему не хочет, чтобы она была балериной, зовет ее обратно в колхоз.

Бесхитростна, будто перенесенная из жизни на сцену, история девушки-колхозницы, ставшей балериной. Столь же правдивы, взяты из действительности и создаваемые исполнителями образы. Народная артистка республики Галия Измайлова рисует путь своей современницы Гюльнары от колхоза до сцены. Естественное завершение этого пути — концерт на Международном фестивале. Характерно, что исполнительница роли другой девушки, Лолы, Х. Камилова на самом деле была участницей Всемирного фестиваля молодежи в Берлине: питомица советской балетной школы исполняет на фестивале — как и в спектакле «Пахтакор» — народную пляску сборщицы хлопка.

Ташкент.

Н. СОЛОВЬЕВА

«Балерина» Г. Мушеля в Узбекском государственном театре оперы и балета имени Алишера Навои. Сцена из 3-го акта. В Берлине. Х. Камилова исполняет танец «Пахтакор».

Сцена в балетном училище. Слева направо: Шакир-ата (Д. Алимов), к нему наклонилась Лола (лауреат Всемирного фестиваля демократической молодежи в Берлине Х. Камилова). Танцует Гюльнара (народная артистка Узбекской ССР Г. Измайлова).

Фото Б. Рябинина

Прыжок на лыжах

Л. БРАСЛАВСКИЙ

«Не следует заканчивать тренировку неудачным прыжком» — такого правила придерживаются все прыгуны на лыжах. Неудачный прыжок оставляет чувство неуверенности, сомнение в своих силах...

Юрий Скворцов поднимался на стартовую площадку трамплина, чтобы совершить последний прыжок. Тренировка прошла удачно, и он был полон радостного возбуждения, которое всегда вселяли в него полеты над снежной горой. Еще один прыжок, и довольно... Сжавшись в комок, он мчался по эстакаде трамплина. Лыжи скользили бесшумно, ветер с каждой секундой становился плотнее. Уже в воздухе Скворцов почувствовал, что оттолкнулся хорошо. Далеко внизу мелькнули маленькие фигурки людей, запушенные снегом деревья, темная извилина незамерзшей Москвы-реки, дома, освещенные зимним солнцем. Кажется, он прыгнул далеко, пожалуй, слишком далеко. Трамплин рассчитан на сорокаметровые прыжки, а Скворцов приземлился метра на три дальше. Его швырнуло чуть в сторону, он неловко упал и ударился правой бровью о лыжи.

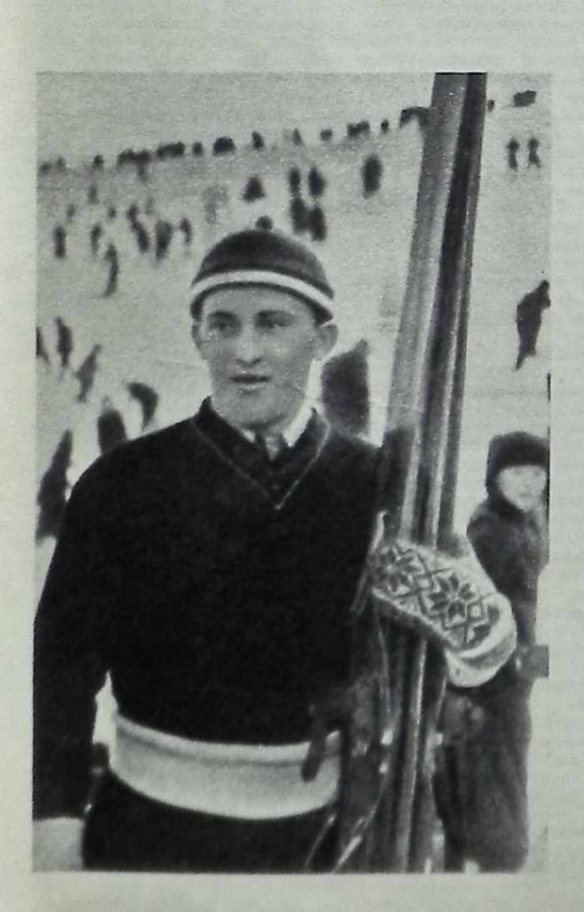
— Юра, вы ушиблись? — обеспокоенно крикнул стоявший неподалеку тренер Владимир Нагорный.

— Все в порядке, — ответил Скворцов.

Он вскинул на плечи лыжи и стал снова взбираться в гору. Бровь сильно болела. От хорошего настроения не осталось и следа.

— Хватит! — донесся до него голос тренера.— Пора домой.

— Я прыгну еще раз...

Юрий Скворцов.

Нагорный, сам в прошлом известный прыгун, понял его. Предстоят соревнования на первенство Москвы, — его ученика не должно преследовать тягостное воспоминание о неудачном прыжке.

Однако и вторая попытка не принесла удовлетворения: внизу, на выкате, Скворцов еле устоял на ногах.

— Может быть, достаточно? — снова крикнул Нагорный.

— Нет! — решительно сказал ученик.

Он прошел мимо тренера, отвернувшись, чтобы Нагорный не видел его лица. Кажется, он сильно разбил бровь.

Наконец Скворцов прыгнул так, как ему хотелось: уверенно и красиво. Даже самые строгие судьи вряд ли сумели бы придраться к нему. Вот на таком прыжке можно закончить тренировку. Однако Скворцов стал вновь подниматься на трамплин. Нагорный понял, что его ученик хочет закрепить успех, и одобрительно улыбнулся. Скворцов в точности повторил свой удачный прыжок... Он подъехал к тренеру, и только сейчас Владимир Нагорный увидел, что бровь у его ученика сильно вспухла. Нагорный знал, что Скворцов многого добился благодаря своей настойчивости и воле, но сейчас... Тренер нахмурился. Однако глаза ученика сверкали так весело, что у Нагорного не хватило сил отчитать Скворцова.

Юрий Скворцов выиграл через несколько дней первенство Москвы, и эта победа была тем более приятна, что он одержал ее на Ленинских горах. Здесь он вырос и десять лет тому назад встретился с Нагорным, который помог ему стать лучшим прыгуном с трамплина в стране. В то время четырнадцатилетний школьник Скворцов еще не знал, что такое большой трамплин. Он с удовольствием катался с гор, не подозревая, что это и есть лучшая школа прыгуна. Когда снежные бугры подбрасывали его в воздух, он с наслаждением отдавался полету, и чем дальше удавалось прыгнуть, чем сильнее захватывало дух, тем охотнее он повторял прыжок.

— Эх, научиться бы прыгать с настоящего трамплина! — сказал он Нагорному.

— Для этого надо как следует привыкнуть к горам, — ответил тренер.

Юрий Скворцов знал Ленинские горы, как свои пять пальцев. Не было склона, где бы не оставили след его лыжи. Он выбирал самые трудные места, мысленно намечая сложный путь среди деревьев, глубоких ям и опасных бугров. С отчаянной решимостью проносился он по этому пути во главе ватаги таких же отважных юнцов. Вместе с другими учениками Нагорного из горнолыжной секции «Динамо» он изучал слалом, различные повороты и торможения, которые позволяли стремительно лавировать среди флагов, в каких бы запутанных комбинациях они ни стояли на склоне. Он приобретал одно из важнейших качеств прыгуна — устойчивость на лыжах.

— Путь к прыжку не так прост, — любил повторять Нагорный.

В тот момент, когда лыжи после полета касаются снега, спортсмен мчится со скоростью курьерского поезда. Это тем более непривычно, что под ногами не горизонтальная площадка, а крутой склон. Чтобы чувствовать себя в таких необычных условиях уверенно и хладнокровно, надо не один раз испытать головокружительный спуск с высоких гор.

В воздухе.
Фото Н. Волкова

Скворцову довелось попасть в Хибины, и там в трудных высокогорных условиях он занял третье место среди сильнейших слаломистов Советского Союза. Это были незабываемые минуты. На два километра протянулась с вершины горы извилистая дорога, отмеченная на изгибах флажками контрольных ворот. По ней неслись один за другим лыжники, стараясь развить максимальную скорость. Результаты спуска сообщали по телефону на старт, и каждый спортсмен стремился превзойти время своих противников.

Со свистом прорезая воздух, Скворцов бесстрашно промчался по снежной трассе и, ни разу не затормозив, пересек линию финиша. Он выдержал экзамен на скорость и добился звания мастера спорта. Ему не было тогда еще восемнадцати лет.

В это время он уже стал отличным прыгуном с трамплина. Кажется, совсем недавно он впервые в жизни стал на широкие прыжковые лыжи с тремя желобками. Сначала он прыгал с маленького учебного трамплина. Потом московские горнолыжники сами построили на Ленинских горах большой трамплин. И день, когда Юрий поднялся на его вершину, чтобы совершить свой первый прыжок, навсегда остался в памяти. Было пасмурно, но ему казалось, что сияет солнце. По спине пробегал холодок: слишком глубока пропасть, куда ему предстоит нырнуть. Но воля победила страх... Ему не удалось уловить мгновение, когда из-под ног ушла эстакада. Он был уже в воздухе. Только бы опуститься удачно, на две лыжи. Он не мог бы определить, сколько длился полет, много или мало, и поймал себя лишь на том, что уже мчится по снегу. Только в тот миг, когда лыжи затормозили, к нему вернулась ясность сознания.

С каждым днем он все больше привыкал к трамплину, уже не подчиняясь слепой силе, которая влекла его вниз, а сам управляя полетом...

Взяв разгон, прыгун проносится по эстакаде со скоростью, достигающей ста километров в час. Необходим точнейший расчет, чтобы при такой скорости во-время распрямиться и прыгнуть с конца эстакады. Однако дальность прыжка зависит не только от толчка. В воздухе круговыми движениями рук спортсмен старается придать телу такое положение, при котором уменьшается встречное сопротивление воздуха.

В пятидесятом году, уже дважды выиграв первенство СССР, Скворцов поехал с группой горнолыжников в Германскую Демократическую Республику. Поезд прибыл на место в пять часов утра, а в восемь часов Юрий поднялся на площадку трамплина.

Толпы людей обступили гору приземления, расположились на ближайших склонах, и, как на Ленинских горах, в Москве, на деревьях сидели мальчишки. Когда объявили, что на старте советский спортсмен, стало очень тихо. Все смотрели на него. А Юрий, как обычно в такие минуты, старался собраться, сосредоточиться. Где-то там, в толпе, его товарищи. Он попытался разыскать их глазами. Они в красных свитерах. Скворцов поднял руку, давая знать, что готов к прыжку... И тысячи людей увидели стремительно мчащуюся с вершины трамплина красную горошинку. В неуловимый миг она словно взорвалась в воздухе и превратилась в гибкую фигуру спортсмена на сомкнутых лыжах, с распростертыми, как крылья, руками.

В горном празднике участвовали сотни немецких спортсменов, но самое горячее одобрение вызвал прыжок Скворцова. Зрители спрашивали его, где он учился прыгать, и Скворцов отвечал им: «На Ленинских горах, в Москве».

Как они преобразились за последние годы, эти уютные горы! Там, где в тесноте, в беспорядке стояли деревянные домишки, протянулись широкие аллеи к стройному, прекрасному зданию Московского университета. Одно лишь остается неизменным: едва снег укутывает горы, тысячи лыжников появляются на склонах. Здесь и взрослые и юнцы, которые с восторгом смотрят на слаломистов и мужественных прыгунов с обветренными лицами и мечтают стать такими, как они. Юрий Скворцов теперь помогает своему тренеру воспитывать бесстрашных прыгунов с трамплина. Он окончил высшую школу тренеров и собирается продолжить образование на основном курсе Института физической культуры.

Скворцову принадлежит рекорд дальности прыжка с московского трамплина. Впрочем, никто дальше его не прыгнул и с трамплинов в Свердловске и Бакуриани. Вот только рекорд на цельнометаллическом трамплине в Кирове поставил не он, а свердловчанин Евгений Самохвалов. В 1952 году он встретился там с Самохваловым на Всесоюзных соревнованиях.

— Собираешься победить? — шутливо спросил Самохвалов.

— Мечтаю два года,— так же весело ответил Скворцов.

Друзья и постоянные соперники всегда испытывали при виде друг друга особенный прилив сил. И тем, кто наблюдал за их спортивным поединком, передавался этот волевой накал.

Они постарались вложить в прыжки все свое умение. Лыжи Самохвалова коснулись снега на отметке 59 метров. Скворцов прыгнул на два с половиной метра дальше и снова стал чемпионом страны.

Каждый трамплин рассчитан на определенную дальность прыжка. Скворцову удалось изведать полет за семьдесят метров на трамплине в Бакуриани, на Кавказе. Теперь он мечтал о восьмидесяти метрах.

В апреле 1952 года советские горнолыжники проводили совместные тренировки с польскими спортсменами в Закопане, горной местности Польши. Весеннее солнце основательно растопило снега. Вверху, на северном склоне, проносились среди флагов слаломисты, внизу, у подножия, где находился огромный трамплин, снега оставалось совсем мало. И все же Юрий Скворцов решил рискнуть. Поднимаясь на верхнюю площадку, он видел, что его друзья — польские и советские спортсмены — все еще подбрасывают лопатами снег к основанию трамплина. Наверху Скворцов остановился и посмотрел вдаль. В полном покое и безмолвии простиралась под ним горная долина с островками деревьев, похожих на кустики. Из-под ног по горе разгона убегала и неожиданно обрывалась подтаявшая лыжня.

Многократный опыт приучил его преодолевать боязнь высоты и риска, но сейчас он все же волновался. И для того, чтобы унять эту легкую тревогу, Скворцов глубоко вдохнул воздух, напоенный запахами ранней весны. Оттолкнувшись от площадки, он ринулся вниз. Скорость нарастала с каждым мгновением, борта горы разгона сливались в серые, искрящиеся полосы. Скворцов мчался в низкой стойке, наклонившись вперед, и ветер свистел все яростней, все неудержимей. Вот он, край трамплина! Еще не достигнув его, Скворцов присел и вдруг, подобно стальной пружине, выпрямился и бросился вперед.

На мгновение он как бы застыл в воздухе, точно высматривая путь, а затем, взмахнув руками, отвел ноги назад и, наклонив корпус, распростерся над концами своих лыж. Он летел, покоясь грудью на невидимой воздушной подушке, которая поддерживала его, не давая нырнуть головой. Под ним стремительно мчалась гора приземления с черно-белыми цифрами по краям. Он преодолевал десятки метров за ничтожные доли секунды, наслаждаясь волшебным ощущением полета. Как бы он хотел продлить прыжок, но под ногами все ближе и ближе снег. Стараясь смягчить удар, Скворцов опустился на склон...

Он прыгнул на восемьдесят два метра.

250-летие первой русской газеты

«О воинских и всяких делах, которые подлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты...»

Так было сказано в указе Петра I от 16 декабря 1702 года о создании первой русской газеты. Предшественниками ее были рукописные «куранты», которые составлялись для царя и его ближайшего окружения в Посольском приказе и содержали выдержки из иностранных газет о различных событиях в Европе. Сведения, сообщаемые этой рукописной газетой, считались государственной тайной и не выходили за пределы тесного придворного круга. Последние рукописные «куранты» были составлены в 1702 году.

Петр I, стремившийся к распространению просвещения, заботился о создании газеты. Указ его предписывал печатать для всеобщего сведения «ведомости», то есть известия о различных событиях в России и за границей, разъяснять важность производимых им реформ. Эти сведения все Приказы должны были доставлять в Монастырский приказ, в ведении которого находилась московская типография «Печатный двор».

Указ Петра был выполнен без промедления. 2 января 1703 года в Москве вышел первый номер первой русской газеты [1].

Номер появился под названием «Ведомости», которое потом долго и сохранялось.

Номер, отпечатанный мелким церковно-славянским шрифтом, состоял из четырех страниц в восьмую долю листа и содержал 14 кратких заметок (около 150 теперешних газетных строк). В первой из них сообщалось, что в Москве «пушек медных, гоубиц и мортиров вылито 400... А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, более 40.000 пуд лежит».

Затем следовали другие сообщения: «Московские школы умножаются и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили».

«В математической штюрманской школе более 300 человек учатся и добре науку приемлют».

«Из Персиды пишут: Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей не мало...»

«Из Казани пишут: на реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают не малую быть прибыль Московскому государству».

Несколько заметок сообщали о военных действиях, об осаде русскими войсками крепости Нотенбурх и о том, что «его царское величество войска свои в различных кораблях в Белое море запровадил, оттоле далее пошел и корабли паки назад к Архангельскому городу прислал, и обретаются тамо 15.000 солдат...»

Сообщения об успехах русской армии занимали значительное место в ряде номеров газеты, а известие о Полтавской победе 1709 года выделено: начальные строки его были напечатаны красной краской.

Часто помещались заметки о развитии русского флота, о вступивших в строй новых заводах, о технических улучшениях заводского производства, о расширении торговли и особенно часто о различных событиях в Европе.

Петр принимал самое деятельное участие в созданных им «Ведомостях». Нередко сам отмечал в голландских газетах известия, которые считал нужным перевести, и читал корректуры. Его ближайшими помощниками были граф Ф. А. Головин (начальник Посольского приказа), М. П. Аврамов (директор петербургской типографии), Федор Поликарпов («справщик», то есть редактор и корректор московской типографии, писатель, составитель «Триязычного лексикона») и Яков Синявич (переводчик Посольского приказа). Последнего следует считать первым русским репортером: обязанностью его было «проведывать», то есть собирать сведения об общественной жизни и столичных происшествиях — «о всем здешнем» — и давать их на просмотр посольским советникам.

«Ведомости» печатались церковно-славянским шрифтом до 1710 года; в этом году появился номер, впервые отпечатанный гражданским шрифтом. Номер этот замечателен еще тем, что в нем было помещено первое печатное объявление о русских книгах — «Реестр книгам гражданским»,— в котором перечислены книги, напечатанные к июню 1710 года.

Тираж «Ведомостей» колебался от 160 экземпляров до 4 тысяч. Число страниц в номерах не было одинаковым — от четырех до двадцати двух. Выходили «Ведомости» в неустановленные сроки, по мере накопления материала. Цена «Ведомостей» была одна, две, а иногда четыре деньги за номер. До 1711 года «Ведомости» печатались в Москве, а с этого года — то в Москве, то в Петербурге. В 1727 году издание «Ведомостей», основанных Петром, прекратилось.

Н. СЕРГЕЕВ

[1] Недавно были обнаружены два рукописных экземпляра «Ведомостей» за декабрь 1702 года; неизвестно, однако, были ли они воспроизведены типографским способом.

Большой творческий вклад

М. Ботвинник.

М. Тайманов.

20 ДЕКАБРЯ.

После 14-го тура Тайманов оторвался на два очка от Ботвинника! Очевидно, Болеславский считал, что это уж слишком много: если дело и дальше так пойдет, то спортивный интерес к турниру на финише значительно снизится. Поэтому он был очень строг в партии с лидером чемпионата Таймановым. С самого начала у Тайманова что-то не ладилось, и можно сказать, что «погиб» он без борьбы. Тайманов как будто не очень расстроился, хотя я не знаю шахматиста, который радовался бы своему проигрышу.

Ботвинник в хорошем стиле переиграл Иливицкого. Теперь дистанция между Таймановым и Ботвинником — только одно очко. Но и мастер Моисеев, одержавший третью победу подряд, отстает от Тайманова только на очко. Финиш обещает быть интересным.

23 ДЕКАБРЯ.

Ботвинник, вероятно, неохотно вспоминает свои прежние встречи с Геллером. Две встречи — два поражения! Поэтому сегодняшняя партия была для него едва ли не самой трудной в турнире. Ботвинник проявил много воли к победе, энергии, старания и провел всю партию очень сильно. Геллеру, что называется, вздохнуть некогда было, и в конце концов он оказался «раздавленным». Это была важная победа для Ботвинника. Многие уверовали, что теперь Ботвинник возьмет первое место. Интересно напомнить, что этой встречей Ботвинник закончил все партии с гроссмейстерами. Доктор технических наук Ботвинник особенно внимательно «экзаменовал» нашу олимпийскую команду: из пяти партий Ботвинник три выиграл и две свел вничью.

Тайманов присматривался к сильной игре Ботвинника и решил, что отставать нельзя. Он уверенно победил Каспаряна.

Важный соперник Моисеев сегодня отпал. Правда, не сегодня, а только при доигрывании, после 112 ходов, когда его победил тульский мастер Суэтин.

У Болеславского до этого тура дела складывались неплохо. Но сегодня, во встрече Болеславский — Аронин, шахматистов «тяжелого калибра», Болеславский был совершенно зажат. Не все шахматисты умеют «красиво проигрывать». Шесть противников Тайманова откладывали партии, а затем сдавались без игры. Не потому ли они поступали так, чтобы не допустить аплодисментов в адрес своего противника?.. Впрочем, Тартаковер шутил, что сдаваться никогда не поздно.

24 ДЕКАБРЯ.

Ботвинник добился еще одной важной победы — на этот раз над Моисеевым. Правда, чемпиону мира пришлось немало потрудиться. В первый вечер на 39-м ходу Моисеев ошибся, и Ботвиннику стало легче. Во второй вечер Ботвинник довел партию до абсолютно выигранной позиции, и лишь на третий раз он преодолел сопротивление упорного противника. Но что делать: очко очень нужное, приходится работать! Ботвинник мощно финиширует.

Лидер чемпионата потерял пол-очка в партии с Каном. Итак, Тайманов имеет 12,5, Ботвинник — 12. До конца остается два тура.

Керес явно деморализован, и Смыслов, который также не в особенном восторге от своего турнирного положения, наносит чемпиону страны пятое поражение.

Славится своим финишем Бронштейн. В этом турнире он фактически не принимал участия в борьбе за первое место. Но турнир идет к концу, и Бронштейн выигрывает у молодого Корчного.

26 ДЕКАБРЯ.

Предпоследний тур. Зрители почти не замечают, что уже на 22-м ходу Керес выиграл у Корчного, они не следят за борьбой между Бронштейном и Болеславским. Все внимание концентрируется на партиях Ботвинника и Тайманова.

Ботвинник переиграл Бывшева. Тайманов на этот раз долго думает. Уже казалось, что ему грозит сегодня цейтнот. О чем он задумался? Лидер чемпионата имеет возможность форсировать ничью повторением ходов. Но Тайманов отказывается от этого, продолжает борьбу — и успех на его стороне. Его противник Иливицкий скоро запутывается и теряет фигуру. Этого ему кажется мало, и он теряет еще одну. И все же Иливицкий забывает сдаться, опомнившись лишь на следующий день.

Драматично протекала встреча Ботвинника. Уже все в зале «похоронили» Бывшева. Позиция у него была безнадежной, и помимо того он играл в конце партии «на флажке». В этот решающий момент ошибку допускает не Бывшев, а, как это ни странно, Ботвинник. Чемпион мира выпускает выигрыш и находится даже под угрозой проигрыша. Но на 40-м ходу Бывшеву просто некогда заметить возможность выигрыша, и, после того как отложена партия, анализ убеждает противников, что получается форсированная ничья.

Значит, перед последним туром Тайманов впереди на одно очко.

Геллер и Толуш — любители острых ощущений. Жертвы и контржертвы чередовались непрерывно. В азарте борьбы Толуш отказался от вечного шаха и потерял ценную половину очка.

28 ДЕКАБРЯ.

Последний тур! Тайманов хочет сделать ничью, а его противник Геллер хочет выиграть, чтобы занять третье место. Не удивительно, что молодые гроссмейстеры нервничают, и игра протекает с переменным успехом. Партия откладывается. Кажется, что Тайманову первое место обеспечено, поскольку на доске явно ничейная позиция. Все зависит от того, какой ход запишет Тайманов. Чемпион Ленинграда всегда играет быстро, часто даже слишком быстро. На этот раз Тайманов думает 50 минут, и судья запечатывает конверт. Увы, сегодня вопрос о чемпионате не решился, болельщикам приходится страдать до завтра.

Какой ход записал Тайманов? Анализом установлено, что ход Лf8 приводит к форсированию ничьей, а ход Лh8 проигрывает. Ботвинник откладывает партию с Суэтиным в выгодном эндшпиле. Но выигрыш ему не поможет, если Тайманов записал правильный ход.

29 ДЕКАБРЯ.

Судья вскрывает конверт. Записан Таймановым проигрывающий ход ладьей на h8. Ошибка Тайманова заключалась, быть может, в том, что он слишком много думал.

Итак, целый месяц играли в шахматы, а получается, что один ход решил судьбу всего турнира. Какая ирония судьбы! Но Тайманов испортил дело не только себе. Ход Лh8, как это ни странно, стоил Толушу звания гроссмейстера СССР. В случае ничьей Толуш поделил бы третье и четвертое места, что давало бы ему основание получить звание гроссмейстера. Теперь третье место занял Геллер, а Толуш отброшен на 4—5-е место.

Проигрыш Тайманова обнадежил Ботвинника. Есть возможность в самый последний момент догнать лидера! Уже закончены все партии турнира. Играется последняя, 190-я партия. Она решает исход чемпионата. У Ботвинника лишняя пешка, но при разноцветных слонах. Игры еще много. Многие считают, что партия не закончится, что придется отложить не только закрытие турнира, но и... встречу Нового года. Сделано 76 ходов. В прессбюро обсуждаются всякие возможности, но никто не видит выигрыша для Ботвинника. И вдруг последнее сообщение: Суэтин сдался! Что за шутки? Нет, вполне серьезно. Суэтин допустил ошибку, Ботвинник неожиданно создал матовую сеть в центре доски при очень ограниченном материале, и на 78-м ходу у Суэтина не было защиты от мата. Все! Ботвинник догнал Тайманова.

Играли, играли, болельщики волновались, а чемпиона нет. Утешает сообщение, что в январе состоится небольшой матч из шести партий для выявления чемпиона страны. Хороший, интересный матч: чемпион Ленинграда играет с чемпионом мира матч на первенство СССР.

Победа Ботвинника и Тайманова закономерна и заслуженна. Они оторвались на полтора очка от Геллера.

За последние два — три года было много «знатоков», которые считали, что Ботвинник уже не тот, что он постарел, что нервы у него не те. Это могли говорить люди, не знающие огромной силы воли Ботвинника, его большой работоспособности, его железной выдержки. Не такой характер у Ботвинника, чтобы в 41 год уступать позиции! Турнир показал, что Ботвинник начинает входить в хорошую форму (хотя еще не в самую лучшую), и многочисленные поклонники Ботвинника довольны, что доктор технических наук все еще очень хорошо играет в шахматы.

Если считать чемпионат Советского Союза малым чемпионатом мира, то Ботвинник подтвердил свое звание чемпиона мира. Моральный успех Ботвинника и в том, что его шахматный ученик Тайманов поделил с ним первое место. За 4 года Тайманов значительно вырос, играет ровно, без неудач. Блестящая победа Тайманова — лучшее достижение в его недолгой практике. Но я уверен, что Тайманов еще не раз будет «беспокоить» своего шахматного учителя.

ЦИФРЫ

- В чемпионате играли 7 гроссмейстеров. Во встречах с гроссмейстерами Ботвинник набрал 4 из 6, Керес — только 1,5 очка.
- 109 партий чемпионата закончились результативно 81 — вничью.
- Тайманов выиграл 11 партий, Каспарян «обидел» только одного Бронштейна.
- Аронин свел 12 партий вничью, Бывшев — только две.
- Лучший результат среди мастеров у Корчного — 8,5 из 13 партий, сыгранных с мастерами.
- Ботвинник проиграл только одну партию, Гольденов — 10.
- Гроссмейстеры выиграли у мастеров 35 партий и проиграли 11.

Замечательная у нас шахматная молодежь! Геллер вновь показал себя опаснейшим претендентом на звание чемпиона. Молодой Корчной поставил в «неловкое положение» таких знаменитых шахматных гроссмейстеров, как Смыслов, Бронштейн и Керес.

Особенно удивляет неудача Кереса. Чем это объяснить? В наших чемпионатах бывают неожиданности. В прошлом году первым был Керес, а Ботвинник пятым. Теперь Ботвинник первый, а Керес — десятый. Форма, форма! Спортивная форма капризна.

Бронштейн сделал одно «доброе дело» под занавес. В последнем туре он проиграл Каспаряну. Это был единственный выигрыш Каспаряна в турнире. У ереванского мастера под Новый год несколько исправилось настроение: он не оказался последним в чемпионате.

Неудачники этого чемпионата будут иметь достаточно возможностей взять реванш. А пока что болельщики, любители творческого процесса шахматной игры, могут знакомиться с сыгранными в этом чемпионате партиями. Все участники старались играть как можно лучше. Спасибо им за большой творческий вклад! Изучать это творчество будет полезно шахматисту любой категории.

Международный гроссмейстер
Сало ФЛОР

Отвечаем читателям

Светящаяся треска

Читатель «Огонька», живущий в Мурманской области, Н. А. Суворов укладывал в холодной кладовой свалившуюся с полки треску. Покончив с делом, он вышел из кладовой и в темном коридоре потушил свечу. Лишь только свеча погасла, в наступившей темноте неожиданно засветились... его руки.

Пораженный этим, он вернулся в кладовую. Там его глазам представилась настоящая иллюминация: треска, полка под ней и даже то место на полу, на котором только что лежала упавшая рыба,— все светилось. При фосфорическом свете, излучаемом рыбой, он хорошо различал пуговицы на своей одежде и даже цифры на ручных часах.

Треска была самой обыкновенной, свежемороженой, и свойство светиться она приобрела лишь после того, как оттаяла. Выяснив это, Н. А. Суворов пришел к заключению, что свечение трески было вызвано имеющимся в ее костях фосфором.

Однако кости трески хотя и содержат фосфор, но не обладают способностью светиться, а тем более излучать свет сквозь мускулы и ткани. Повидимому, тут действовала какая-то другая причина.

Ученый секретарь Ихтиологической комиссии Академии наук СССР Н. Н. Куличенко, куда мы обратились с просьбой объяснить это явление, сообщила следующее:

— В наших морях, в частности в Баренцовом, в котором, повидимому, и была поймана треска, обитают светящиеся микроорганизмы. Отдельные участки моря бывают так густо насыщены ими, что светятся вынутые из воды весла, рыболовные сети. Этими же микроорганизмами вызвано и свечение трески. Как только она оттаяла, оттаяли и стали светиться находившиеся в каплях воды микроорганизмы.

Южнокитайский тигр.

В Московском зоопарке

ЗВЕРИ ИЗ КИТАЯ

Недавно в Московский зоопарк поступила большая партия животных из Китая — редкие виды земноводных, пресмыкающихся, птиц и млекопитающих.

Особого внимания заслуживает исполинская саламандра, редко демонстрируемая в зоопарках. Исполинская саламандра — самое

Ушастый скворец.

крупное животное из современных земноводных—встречается только в Японии и в Среднем Китае. Саламандры обитают в горных ручьях, питаются рыбой, лягушками, червями, насекомыми. Саламандры издают звук, напоминающий крик ребенка, поэтому местное население называет их «ребенок-рыба».

Большой интерес представляет китайский аллигатор. За страшный вид и довольно злобный характер его называют драконом. Максимальный размер аллигатора — до двух метров; питается он мелкой рыбой, лягушками, зиму проводит в спячке, забираясь в земляные норы по берегам рек.

Коллекция ядовитых змей зоопарка пополнилась кобрами, или очковыми змеями, которые, также как саламандра и китайский аллигатор, размещены в здании террариума.

Из Китая привезли большое количество птиц. Наиболее интересные из них — это ушастые скворцы, ткачики, вьюрки, рисовки.

Ушастые скворцы получили свое название за голые кожные наросты оранжевого цвета за ушами. Они, как и другие виды скворцов, обладают большими звукоподражательными способностями и легко выучиваются свистеть и даже выговаривать целые фразы. Это очень веселые, подвижные птицы.

Ткачики замечательны своим необыкновенным искусством строить гнезда. Они сплетают их из растительных волокон и стеблей различных трав и прикрепляют к очень тонким, гибким ветвям, откуда гнездо свешивается вниз в виде мешка. Некоторые ткачики вплетают в наружные стенки гнезда острые шипы, превращая его таким образом в маленькую крепость, недоступную даже для мелких хищников.

Вьюрки — очень мелкие подвижные птички, размером несколько больше колибри. Свое название они оправдывают необычайной подвижностью. Эти веселые птички, непрерывно щебечущие, обладают исключительной привлекательностью, и их часто можно встретить в домах у населения Китая.

В просторный заснеженный загон «Острова зверей» помещены два молодых южнокитайских тигра, также прибывших из Китая. Один из тигров пойман в возрасте трех — четырех месяцев в провинции Хунань весной 1951 года. Тигр вырос под наблюдением людей, у него мягкий, уживчивый характер. Утомленному длительным путешествием тигру по прибытии в зоопарк сделали «ванну» (тигры любят купаться). После мытья его насухо вытерли полотенцем. Новый житель нашего зоопарка остался доволен таким приемом.

Одновременно привезли и маленькую подругу тигра, выловленную в той же провинции весной 1952 года. Крестьяне передали ее в детский парк, где она жила вместе с другими животными. Детский парк отправил маленькую тигрицу в Московский зоопарк. Как сообщили проводники, по дороге случилось небольшое происшествие. Тигрица ночью прогрызла бамбуковую клетку, вылезла из нее и начала прогуливаться по вагону, в котором находились клетки с другими животными и птицами, порядком перепугав их. Не имея запасной клетки, проводники впустили молодую тигрицу в клетку к тигру, и с тех пор они стали друзьями.

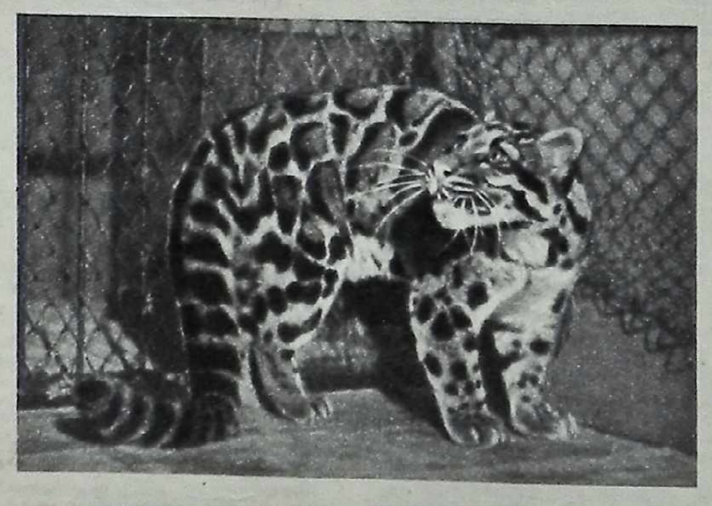
Обезьяна с детенышем.

Впервые в зоопарк доставлен дымчатый леопард, представляющий большую редкость не только в зоопарках мира, но и у себя на родине, в Китае. Некрупные, с хорошо развитыми зубами и когтями дымчатые леопарды называются древесными тиграми: пятнистая окраска хорошо маскирует их среди деревьев.

Коллекция обезьян зоопарка пополнилась краснолицыми обезьянами.

А. КОРОВИНА.
заместитель директора Зоопарка по научной части

Фото Ан. Анжанова

Дымчатый леопард.

В этом номере помещены репродукции картин А. М. Ратникова «Шефы», Д. В. Ходырева «Провинилась» и шесть страниц цветных фотографий.

Из почты «Огонька»

Глухарь во дворе

Недавно у нас в деревне произошел весьма интересный случай. Моя соседка Василиса Никитична, выйдя вечером во двор, была крайне удивлена. На жердочке, предназначенной для кур, важно восседала крупная птица. Появление человека не очень ее испугало. Она с любопытством и некоторым беспокойством посматривала на вошедшую, но не улетала.

Внимательно присмотревшись, соседка увидела, что «ночевать» к курам пожаловал глухарь. Во дворе началась охота за глухарем, и лесной красавец был пойман. Он оказал яростное сопротивление. Одному из участников нарушения его ночного спокойствия пришлось изведать силу удара крыльями, а другому получить серьезный удар клювом в лицо.

«Вот так случай! Сам прилетел в суп»,— шутили соседи.

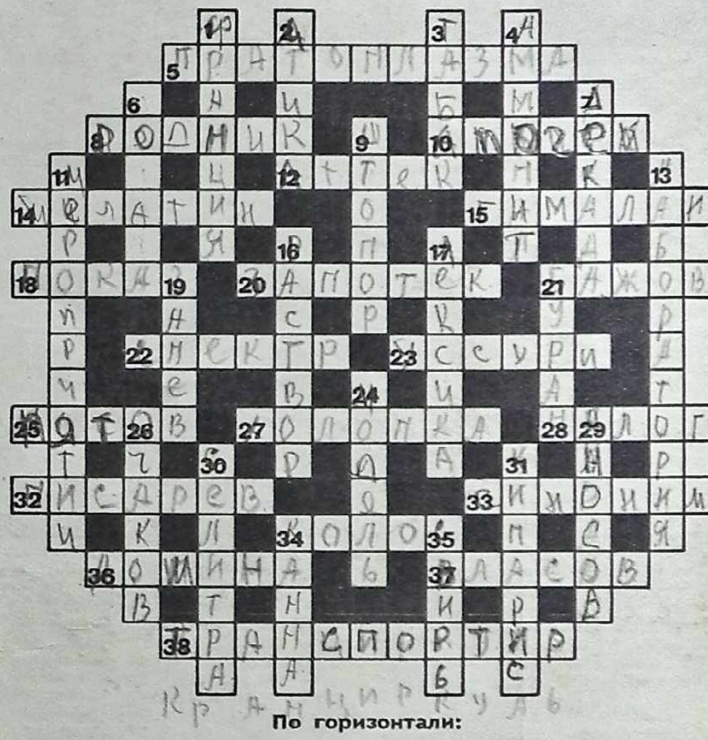
Что же заставило слишком осторожную птицу, любителя лесов, вдруг прилететь в деревню и забраться во двор?

У Василисы Никитичны Дроздовой есть индюк и индюшка. Они, очевидно, и ввели в заблуждение чуткую птицу, принявшую их за сородичей.

И. КОЛОКОЛ

Деревня Барыбино,
Рузского района,
Московской области

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Основное вещество клетки. 8. Водный источник. 10. Точка лунной орбиты. 12. Герой романа Б. Кербабаева «Решающий шаг». 14. Животный клей. 15. Горная система в Азии. 18. Демонстрирование. 20. Чехословацкий спортсмен. 21. Советский писатель. 22. Совокупность цветных полос, получающихся при прохождении светового луча через призму. 23. Приток Амура. 25. Русский изобретатель, открывший способ прокатки броневых плит. 27. Оперетта Н. М. Стрельникова. 28. Государственный сбор. 32. Выдающийся русский публицист и критик. 33. Слово, близкое по значению с другим словом. 34. Соцветие злаков. 36. Низменная впадина. 37. Герой произведения А. М. Горького «Мать». 38. Чертежный прибор.

По вертикали:

1. Государство в Европе. 2. Один из Ионических островов. 3. Растение из семейства пасленовых. 4. Взрывчатая смесь. 6. Приток Дуная. 7. Часть месяца. 9. Фигура высшего пилотажа. 11. Организованное действие. 13. Помещение для научных и технических опытов. 16. Жидкость. 17. Словарный состав языка. 19. Часть песни. 21. Метель в степи. 24. Образец изделия. 26. Город на Украине. 29. Великий русский металлург. 30. Азотнокислая соль. 31. Южное хвойное дерево. 34. Антилопа. 35. Река.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

3. Скетч. 6. Концерт. 7. Эстрада. 12. Шоколад. 13. Баянист. 14. Гаджиев. 17. Клен. 20. Рост. 21. Тамада. 22. Ракета. 25. Албанка. 26. «Золушка». 27. Вечер. 28. Суров. 29. Вишня. 30. Подарок. 31. Чебурек. 33. «Маска». 35. Веселье. 36. Графика. 37. Крым. 38. Поло. 40. Гимнастика. 41. Достижение. 44. Антоновка. 45. Каток.

По вертикали:

1. Острота. 2. Счастье. 4. Вокалист. 5. Здравица. 8. Пожелание. 9. Романс. 10. Январь. 11. Искусство. 15. Шампанское. 16. «Снегурочка». 18. Каватина. 19. Праздник. 23. Карнавал. 24. Частушка. 30. Песенник. 32. «Крокодил». 33. Музыка. 34. Аккорд. 37. Квинта. 39. Оксана. 42. Виола. 43. Олово.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова

А 01401. Подп. к печ. 6/1 1953 г. Формат бум. 70×108⅟₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 3. Заказ 3177. Рукописи не возвращаются.

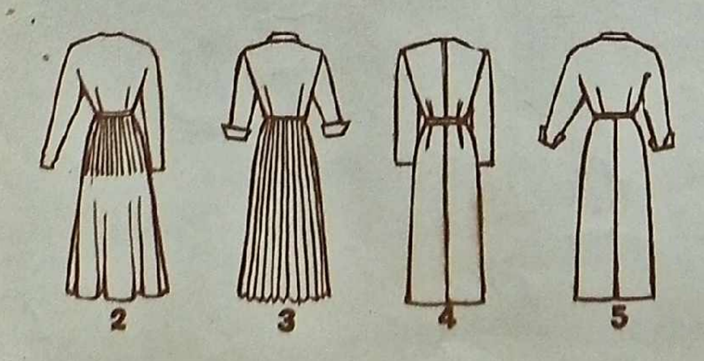
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

МОДЫ

1. Платье-костюм из шелковой или шерстяной ткани. Полочки короткого жакета с отрезными боками, втачанными до конца карманов. Полудлинные рукава, отделанные меховыми манжетами, кроятся вместе с боками полочек и спинкой. Прямая юбка, заложенная группами мелких складок.

Автор модели — В. ДАНИЛИНА
Ателье художественного фонда

2. Платье из шерстяной ткани или плотного шелка. Полочки лифа, скроенные по косой нитке, заплиссированы. Посредине лифа — планка с застежкой. Рукава цельнокроенные со спинкой, спереди настрочены по линии реглана. Бант, продергивающийся сквозь петлю на планке, выкроен вместе с рукавами. Верхняя часть юбки, скроенной полным клешем, заплиссирована.

3. Платье-костюм из шерстяной ткани. Короткий жакет с вытачками по талии и втачными полудлинными рукавами. Юбка — полный клеш, мелко заплиссирована.

Автор моделей — Д. ПИСАРЕВА
Экспериментальные мастерские Главунивермага

4. Платье из шерстяной ткани, отрезное по талии. На лифе по линии пройм и на юбке по линии боковых швов заложены складки и отстрочены карманы, застегивающиеся на пуговицах. Ворот, разрез посредине лифа и складки на лифе и юбке отделаны узкой косой полоской ткани, выстроченной складочками-защипками.

Автор модели — М. ПАНКРАТОВА
Ателье № 39 треста «Мосиндодежда»

5. Платье из шерстяной ткани, отрезное по талии. Перед лифа на кокетке, рукава цельнокроенные с лифом. Юбка прямая с двумя складками спереди и швом сзади. Большие накладные карманы с клапанами, кокетка и манжеты широко отстрочены.

Автор модели — А. ПОНИЧЕВА
Ателье № 38 треста «Мосиндодежда»

ЦЕНА 3 РУБ.